
Российская академия наук
Институт философии

В. Г. Бабаков

КРИЗИСНЫЕ ЭТНОСЫ

Москва
1993

ББК 60.7

Б 12

Ответственный редактор:
доктор философских наук *А.А.Панарин*
Рецензенты:
доктор философских наук *С.М.Брайович,*
Е.П.Батьянова

В авторской редакции

Бабаков В.Г.

Б 12

Кризисные этносы. - М., 1993. - 183с.

В монографии рассмотрены внешние и внутренние факторы кризисных явлений в этнических средах объективные предпосылки кризиса этносов и его восприятие в общественном сознании, эрозия основных компонентов этносов и их функций.

На основе анализа материалов конкретных этно-социологических исследований проблем малочисленных народов и национальных меньшинств, как этносов, подвергнувшихся в наибольшей степени кризису, в книге рассмотрены следующие вопросы: типологизация малочисленных народов, экологические проблемы выживания традиционных этносов, модернизация и социальная структура, аккультурация и кризис традиционных ценностей, стрессовое состояние этнического сознания.

ISBN 5-201-018409-8

© В.Г.Бабаков, 1993
© ИФРАН, 1993

Введение

Более чем семидесятилетний период коммунистического строительства в СССР закончился глубочайшим социально-экономическим, политическим и моральным кризисом всего советского сообщества. Тотальное отчуждение, контрасты духовного освобождения, дилеммы и тупики авторитарного управления, дефицитная экономика и постоянное нарастание социальной напряженности глубоко потрясли и всю национально-этническую систему советского государства, национально-политическая организация которого распалась в считанные месяцы. Национально-государственная система Союза ССР носила в себе глубокие внутренние противоречия, порожденные самой этно-национальной структурой общества наличием огромного разнообразия этносов, различающихся исторической судьбой, численностью, по языку, культуре, религии и т.д. Возникший в 1922 г. СССР к концу 30-х годов фактически сложился как унитарное государство и стал в сущности на мировой арене правопреемником бывшей царской России.

Своеобразие Российской империи заключалось в том, что великодержавные амбиции его правящих кругов осуществлялись не столько за счет ограбления завоеванных и добровольно присоединившихся народов, как это было в большинстве имперских образований подобного типа, сколько за счет эксплуатации экономических и людских ресурсов самого русского народа. Эта практика нашла свое отражение в идее мессианства русского народа. В условиях революции и гражданской

войны идея мессианства была по-своему трансформирована и переработана В.И. Лениным и включена в теорию пролетарского интернационализма. Говоря о роли России в мировой революции, В.И. Ленин писал, что "пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе, во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала"¹.

В 20-40-е годы эта идея была воплощена в действительность. В процессе социалистических экспериментов русскому народу пришлось действительно пойти на величайшие жертвы как в прямом смысле, так и в плане утраты многих этнических и, в особенности, духовных ценностей. В годы второй мировой войны русский народ понес огромные потери. Репрессиями и войной был подорван в сильной степени генофонд русского этноса.

В послевоенный период русский народ по-прежнему нес на себе крест интернационалистского мессианства во всем мире, исполняя роль старшего брата по отношению к другим народам внутри страны. Все это оказалось непосильной ношей даже для такого макроэтноса как русский народ. Наряду с другими бедами, которые принесла народу тоталитарная система, выполнение интернациональной задачи по внедрению социализма в национальных окраинах и в различных регионах мира еще сильнее подорвало экономический и социокультурный потенциал русского народа, вызвав в нем глубокий социальный и моральный кризис. Сходная судьба у белорусского, украинского и некоторых других численно больших народов, ставших донорами социалистического строительства.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.166.

Проблемы преодоления кризисных явлений у русского и других крупных этносов, имеющих свою государственность, — особая тема исследования. В настоящей работе речь пойдет не о них, а о тех этносах, которые в силу своей малочисленности или дисперсности расселения, не создали своих государственных или иных организованных структур. Эти этносы не однородны по своим социокультурным, лингвистическим характеристикам, проживают в различных регионах. Различаются и кризисные явления, происходящие в их экономическом пространстве и этнокультурной среде. В силу системности межэтнических и внутриэтнических связей общий кризисный фон определяется в то же время для каждого региона проживающего в нем народа неповторимым сочетанием различных проблем. При этом определяющими в кризисных ситуациях у одних этносов могут быть проблемы экологии и биологического выживания, у других приоритетными стали проблемы национального языка и специфики этнической культуры и т.д.

В критической ситуации в современных условиях оказались народы Севера и национальные меньшинства, проживающие в иноэтническом пространстве. В условиях обострившихся межнациональных конфликтов эти этносы оказываются практически беззащитными, их состояние вызывает особую тревогу. Плачевное экономическое, политическое положение малых народов и национальных меньшинств, их низкий культурный уровень суть результат накопления кризисных явлений в системе национальных отношений, где они выражены наиболее рельефно. В этой связи речь идет не только о сохранении экономической и духовной энергии того или иного малочисленного этноса, но и о его физическом выживании.

В контексте всеобщего общественного кризиса в стране наблюдается и чисто этническая специфика проявления кризисности различных народов. Эта специ-

фика выражается в эрозии и разрушении основных функций и компонентов этноса: этнической культуры, языка, эндогамии, этнического сознания и самосознания. Следует заметить, что распад этносообразующих компонентов не коррелирует напрямую с кризисом экономики и социально-политической системы общества, в состав которого входит этнос. Кризис этничности может протекать и в экономически благополучном обществе и базироваться преимущественно на внутриэтнических факторах. К внутренним (эндогенным) факторам кризисности этноса, на наш взгляд, следует отнести потерю этносом своей пассионарности (термин введен в научный оборот Л.Гумилевым), ослабление его внутренней энергии, выражающееся во внутриэтнических биодемографических процессах (падение рождаемости, негативные генетические последствия длительной эндогамии, неблагоприятные изменения внутриэтнической половозрастной структуры), естественное дробление этноса на субэтносы и связанные с ним процессы роста дисперсности и мозаичности расселения носителей этничности (этнофоров). Эндогенные кризисы этносов имели место на протяжении всей истории человечества. Биоэнергетическое ослабление этноса часто сопровождалось ослаблением и исчезновением этнического самосознания, потерей исторической памяти и в конечном итоге гибелью этноса как социокультурной общности.

Малочисленные народы и национальные меньшинства сильно подвержены воздействию макросреды. Вследствие этого всякие неблагоприятные для макросреды явления отражаются на состоянии небольших этнических общностей. К таким явлениям относятся экологические кризисы, вызванные хозяйственной деятельностью государственных ведомств и предприятий, миграции населения, объективные обстоятельства и политико-административные действия, способствующие вынужденной аккультурации и ассимиляции малочисленных народов и национальных меньшинств. Соци-

ально-экономическая система государства оказывает сильное, часто негативное воздействие и на внутреннюю социальную архитектуру этноса, серьезно трансформируя и дифференцируя социально-профессиональную структуру и образ жизни различных социальных групп.

Следует заметить, что деление кризисных факторов на эндогенные и экзогенные весьма условно и относительно. Внешние и внутриэтнические процессы и явления, вызывающие кризис этноса, всегда переплетены и часто внешние факторы кризисности перерастают во внутренние. Например, вызванная внешними факторами вынужденная и даже насильственная аккультурация становится для этнофонов добровольной - люди по своей воле отказываются от родного языка, традиционной культуры, теряют этническое самосознание.

При анализе кризисных явлений в этнических средах важно правильно выбрать объект и метод исследования. Как отмечалось выше, в наиболее бедственном положении в условиях большого общества оказались малочисленные народы и национальные меньшинства. Они и стали объектом изучения этнической кризисности в настоящей работе. Наиболее репрезентативными источниками в исследовании кризиса всех сфер жизнедеятельности, в основных компонентов и функций этноса являются материалы по народам Севера. В их исторической судьбе сфокусировались все болевые точки этнических проблем. Социалистическое строительство и советский вариант техногенной цивилизации, столкнувшись с традиционным укладом жизни северных народов, именно в этом регионе породили наиболее тяжелые формы этнических кризисов.

Таким образом возникла необходимость комплексного исследования этнических кризисов в обществе переходного типа с тем, чтобы попытаться найти пути их смягчения в условиях нарастающего обострения межнациональных конфликтов. В имеющейся научной литературе, сосредоточившей свое внимание на пре-

имущественно позитивных сторонах этнического развития, нет работ, в которых содержался бы взвешенный анализ современных кризисных явлений в жизнедеятельности этнических общностей. Выступления писателей, публицистов, политических деятелей о бедственном положении малочисленных народов, как правило, несистемны, оторваны от научной методологии исследования и преимущественно эмоциональны. В связи с этим автор настоящей работы попытался системно проанализировать кризис основных сфер жизнедеятельности и жизнеобеспечения этносов, делая основной акцент на кризисе собственно этносообразующих компонентов и функций малочисленных народов и национальных меньшинств.

В качестве метода исследования был избран не традиционно применяемый в этнологии метод исторического диахронного рассмотрения этносов, а метод синхронного анализа, при котором этнос и окружающая его макроструктура рассматриваются в синхронном срезе: интегральная форма такого анализа - это межэтническая макросистема, взятая в данный момент времени; сопоставление различных этносов осуществляется с точки зрения их реального уровня развития относительно уровня современной техногенной цивилизации. При этом анализ общего кризиса системы показывает, что эндогенный кризис этноса зависит в настоящее время от положения всей межэтнической системы, поэтому анализ кризисной ситуации в границах отдельного этноса, взятого изолированно и самодомеюще, не дает истинного представления о масштабах и характере кризисных явлений. Поэтому возникает необходимость выделения общих признаков кризисности как совокупности экологического, социального, социокультурного кризисов, сопровождающихся глубоким и длительным стрессом этнического сознания, деградацией традиционных нормативных и духовных ценностей.

При анализе объективных оснований кризисности этноса в качестве дополнительного метода нами использовались ранее не применяемые в этнологии методики теории модернизации. Теории модернизации наиболее эмпиричны, прагматичны и хорошо дополняют и конкретизируют общецивилизационный подход. При этнологическом исследовании в теориях модернизации наиболее важна та их часть, в которой изучаются коллизии взаимодействия двух типов обществ - традиционного и современного. В работе использованы применяемые в теориях модернизации подходы категории и дефиниции, касающиеся проблем кризиса традиционной социальной организации этносов, маргинализации и аккультурации.

Глава первая. Типологизация малых народов

Прежде чем перейти к анализу конкретных проблем малочисленных народов и национальных меньшинств остановимся на некоторых теоретических вопросах изучения этих типов этнических общностей.

Термин "малые", или "малочисленные" народы до последнего времени сравнительно редко употреблялся в обществоведческой и политической лексике. В ходу были такие категории как "социалистические нации" и "социалистические народности". Различия их заключались, по мнению некоторых авторов (А.Агаев, М.В.Куличенко, И.П.Цамерян и др.), в чисто количественных характеристиках: советские народы, численностью до 80-100 тыс.чел. считались социалистическими народностями, а остальные социалистическими нациями. При такой примитивной градации не учитывалось огромное разнообразие этнической структуры общества, внутренней композиции и архитектоники этносов, их места и роли в функционировании всей системы национальных отношений. Кроме того, по мнению тех же авторов, социалистические народности, достигнув в своем социальном развитии параметров развитого социалистического общества, являют собой образец некапиталистического, а затем и социалистического развития для стран третьего мира. К сожалению, подобные, далекие от реальности представления были введены в ранг официальной идеологической доктрины и препятствовали формированию научного взгляда на предмет исследования.

В ином ключе происходило изучение группировок этнических общностей в этнографической науке. Первые важные исследования в этой области, связанные с именами С.М.Широкогорова и Н.Я.Марра, были сведены на нет в конце 20-х годов, когда понятие "этнос" объявили категорией буржуазной науки, а предметом этнографии стали социально-экономические формации в их конкретных вариантах¹.

Двадцать лет спустя в некоторых работах советских авторов прозвучали не очень определенные пожелания все-таки ответить на вопрос, что же представляет собой, так называемый этнос². Сама постановка вопроса казалась тогда едва ли не еретической: признанный глава советской этнографической школы тех лет С.П.Толстов в своих исследованиях последовательно и решительно избегал употребления понятия "этнос". По-настоящему теоретические проблемы этноса начали разрабатываться лишь с середины 60-х годов С.А.Токаревым, Н.Н.Чебоксаровым, В.И.Козловым. Особое значение в этом отношении имели работы Ю.В.Бромлея, в которых автор попытался наполнить широкогородовский термин "теория этноса" конкретным содержанием. В этнографической литературе стали проводиться дискуссии о типах этнических общностей и их иерархии. Однако, как справедливо отметил М.В.Крюков, на эти дискуссии оказывал коррозирующее воздействие ряд догматических постулатов, доставшихся современным этнографам в наследство от той эпохи в истории советской науки, когда априорный тезис был способен перечеркнуть результат эксперимента, а высшим критерием истины

¹Совещание этнографов Ленинграда и Москвы//Сов.этнография. 1929. №2. С.118.

²Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И.В.Сталина по вопросам языкознания//Сов. этнография. 1951. №4. С.12.

считалась цитата³. Наглядный пример такого рода - схоластическая схема исторических типов этноса (племя - народность - нация), которая продолжает провоцировать обществоведов на бесплодные попытки вложить в нее хоть какое-то содержание. К сожалению, новые усилия в этом направлении были предприняты и в последней дискуссии по проблемам типологизации этнических общностей, проводившейся на страницах ежегодника "Расы и народы" в 1988 и 1989 гг.

Так, Ю.В.Бромлей выступил за сохранение термина "народность" как историческая общность людей, ряда общественных формаций, фактически солидаризуясь в этом с тем направлением в советском обществоведении, которое сформировалось на сталинской модели исторических общностей людей. Настаивая на необходимости различать в социалистическом обществе "нации" и "народности" Ю.В.Бромлей сформулировал новый критерий их разграничения: к народностям он предложил отнести те этнические общности, которые не имеют своей промышленности⁴. Возражая ему, М.В.Крюков вполне резонно, на наш взгляд, отмечает, что, во-первых, данное толкование лишены количественно определенности (сколько фабрик и заводов нужно иметь, чтобы удовлетворить требованию обладания своей промышленностью?), во-вторых, и это главное, своей промышленности не имеет в СССР ни один этнос, поскольку на любом из промышленных предприятий, где бы оно не находилось, работают не исключительно грузины, литовцы или башкиры, а, как правило, представители, самых различных народов. Таким образом, новое толкование "народности" ничем не лучше тех, которые были поставлены под сомнение во время проходившей

³См.: Крюков М.В. Преодолеть догмы, изучать реальную этническую // Расы и народы. 1988. №18. С.50.

⁴Обзор точек зрения на исторические типы этнических общностей дан по материалам дискуссии, проводившейся на страницах ежегодника "Расы и народы" (1988. №18. С.5-65.).

дискуссии об исторических типах этнических общностей⁵.

Ю.В.Бромлей вернулся к проблеме "народности" в данном случае потому, что, по его мнению, каждой социально-экономической формации присущи свои типы этносоциальных подразделений (племя, народность, нация) и свой характерный тип этнической иерархии. В этом выражен традиционный для советского обществоведения формационный подход к изучению этнических процессов.

С точки зрения Ю.В.Бромлея, высказанной в ходе последней дискуссии, в принципе солидаризовался С.А.Арутюнов, который утверждал, что для каждой исторической эпохи характерен свой базисный тип этнической общности, соответствующий уровню собственно этноса, т.е. народа как такового, и от него уже могут отсчитываться общности как суб-, так и суперэтнического порядка. Правда этот тезис выражен недостаточно четко (не вполне ясно, что нам следует понимать под каждой исторической эпохой и каким образом эти эпохи надлежит выделять). В то же время С.А.Арутюнов подчеркивает, что единой таксономии, пригодной в равной мере для всех исторических эпох создать невозможно.

Г.Е.Марков, напротив убежден, что для всех времен и народов, с тех пор как начали формироваться этнические общности, более или менее универсальным было только наличие этносов и субъектов. Но, в отличие от С.А.Арутюнова, он полагает, что нужно предварительно исследовать структуру этносов в условиях разных уровней социально-экономического развития и хозяйственно-культурных типов, построить частные модели этнических структур, и только синтез этих данных позволит создать общую теорию этноса и работоспособные для практического использования модели.

⁵См.: Сов.этнография. 1986. №3-5.

В ходе дискуссии были предложения учитывать при классификации этносов временные и региональные особенности их развития. Так В.Р.Кабо сосредоточил свое внимание на самых ранних этапах развития этнических общностей, Б.В.Андрианов считает необходимым учесть специфику иерархий этнических структур тропической Африки, Э.Г.Александренков основывается на фактах этнического развития народов Латинской Америки, С.И.Брук - народов СССР, Западной Европы, Южной Азии и Мадагаскара.

Развернулась острая дискуссия и о методике и критериях выделения уровней этнических общностей. Следует заметить в этой связи, что хотя тезис об иерархичности этнических общностей был сформулирован еще 30 лет назад, в области разработки операциональных критериев реализации этой идеи до недавнего времени не было сделано почти ничего. Исключение составляло предложение С.И.Брука, В.И.Козлова и М.Г.Левина использовать для выделения основных единиц таксономической классификации данные переписей населения⁶. Это предложение подверг сомнению М.В.Крюков, заметивший, что хотя в процессе самой переписи сведения об этнической принадлежности опрашиваемых в большинстве случаев объективно отражает их этническое самосознание, в дальнейшем они не просто суммируются, как это имеет место с ответами на другие вопросы переписных листов, а подвергаются "разработке", т.е. переосмысливаются в соответствии с заранее составленным списком народов СССР. Именно поэтому каждая очередная перепись населения не может дать никакой новой информации о том, какие народы населяют Советский Союз⁷.

⁶См.: Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии // Сов.этнография. 1963. №1.

⁷См.: Расы и народы. 1988. №18. С.52.

С.И.Брук, возражая М.В.Крюкову, отмечает, что всем переписям населения СССР предшествовали большие научные изыскания, в которых участвовали ученые-специалисты практически по всем народам и языкам страны. В свою очередь, критикуя методику и критерии составления "Списка народов СССР", приложенного к статье С.И.Брука и В.И.Козлова⁸, М.В.Крюков отмечает, что этот список имеет тот же органический порок, что и "Словари национальностей и языков", опубликованные позднее ЦСУ СССР: "самоназвания, другие названия, названия отдельных групп этого народа" приводятся в нем вперемежку, без намека на систематизацию, причем в ряде случаев сведения о самоназваниях - то как раз и отсутствуют. Из этого М.В.Крюков заключает, что данные переписей не дают адекватного представления об этническом составе населения СССР и уж во всяком случае не могут быть критерием для со здания таксономической классификации этнических общностей¹⁰.

Одним из важных признаков этноса, позволяющих определить его место в этнической иерархии, является язык. Однако учеными этнографами так и не решен вопрос о том, возможна ли вообще лингвистическая классификация, основанная на принципе таксономии. Особенно спорным оказался вопрос о соотношении языковых и диалектных групп. Это вынудило в конце концов С.А.Арутюнова признать, что нет достаточно четких и корректных лингвистических критериев, по которым "можно было бы провести однозначное разделение между понятиями "язык" и "диалект". К вопросу о соот-

⁸См.: Брук С.И., Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года//Сов.этнография. 1977. №6. С.16-20.

⁹См.: Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7-ой и 8-ой вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.,1980.

¹⁰См.: Расы и народы. 1988. №18. С.52.

пошении категорий "язык" и "диалект" мы еще вернемся при типологизации малых народов, отметив при этом, что лингвистическая классификация народов, несомненно, важна, но лишь в качестве одной из возможных классификаций. Иными словами, чем больше мы сможем создать различных классификаций, основанных на разных принципах, тем надежнее будет полученный нами результат. В рассматриваемой дискуссии в качестве одного из возможных оснований таксономической классификации этносов был выдвинут признак этнической эндогамии. И здесь мы имеем широкий разброс мнений. М.В.Крюков считает эндогамию одним из важнейших критериев таксономии этносов. В.И.Козлов поддержал это мнение, а С.А.Арутюнов воспринял его критически. Ю.В.Бромлей был еще более категоричен: "...Такой критерий вряд ли может содействовать решению поставленной задачи". Следует заметить, что в своих предыдущих работах Ю.В.Бромлей доказывал важность эндогамии как своеобразного механизма поддержания целостности этнос¹¹.

И все же наиболее продуктивными категориями, позволяющими дать классификацию этносов, по мнению большинства участников дискуссии являются самосознание и самоназвание. Еще в 60-е годы Н.Н.Чебоксаров определял этническое самосознание как своего рода результат, проявления всех прочих признаков этноса¹². Здесь имеется в виду разграничение объективно существующих свойств этнической общности, позволяющих отличать один этнос от другого, от этнического самосознания, возникающего как отражение этих свойств и, тем самым, функционирующего на ином, более высоком уровне. Опираясь на это положение. М.В.Крюков определяет особое значение этнического

¹¹См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.200-212.

¹²См.: Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов.этнография. 1967. №4. С.99.

самосознания как производного, вторичного, результирующего признака этноса. Соответственно, по его мнению, и для процедуры выявления основных этнических единиц не безразлично, в каком порядке исследователь будет рассматривать различные признаки этноса. Другими словами, если свойства этнической общности мы считаем структурой, а не случайным множеством, то в основе выявления этих свойств должен лежать алгоритм, определяемый особенностями их структуры. Таким алгоритмом, по мнению М.В.Крюкова, является следующая схема: (этнического самосознания как важнейшего свойства данного вида общностей к их прочим свойствам, на основе которых оно возникает. С этой точкой зрения не согласился Ю.В.Бромлей, отметивший, что ни один этнических признак (в том числе и этническое самосознание. - В.Б.) не может выступать в качестве основного определителя для всех этносов.

Несколько противоречива точка зрения С.И.Брука на этот вопрос. В начале своей статьи он подтверждает высказанное ранее мнение о том, что при выделении народов в одних случаях на первый план выступают одни показатели, а в других другие, в конце же утверждает, что наиболее важный этнический определитель - именно этническое самосознание. Впрочем, делаются две оговорки. Первая из них связана с тем, что из этого правила есть большое количество исключений. Вторая оговорка заключается в том, что речь идет здесь об этническом самосознании, а не о самоназвании этноса.

Не возражая по существу против квалификации самоназвания как существенного и наиболее отчетливо прослеживаемого проявления этнического самосознания, С.А.Арутюнов в то же время указал на сложный характер взаимосвязи эндо- и экзоэтнонимов. Поскольку, полагает он, название этноса, данное со стороны, при определенных условиях может превратиться в самоназвание, с порога отметить экзоэтноним было бы неверно, вначале надо выяснить, известен ли он группам,

на которые распространяется и как к нему относятся эти группы.

Ю.В.Бромлей отметил, что сведения об этническом самоназвании (прежде всего об этнонимах) практически уже давно учитываются при классификации этнических общностей: в сочетании с данными о степени языковой близости этнических единиц они лежат в основе этнолингвистической классификации народов мира. На это утверждение возразил М.В.Крюков, подчеркнувший, что в наших этнолингвистических классификациях этническое самосознание часто вообще не учитывается, а фигурирующие в них этнонимы представляют несистематизированную смесь самоназваний и названий со стороны. М.В.Крюков предложил составить список самоназваний народов СССР (эта работа в полном объеме у нас еще не выполнена), который должен стать исходным этапом исследования, призванного выявить этнические единицы основного уровня. Ограниченность такого подхода отметил Г.Е.Марков, подчеркнувший, что самоназвание само по себе не всегда может быть точным индикатором этнических единиц основного уровня. Если бы дело обстояло иначе, не было бы нужды выделять, помимо этнического самосознания, проявляющегося в самоназвании, какие-либо иные признаки этноса.

Судя по характеру дискуссии, совсем плохо обстоят дела с привлечением к типологизации этноса такого его важнейшего компонента, как этническая культура. Один из участников дискуссии признал, что мы пока не располагаем инструментом анализа явлений культуры, аналогичным, например, лексикостатистике. Поэтому все оптимистические высказывания по поводу возможности привлечения данных о разных аспектах культуры в качестве критерия этнической таксономии пока остаются чисто декларативными.

Суммируя суждения, высказанные в связи с поисками операциональных критериев для определения этнических единиц основного уровня, следует отметить,

что только по трем критериям (самосознание, самопа-
звание, эндогамия) достигнуто некоторое согласие. Хотя
и здесь не все ясно. Так С.И.Брук отвергает вообще все
высказанные в пользу этих критериев соображения, по-
лагая, что предлагаемые М.В.Крюковым три критерия
выделения этнических общностей совершенно недоста-
точны, а в ряде случаев и вообще ничего не дают для
выяснения действительной ситуации. Правда, настаивая
на необходимости учитывать при выделении народов
всю совокупность этнических показателей, "другие фак-
торы", целый ряд других критериев, С.И.Брук не предла-
гает ничего конструктивного в этом направлении.

Принципиальное значение имеет активно обсужда-
ющий в ходе дискуссии вопрос о масштабе исследова-
ния. Существует точка зрения, согласно которой число
народов в перечне, характеризующем этническую струк-
туру той или иной области Земли, во многом зависит от
степени детальности, с которой мы подходим к изуче-
нию данной страны¹³. Поддерживая это мнение,
Ю.В.Бромлей подчеркнул, что само понятие этническое
подразделение основного уровня - категория в
известной мере относительная, и многое поэтому
зависит от избранной системы координат. Этническая
общность, выступающая при одних координатах в
качестве основной, в случае избрания другой системы
координат, другого масштаба может быть отнесена всего
лишь к субэтносу. Мнение о том, что любая
таксономическая классификация этносов в известной
мере условна, было поддержано С.А.Арутюновым. Он,
как уже упоминалось, отрицает возможность создания
единой схемы иерархии этнических общностей,
пригодной для всех исторических эпох. Но далее
оказывается, что и для одной отдельно взятой
исторической эпохи невозможно построение единой

¹³См.: Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник.
М., 1986. С.88

иерархической этнической таксономии, охватывающей все аспекты живой реальности. Поэтому таксономическая классификация не может быть сведена ни к абсолютно объективному, ни к сугубо конвенциональному варианту". В то же время С.И.Брук отметил, что народы мира обладают объективными признаками и что таксономическая классификация, основанная на этих признаках, конечно, не носит конвенционального характера.

В самом деле, условность этнических классификаций заключается в том, что исследователь волен по своему усмотрению применять тот или иной критерий систематизации эмпирического множества явлений. Но если избранный критерий правильно отражает объективно проявляющиеся внутренние свойства группируемых объектов, то основанная на нем классификация по сути своей не является конвенциональной.

Подводя итоги дискуссии, ее инициатор М.В.Крюков отметил, что мы до сих пор еще не исследовали многие аспекты обсуждаемой проблемы и судим о них лишь в первом приближении. Мы говорим об этнолингвистических классификациях народов мира, но не имеем лингвистов, которые специально занимались бы проблемами систематики этнических общностей. Совершенствование теории этноса возможно, в первую очередь, через конкретные исследования, нацеленные на решение определенных методологических задач, когда наш понятийный аппарат будет подвергнут экспериментальной проверке на прочность.

Возвращаясь к этому вопросу уже в другой своей публикации, М.В.Крюков сетует на то, что объектом анализа до сих пор выступают почти исключительно этнические единицы основного таксономического уровня. Между тем хорошо известно, что этнические общности представляют собой сложные иерархические системы, в которых наряду с собственно этносами в большинстве случаев могут быть выделены единицы более низкого уровня (этнографические группы, или субэтносы), а

также группы родственных этносов (метаэтнические общности). Однако этнотрансформационные процессы на уровне субэтносов почти совершенно не изучаются, и поэтому выводы о степени внутриэтнической консолидации большинства народов СССР зачастую недостаточно обоснованы фактическим материалом. Более того, как показала дискуссия, прошедшая в 1988 г. на страницах ежегодника "Расы и народы", среди этнографов нет единства даже в отношении самих критериев выделения уровней этнической иерархии. Большинство авторов ограничивались признанием того факта, что часто бывает очень трудно провести принципиальное разграничение между отдельным народом или группой родственников по происхождению и языку народов, обладающих многими сходными, а часто и общими особенностями культуры и отчетливо осознающих свою этническую близость. С другой стороны, нередко бывает нелегко провести границу между народами и входящими в их состав местными "этнографическими группами"¹⁴. Некоторые ученые-этнографы надеются на внедрение современных методов этнолингвистического анализа, которые могут дать более адекватную картину этнической структуры того или иного региона и страны в целом. Следует заметить, что исследования в этой области еще только начинаются. То, что сделано в этом направлении чаще всего связано с выяснением этимологии тех или иных самоназваний. Но в свете обсуждаемой нами проблемы гораздо важнее создание обоснованной типологии этнических самоназваний, исследование морфологических особенностей самоназваний у этнических единиц различного таксономического ранга, выявление исторического соотношения экзо- и эндоэтнонимов.

Таким образом, среди теоретиков этнографической науки существует большой разброс мнений относи-

¹⁴Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения//Сов.этнография. 1989. №2. С.25.

тельно методологии и критериев построения таксономической классификации этносов. Вместе с тем следует отметить известную ограниченность чисто этнографического подхода к типологизации народов, имеющих разные уровни экономического, политического и социокультурного развития, что впрочем признают и многие этнографы. Предложенные ими таксономии абстрагируются от всей совокупности национальных отношений как на макро- так и на микроуровнях. Так при конструировании метаэтнических общностей используется небольшое число чисто формальных этнических показателей, характеризующих сходство лингвистических и социокультурных элементов бытия разных народов. Например, включив белорусов и хорватов в одну метаэтническую общность преимущественно по признаку принадлежности их языков к славянской группе, этнограф испытывает большие затруднения в поисках аргументов обоснования своей классификации и реальных признаков принадлежности этих народов к одной этнической общности.

В начале 90-х годов среди самих этнографов раздался голос о несостоятельности многих теоретических постулатов, сложившихся в советское время в народоведении. Появились скептические мнения о возможности в рамках традиционной этнографии дать всеобъемлющую типологию и систематику этносов. А некоторые из этнологов-теоретиков вообще стали отрицать существование этноса, как реального субъекта истории. Так один из ведущих современных теоретиков В.А.Тишков отмечает, что "этносы как и формации есть умственные конструкции своего рода "идеальный тип", используемый для систематизации конкретного материала... В действительности же есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных элементов

общества и культуры", сочетание которых различные авторы могут представлять по-разному"¹⁵.

Нам представляется, что к этнографической науке советского периода следует подходить с позиций "доброкачественного релятивизма", учитывая научно оправданные методические разработки и типологии. Так предложенная Ю.В.Бромлеем классификация этнических общностей может быть использована при типологизации малочисленных народов. Именно он впервые ввел в классификацию народов термин субъэтносы (субъэтнические подразделения) в качестве одного из четырех таксономических уровней, включающих: а) основные этнические подразделения; б) элементарные этнические единицы; в) субъэтнические подразделения; г) макроэтнические единицы или метаэтнические общности¹⁶. Эта схема также построена только на сочетании лингвистической классификации и наличия в самосознании тех или иных народов антитезы "мы - они", что в значительной степени ограничивает ее прикладное применение в исследовании реальных проблем межэтнического взаимодействия.

Как отмечалось выше, для нас типологизация малых этносов не самоцель, а предварительный этап исследования кризисных явлений, которые в значительной мере поразили различные сферы их жизнедеятельности. Поэтому не претендуя на построение универсальной этнической таксономии, попытаемся сгруппировать кризисные малые народы как по чисто этническим признакам, так и по их месту во всей системе национальных отношений современного общества. При этом нами вводятся критерии типологизации народов и национальных меньшинств, которые не нашли своего отражения в спе-

¹⁵Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса//Этногр.обозрение. 1992. №1. С.7-8.

¹⁶См.: Бромлей Ю.В. Указ.соч. С.31-32.

циальной этнографической литературе: место той или иной группы малых этносов в общей системе и различных подсистемах общества, асинхронный подход к типологизации этнических признаков, пространственно-демографические факторы функционирования этноса (этническая среда, демографическая масштабность и плотность, пространственная непрерывность или дискретность, социокультурная целостность или мозаичность).

Вычленение малочисленных народов в качестве самостоятельного объекта внимания и их типологизация объясняется спецификой их положения в системе национальных отношений, обусловленной не только их количественными (малочисленность), но и качественными характеристиками. Кроме того, анализ различных сфер жизнедеятельности малочисленных народов необходимо вести с учетом того, что вся система национальных отношений в обществе основана на сложной опосредованной детерминации.

В системе национальных отношений любые серьезные изменения на макроуровне неизбежно ведут к изменениям на всех уровнях взаимодействия малых этносов как с макросистемой в целом, так и между собой, если эти взаимоотношения опосредуются макросистемой¹⁷. Следует заметить, что и сами этносы, в том числе и малочисленные, представляют собой взаимодействующую совокупность подсистем второго и третьего порядка. Этническую систему как подсистему макросистем можно рассматривать как такое образование, в котором связи компонентов (социальных групп, территориальных общностей, микроэтносов) между собой преобладают над результатами внутрисистемных движений этих компонентов и внешних воздействий на них. Как и всякая другая система этническая система

¹⁷Под макросистемой мы понимаем определенное общество в целом. Система национальных отношений представляет собой подсистему в границах макросистемы.

характеризуется координацией и субординацией своих частей. В ее пределах можно обнаружить иерархическое строение внутриэтнических связей. Само же взаимодействие таких иерархически расположенных микроэтносов становится возможным, когда они не только взаимобусловливают друг друга, но и находятся в определенном соподчинении¹⁸. Очевидно задача познания и регулирования этнических процессов неразрешима без выявления и изучения связей (внутриэтнических и межэтнических), особенно "системообразующих" (социальная организация, язык, базовые культурные черты). Ибо каждый относительно обособленный фрагмент этнической системы значим и функционален лишь в связи с такими фундаментальными началами. Поэтому социально-этнические связи малых народов следует рассматривать в контексте национальных отношений, существующих в обществе. Взаимосвязь различных структурных элементов этносов будучи объектом исследования оказывается в этом случае вписанной в целостную структуру определенного общества.

При комплексном исследовании процессов развития малочисленных народов в системе национальных отношений необходимо также упорядочить множество элементов различных типов как этнических, так и межэтнических связей, т.е. провести их типологию по количественным и качественным параметрам. Это непременное условие анализа малых народов как объекта исследования. Простого перечисления составных частей и элементов для понимания функционирования системы межнациональных отношений оказывается недостаточно, так как совокупность компонентов, их взаимодействие порождает новое качество (ассимиляцию, аккультурацию), которого нет у части системы, например, этноса, взятого в отдельности. Поэтому, анализируя со-

¹⁸Примером такой иерархической этнической системы может служить этнолингвистическая общность обских укров, имеющая три уровня внутриэтнической иерархии.

циальные и этнокультурные связи малых народов между собой, с большими народами, а также общества в целом, следует выявить узлы межэтнического взаимодействия в основных сферах социокультурной жизни. Тем самым предоставляется возможность выхода на анализ межсистемных отношений в макросистеме. Межсистемное взаимодействие отдельных этнических компонентов и дает новое социальное качество.

Рассмотренные выше теоретические посылки важны для типологии малых народов по качественным параметрам. Малые народы различаются между собой, не только количественными характеристиками, но и внутриаэтнической композицией, степенью вовлеченности в межсистемные связи, пропорциями внутрисистемных и межсистемных компонентов, уровнем взаимодействия с макросистемой, количеством уровней внутриаэтнической иерархии.

Прежде чем перейти к типологии малых этносов, рассмотрим такое понятие как "этническая среда"¹⁹. Этническая среда - это совокупность взаимосвязей одного или нескольких этносов, в социально-экономическом и культурном отношении составляющих определенный тип социально-исторической системы большей или меньшей структурно-функциональной сложности. Это в полном смысле автогенное общественное образование, имеющее свое внешнее этническое окружение.

В синхронно-диахронном аспекте оно составляет определенную среду как этносоциальную, так и общественно-историческую. Разумеется, собственной автогенной средой обладает этническая общность любого исторического типа.

Автогенная этносоциальная среда - это постоянное поле многосторонних взаимодействий людей, которое может рассматриваться в аспекте условий, предпосылок

¹⁹См.: Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. М., 1977.

и средств человеческого общения, а также под углом зрения его структуры и совершающихся в нем процессов. Эта структура, в свою очередь, может быть охарактеризована с различных сторон: демографической; существующих форм общения; пространственной этнокультурной информационной связи в различных группах и между ними. Социологически каждая такая общность рисуется макросредой массово-группового общения людей, длительно и преемственно (в поколенном отношении) пребывающих в специфических условиях, ведущих определенный образ жизни в данной естественно-экологической среде.

При изучении автогенных социально-этнических сред в синхронном плане учитываются многие их параметры: масштабность и демографическая плотность, пространственная непрерывность (целостность) или дискретность в определенных географических границах, этнокультурная однородность или мозаичность, характер внутренней коммуникабельности и объем социокультурной информации, обращающейся в пределах данной общности и т.д. Под масштабностью этнической среды, следует понимать не только ее относительную пространственную величину, но и степень развития количественно-качественных показателей разнообразия внутренних связей, в которых отчетливо выражаются масштабы внутреннего (личного или опосредованного) общения людей. Количество и качество указанных связей в малой степени зависит от наличной демографической массы (численности народонаселения) данной этнической среды, ее плотности, социально-профессиональной дееспособности и коммуникабельности. Не вызывает сомнения и выделение этнопространственного параметра специфической общественной среды, ибо не каждый этнос обладает целостной этнической территорией. Хорошо известны и такие народы, которые рассредоточены мелкими изолированными группами на значительном пространстве, живут чересполосно с этни-

ческими группами иного происхождения, а поэтому в своей этнодемографической и социально-культурной массе слабо интегрированы или вовсе дезинтегрированы. Без особых пояснений понятен и такой параметр изучаемой среды, как ее относительная этнокультурная однородность или, напротив, мозаичность, наблюдаемая визуально, но всегда требующая исторического причинно-следственного (каузального) истолкования.

Следует отметить, что понятие этнической общности в практике этнографов чаще базируется на том, что в определенных пространственно-временных границах данных этнос постоянен, т.е. "тождествен самому себе". В этом заключается определенная ограниченность этнографической науки в подходе к изучению этносов разных таксономических уровней. Системный подход даст возможность осознать, что отдельный этнос, большой или малый, представленный в форме устойчивой целостности (этносоциальной системы), подвержен внутренним самосовершающимся "молекулярным" процессам развития, обновления, изменения и т.д.

Составным элементам этноса свойственны естественно протекающие дифференциация и интеграция, в том числе и за счет включения иноэтничных компонентов. Оба процесса при определенных социально-экономических условиях могут достигнуть высокого уровня, что существенно меняет структуру всего этноса. Тут встает вопрос о внутреннем "эмпирическом разнообразии" этноса как системы специфических отношений и форм общения.

Совершенно ясно, что такие изменения происходят в определенной, длительно формирующейся этноисторической среде, на почве которой и складываются различные исторические типы этнической общности, отличные друг от друга в социально-структурном отношении. Значит, чтобы глубже постигнуть этот этносоциогенетический процесс, необходимо соединить в одной теоретической модели описательные характеристики

"эмпирического разнообразия" этнической среды и закономерности ее структурно-исторических изменений.

Этническая среда не неизменна во времени и пространстве. Свойственное ей "эмпирическое разнообразие" в диахронном движении вмещается в два основных плана - этногенетический и этноисторический. Первый из них связан с формированием генеалогически "исходного пласта человеческого субстрата" данного этноса, т.е. тех элементов, которые в процессе древнего взаимодействия заложили основу известного нам народа, оформившегося как некоторая этническая величина. На этом уровне научного анализа исследуются вопросы: каким образом предки народа создавали свою этническую территорию; к какой более широкой этнолингвистической общности принадлежали в прошлом эти люди и с кем они этнически контактировали и смешивались, какие "этнодемографические процессы" привели к "собираанию" и "уплотнению" их этнического ядра. Под этноисторическим аспектом можно понимать все последующее движение истории данного этнического ядра уже как многокомпонентной ("социально-много-ярусной") системы со своей собственной средой, передающей от поколения к поколению традиционные черты давно зародившегося, но все-таки по-своему динамичного этноса.

Охарактеризованные выше разновидности общественных сред малых народов можно определить также как макросреды опосредованного общения, которое имеет основную историческую тенденцию к расширению за счет развития экономического и культурного обмена между народами. При этом одна среда может расширяться за счет другой, порождая ассимиляционные и аккультурационные процессы. Однако при любой социально-исторической ситуации наиболее тесные связи и "симпатии" людей друг к другу прежде и прочнее всего проявляются в микроэтнических группах. Этим структурно-организационным величина - малым

и сравнительно большим консолидирующимся по мере развития исторических форм общения, - ко всему прочему свойственно наиболее четкое противопоставление своей локально очерченной общности ("мы") другой общности такого же рода ("они"), что всегда способствует развитию и активному закреплению своих социально-этнических, социально-корпоративных, бытовых и прочих отличий и тем самым упрочению своей этнической общности.

Мы столь подробно рассмотрели понятие "этническая среда" с тем, чтобы иметь универсальную основу для типологизации малых народов по качественно-количественным параметрам. Дело в том, что характеристики малых народов, лежащие в основе их типологии, представляют концептуальные конструкции, позволяющие из всего многообразия явлений отобрать группы явлений однокачественных. Через понятие "этническая среда" мы можем определить такие характеристики этноса, как его масштабность и демографическая плотность, пространственная непрерывность или дискретность, этнокультурная целостность или мозаичность.

На основе совокупности перечисленных качественно-количественных характеристик среди малых народов можно выделить следующие типы:

1) Интегрированные этносы - совокупность людей, обладающих наибольшей выраженностью этнических свойств и выступающих в качестве этнических отдельных, т.е. не являющихся подразделениями других, более крупных этнических образований. Эти этносы имеют большую демографическую плотность, пространственную непрерывность, этнокультурную целостность, высокую внутриэтническую коммуникабельность и как следствие этого стабильно высокий уровень этнического самосознания. Они обладают наиболее высокой устойчивостью (резистентностью) по отношению к воздействию на них макросистемы, сохраняя свои обычаи

и традиции, этнические ценности. К числу таких этносов принадлежат, например, народы Дагестана, Памира, а также ряд малочисленных народов Закавказья и Средней Азии.

2) Этнические единицы - составные части больших народов (наций), пространственно отделенные в процессе исторического развития от своей этнической среды и представляющие собой национальные меньшинства в регионах своего расселения. Эти этнические группы интегрированы экономически и социально в межнациональные региональные сложноконтрастные подсистемы. Взаимодействие этнических компонентов в таких подсистемах порождает множество проблем и противоречий, часто становящихся причиной конфликтов на межнациональной почве. Выделенная группа малых этнических общностей - самая многочисленная из всех малых народов, так как многие большие народы имеют группы, проживающие за пределами их этнической среды.

3) Субэтнические подразделения - общности, у которых этнические свойства выражаются с меньшей интенсивностью, чем у основных этнических единиц, и которые являются их составными частями. Существование субэтносов связано с наличием и осознанием частью этноса своих групповых особенностей, тех или иных компонентов культуры. Происхождение таких групп далеко не одинаково. В одних случаях - это бывшие этносы, постепенно утратившие роль основных этнических подразделений, в других - бывшие этнографические группы, осознавшие свою общность, в-третьих, - социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, донские казаки). Могут быть выделены малые субэтносы хозяйственно-культурного, лингвистического и административно-территориального происхождения. Зачастую субэтносы выступают как зоны этнической непрерывности между двумя родственными этническими средами. Так, например,

полещуки, пинчаки представляют собой малые этнические группы белорусов, впитавшие в себя многое от украинской культуры и имеющие особый диалект, отличающийся как от белорусского, так и украинского языков. Такого рода субъектносы функционируют не только у восточно-славянских народов (кроме полещуков и пинчаков - бойки, лемки, гуцулы), но и у тюркских и других народов.

4) Малые народы - как дезинтегрированные этнолингвистические общности. Для этого типа малых этносов характерны: малая демографическая плотность, дисперсность расселения, пространственная дискретность, этнокультурная и диалектная мозаичность, слабая внутриэтническая коммуникабельность, слабо выраженное или вообще отсутствующее общэтническое самосознание. Представители этих народов рассредоточены мелкими изолированными группами на значительном пространстве, живут чересполосно с этническими группами иного происхождения, а потому в своей этнодемографической и социально-культурной массе слабо интегрированы или вовсе дезинтегрированы. К числу таких этносов относится большинство малых народов Европейского Союза, Сибири и Дальнего Востока. Например, эвенки заселяют огромные пространства тайги между Енисеем и Охотским побережьем, говорят на различных диалектах и единого системно организованного этноса не составляют. В данном случае можно говорить о дезинтегрированной этнолингвистической общности эвенков и их своеобразной этноисторической среде на всем указанном пространстве.

Таким образом малочисленные народы СНГ по своим этнодемографическим характеристикам принадлежат к различным типам этнических общностей. Тип этнической общности того или иного малочисленного народа влияет на его место в системе национальных отношений, определяет его функциональную роль в структуре социальных связей народов, место в межнаци-

ональном разделении труда и т.д. Следует, однако, заметить, что разнотипность малых народов в общем не отразилась на их месте в социально-административной организации общества. За исключением некоторых народов Севера малые народы других типов не имеют политико-административных образований, адекватно отражающих этническую структуру регионов их проживания. Это обстоятельство постоянно усугубляет проблемы социального и культурного развития малых этносов в системе национальных отношений.

Типологизация малочисленных народов, по различным параметрам их этнической среды и системообразующим факторам помогает систематизировать многие внешне несвязанные друг с другом кризисные явления в обществе. Ниже будет показано, что определенным типам кризисным этнических общностей соответствует определенный "набор" экзогенных и эндогенных разрушительных факторов.

Глава вторая. Этноэкологические кризисы и проблемы этнического выживания малых народов

В последние годы в отечественной науке развивается новое направление, изучающее формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды и использованием ее ресурсов. Это направление в специальной литературе названо "этническая экология", или сокращенно этноэкология. Наиболее емко, на наш взгляд, определил предмет этноэкологии В.И.Козлов: "как особое научное направление на стыке этнографии и экологии человека... занимающееся изучением особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом... специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду; традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем"¹.

Среди научных направлений, освещающих с разных позиций взаимодействие человеческого общества с окружающей природной средой, этноэкология выделяется тем, что для нее структурными единицами исследования являются не цивилизации, типы хозяйств, культуры или человеческие популяции, а этнические общности - народы (этносы) и их более мелкие субэтнические, или локальные подразделения. Именно такой подход четко отделяет этноэкологию от культурной эколо-

¹Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии//Сов.этнография. 1983. №1. С.8.

гии, антропогеографии, географии человека, экологической антропологии, экологии человека и других смежных направлений, описывающих воздействия среды на систему хозяйства, социальные институты, расселение, приспособление человека к различным природным условиям, развитие человеческих сообществ или популяций.

Если этносы (и этнические культуры) являются специфическими единицами исследования этноэкологии, то ее свособразие заключается в особых методах этого исследования. Конкретно это означает, что этноэкология стремится рассматривать этнос, его культуру, производственную деятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, т.е. представить их в виде сложной развивающейся системы.

Такой комплексный подход требует специальных методов анализа, основанных на выделении важнейших блоков и внутренних связей в системе, моделировании основных функциональных потоков и их количественном выражении; формализованной оценке производства и демографических процессов в этнической среде, динамики природной среды и ее ресурсов. Этот путь дает возможность охарактеризовать традиционные и новые формы жизнедеятельности этносов, выявить противоречия их взаимодействия и вытекающие из этих противоречий кризисные явления и конфликты.

Следует, однако, заметить, что в зарубежной, преимущественно англоязычной литературе, уже имеется термин *ethnecology*, который дословно переводится как этноэкология. Но для зарубежных антропологов этноэкология - это изучение представлений об окружающей среде самих носителей местных культур. Термин "*ethnecology*", впервые употребленный в середине 1950-х годов американским этнологом Г.Конкшном, стал популярен в 60-е годы, когда им стали называть особый подход в рамках более широкого направления известного как "семантическая этнография". Его главная цель

виделась в исследовании процессов познания и логической классификации явлений в различных культурах с помощью методов и концепций, разработанных в лингвистике, психологии, биосистематике.

Префикс "этно" в англоязычной литературе символизирует подход к различным явлениям с точки зрения членов изучаемой общности. Так "этноистория" становится описанием их концепций собственной истории, "этнография" - совокупностью представлений о пространстве, "этнофилософия" - отражением взглядов на организацию мироздания. Задача этноэкологии в таком случае "описать, что люди знают об окружающей природе, и, во-вторых, как они используют эти знания о освоении окружающего мира"².

Подобный подход, разумеется, вполне приемлем для англоязычной традиции, где префикс этно- не имеет устоявшегося содержания в научной классификации и для обозначения этнографии давно закрепился термин "культурная (или социальная) антропология". Но по-русски для этого гораздо удобнее пользоваться словом "народный": "народные знания", "народная медицина", "народная экология" и т.п. В то же время в отечественной науке стало традицией именовать новые направления на стыке этнографии (этнологии) с другими дисциплинами такими составными терминами, включая их тем самым в систему этнологической науки. В этом контексте "народная экология" (в понимании ethnoecology) становится одной из частей направления, сформулированного отечественными этнологами, - наряду с описанием и изучением хозяйства, жизнеобеспечения, форм природопользования с помощью разнообразных методов изучения.

Важное значение для понимания связи экологических ситуаций с функционированием этноса имеет понятийный аппарат, разработанный учеными-экологами. В

²Цит. по: Курпник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1990. С.8-34.

основу этноэкологического понимания функционирования этносов были положены два термина: жизнеобеспечение и адаптация. Именно они легли в основу большинства современных концепций и породили множество производных образований. Первый термин был предложен американским этнографом Р.Лоуи, второй - заимствован из биологии (где он известен со времен Дарвина), а также общей экологии; в этнографических работах эти термины стали широко употребляться с 60-х годов³.

Одним из нововведений советской этноэкологии стало понятие "культура жизнеобеспечения" как особый компонент культуры этноса. Она включает все элементы материальной (и отчасти духовной) культуры, которые "непосредственно направлены на поддержание жизнедеятельности людей"⁴. Отсюда происходит термин "система жизнедеятельности", который определяется как взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания⁵.

В научной и популярной литературе широко используется термин "природопользование", который понимается как практика освоения человеком ресурсов своей среды. В отличие от жизнеобеспечения понятие "природопользование" может иметь оценочный характер, что чрезвычайно важно при изучении кризисных ситуаций. Современная экология различает, например, ра-

³См.: там же. С.14.

⁴Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре//Типология основных элементов традиционной культуры. М.,1985. С.27.

⁵См.: Крупник И.И. Указ.соч. С.15.

циональное природопользование, которое обеспечивает потребности коллектива с учетом воспроизводства эксплуатируемых ресурсов, и природопользование нерациональное, ведущее к нарушению в экосистемах⁶. В целом для традиционных обществ природопользование очень близко к привычному в этнографии понятию "хозяйство", но оно в большей степени включает природную сторону хозяйственной деятельности этноса (ресурсы и экосистему в целом) и обязательно подразумевает ее духовную составляющую - рациональные знания, эмпирические представления о среде, систему их передачи и обучения и т.п.

Если термин "жизнеобеспечение" объясняет априорную связь этноса с природой, то другой основной термин этноэкологии "адаптация" отражает динамизм этнической культуры. Как известно, понятие "адаптация" используется в двух смыслах: для обозначения конкретной формы или особенности, благоприятной для существования в данной среде, и как синоним самого процесса приспособления, т.е. активного изменения и развития. Первое значение считается сейчас мало продуктивным: стремление объяснить все очевидные и многие неочевидные особенности этнической культуры как адаптации к среде для современной науки выглядит явным упрощением. Второе, более широкое значение адаптации, напротив, очень популярно, так как создает основу для своеобразной интерпретации развития этносов и их культур.

Известна точка зрения, что все этнические культуры представляют "конкретные специфические формы адаптации к среде и самовоспроизводства исторических общностей"⁷. Смысл этноэкологии заключается здесь не в том, чтобы просто подчеркнуть стимулирующую или ограничивающую роль среды для развития этнической

⁶См.: Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.В. Указ.соч. С:25.

⁷Там же.

культуры. Эта роль бывает очевидной, особенно в экстремальных экологических условиях. Более содержательным представляется анализ пути, по которому пошло развитие этнической общности (ее культуры, жизнеобеспечения, природопользования) в условиях выбора одной из нескольких доступных возможностей в данной среде обитания. Такой выбор принято обозначать термином "стратегия адаптации". Разумеется, он всегда определяется не только особенностями среды, но и уровнем технологического развития, традициями, культурными ценностями этноса, внешним воздействием и множеством других социальных факторов.

Целый спектр этноэкологических исследований связан с определением условий этого выбора: его осознанностью или неосознанностью для этнической группы, необходимостью активного преобразования среды или подчинению ее жесткому лимитирующему прессу и т.п. На этот счет существует немало точек зрения, выраженных в ключевых понятиях. Одно из них - "оптимальная плотность населения" - было введено английским ученым А.Карр-Саундерсом. Он предложил обозначать так некий уровень плотности населения, который наиболее выгоден при данном типе хозяйства для получения максимума продукции на каждого члена этнической группы. Считается, что этот уровень зависит от способа жизнеобеспечения и возможностей среды обитания и что существуют определенные биологические и культурные механизмы, регулирующие его у разных народов. Разрегулирование этих механизмов, увеличение плотности этноса, которая перестает соответствовать возможностям экосистемы, неизбежно ведет к экологическому кризису.

Другое понятие - carrying capacity - не имеет нормативного русского эквивалента: переводится как емкость местообитания или предельная экологическая ем-

кость (среды)⁸. Так называют максимум населения (максимальный размах популяции), способный при данном типе хозяйства устойчиво поддерживаться в определенной среде без нарушения ее экологического равновесия и деградации.

Как видно, оба понятия "оптимальной плотности" и "предельной экологической емкости" предполагают существование жестких связей между численностью этнических групп и ресурсами среды обитания. В обоих случаях объяснение этих связей опирается на принципы популяционной экологии, переносимые на человеческие общества. Считая, что традиционные этносы не способны активно изменять свою среду обитания, а лишь приспособливаться к ее условиям, сторонники такой точки зрения признают главным механизмом их существования экологическое равновесие с доступными природными ресурсами. При этом утверждается, что человеческая популяция, так же как входящие в ту же экосистему популяции животных и растений, должна стремиться к сохранению своего стабильного устойчивого состояния на уровне 20-30% предельной емкости местобитания. Быстрый прирост населения неизбежно приведет к экологическому кризису. Снятие кризисной ситуации эти авторы видят в сознательной регуляции численности этноса методом инфантицида (детоубийства), абортов, миграций, межэтнических войн; или же кризис разрешается естественным путем в ходе периодически возникающих эпидемий или голода.

Использование принципа равновесия при изучении традиционных этносов имеет давнюю традицию в этнографической науке. Она идет от первых обобщающих работ по демографии традиционных обществ, опубликованных еще в 20-30-е годы. Затем этот принцип был опубликован при описании относительно простых эко-

⁸См.: Словарь общегеографических терминов/Сост.Л.Д. Стэмп. М.,1975. Т.1. С.179.

систем островов или тропических пустынь, включающих человеческие коллективы на стадии охоты, собирательства или примитивного земледелия. В 50-60-е годы идеи равновесных, жестко регулируемых природно-социальных систем были исключительно популярны в зарубежных работах по экологии традиционных этносов. Свое отражение эти идеи нашли и в некоторых советских публикациях⁹. И лишь недавно они стали подвергаться переоценке и критике, зачастую весьма жесткой.

Отличительной чертой концепции равновесия стал тезис о безкризисности традиционных этнических экосистем, об особом экологическом поведении традиционных обществ, их бережном отношении к природным ресурсам, исключительно рациональных методах природопользования. Этот тезис возник на волне обостренного общественного внимания к проблемам глобального экологического кризиса в 70-е годы. Эта волна породила идеализированный образ "гармоничных" (по отношению к природе) традиционных культур в противовес современной индустриальной цивилизации, ведущей человечество к всемирной экологической катастрофе. Носители традиционных культур изображались как своего рода "наивные" или "интуитивные" экологи, хорошо знавшие законы организации живой природы и неуклонно соблюдавшие их в своей повседневной жизни.

Своеобразно преломилась концепция "равновесия" в так называемой "новой экологии", или "неофункционализме" - особом течении американской экологической антропологии, сформировавшемся в 60-е годы. Сторонники этого направления (А.Вайда, Р.Раппопорт, К.Гиртц и др.) активно использовали методы и понятийный аппарат популяционной экологии в изучении этнических культур и ввели в этнографическую литературу целый ряд чисто экологических терми-

⁹См.: Авербух М.С. Указ.соч.; Вишневецкий А.Г. Указ.соч.

пов. Ключевым для "новой экологии" было понятие экосистемы - сообщества различных живых организмов (включая и человеческую группу) и их среды обитания, объединенных круговоротом веществ, энергии и информации. Средством сохранения экосистемы виделся гомеостаз, т.е. способность всех элементов к саморегуляции и возвращению в исходное состояние в случае каких-либо изменений.

Идея гомеостаза стала важным шагом в объяснении принципов развития традиционных этносов. Во-первых, она включала возможность изменений самой среды обитания, как случайных, так и закономерных, в том числе вызванных производственной деятельностью человека. Во-вторых, на смену идее пассивного, стабильного равновесия пришла понимание активной роли всех элементов системы, и в первую очередь человеческой группы, в общей саморегуляции. В-третьих, динамический гомеостаз, казалось, весьма удачно объяснял логику длительного исторического существования традиционных обществ, в которую могли быть вписаны не только процессы хозяйственной деятельности, распределения и демографического воспроизводства социума, но и сфера его духовной и психологической жизни. И все же эта концепция была ориентирована на идею замкнутости экосистемных циклов, не объясняя, таким образом, механизмов развития общества. Эти и другие ее ограничения вызвали достаточно суровую критику в конце 70-х годов и известный упадок интереса к этноэкологическим исследованиям.

Итак, мы вкратце остановились на основных теоретических концепциях современной этноэкологии. В настоящее время - это обширная, быстро развивающаяся область исследований, насчитывающая уже сотни публикаций, в том числе больших монографий. Все эти концепции имеют непосредственное отношение к изучению проблемы экологических кризисов в этнических средах.

В современной науке широко распространено понятие "экологический кризис". Это понятие, как было отмечено выше, связано с нарушением принципа равновесия между человеческой популяцией и окружающей природной средой, что и приводит к экологическому кризису. При этом для человеческой популяции этот кризис имеет исключительно демографические последствия: численность популяции сокращается значительно (эпидемия, голод). Для традиционных обществ, возможно, такой механизм саморегуляции функционирования этноса и был характерен (к этому вопросу мы еще вернемся). В то же время в современных макросистемах, где взаимодействуют два типа обществ - традиционный и индустриальный, экологический кризис приводит не только и столько к демографическим последствиям, но и к разрушению хозяйственно-культурной специфики этноса, иными словами, к подрыву его основания. В условиях взаимодействия техногенной цивилизации и традиционного природопользования и жизнеобеспечения экологические кризисы неизменно ведут к кризису внутренних функций этноса. В этих случаях можно говорить не просто об экологическом, а об этноэкологическом кризисе традиционного общества.

Таким образом, понятием "этноэкологический кризис" можно определить явление потери этносом своих специфических свойств и характеристик (или их части) в процессе изменения его среды обитания. В результате действия этноэкологического кризиса происходит нарушение гомеостаза этноса, подрыв традиционных форм жизнеобеспечения и жизнедеятельности, резкое ухудшение демографического воспроизводства и, как следствие всего этого, глубокий кризис духовной и психологической жизни этноса, переход его сознания в стрессовое состояние.

Прежде чем перейти к анализу конкретных этноэкологических проблем малых этносов в условиях воздействия на них современной цивилизации в процессе

модернизации всей общественной макросистемы, рассмотрим некоторые аспекты действия экологических кризисов в условиях традиционных общественных структур. Идея роли экологических кризисов в традиционном обществе сейчас весьма популярна в специальной литературе. Не раз подчеркивалось, что хищническое использование, промысловых ресурсов этносами, занимавшимися охотничьим промыслом, должно было неминуемо подрывать устойчивость их экономики, вести к нарушению равновесия общества со средой обитания, а порой даже к сокращению численности населения и прямому хозяйственно-культурному регрессу¹⁰.

С другой стороны, экологические кризисы могли стимулировать поиск альтернативных форм жизнеобеспечения и переход к новым, более продуктивным формам хозяйства. Известно мнение, что экологические кризисы, вызванные перенаселенностью или истощенностью ресурсов, с глубокой древности сопровождают каждый шаг на пути развития человечества, будучи важным фактором миграций и своеобразным стимулятором исторического прогресса¹¹. В этой связи следует заметить, что признать благотворную роль экологических кризисов в развитии традиционных этносов мы можем лишь в самом общем, глобально-историческом плане. Как показывает опыт традиционных этносов, для каждого конкретного малого народа экологический кризис означает не прогресс, а голод, тяжелые демографические потрясения, нарушение устоявшихся социальных, хозяйственных связей. Там, где кризисы повторялись регулярно и с большой силой они неминуемо тормозили развитие этнической культуры, уничтожили достигну-

¹⁰См.: Будыко М.И. Глобальная экология. М., 1977; Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Сов. археология. 1969. №4.

¹¹См.: Тсория и методика географических исследований экологии человека. М., 1974. С.11.

тый прирост населения, зачатки более сложных форм общественных отношений.

Следует заметить, что малые этносы уже со времени возникновения государственных образований попадали в число составных компонентов межэтнических макросистем, воздействие которых на малые традиционные этносы было, как правило, негативным. Фискальные повинности, налагаемые на малые этносы, приводили в полное расстройство традиционное природопользование, что, в свою очередь, как бы по цепочке детерминировало резкое ухудшение жизнеобеспечения, нарушение гомеостаза этноса, и, в конечном итоге, тяжелые демографические, социальные и этнокультурные потрясения. Если экологические кризисы в чисто традиционных общностях были вызваны изменением климата, стихийными бедствиями, неумелым природопользованием и в процессе саморегуляции последствия этих кризисов смягчались, а со временем устранялись вовсе (этносы возвращались в исходное состояние), то в государственных макросистемах действие механизма внутриэтнической и экологической саморегуляции в значительной степени нарушалось, жизнедеятельность этноса бралась под контроль макросистемы, старавшейся приспособить его внутреннюю структуру для своих фискальных целей, а его традиционные формы и типы жизнедеятельности трансформировать таким образом, чтобы получить возможность эксплуатировать природную среду в максимальной степени. Вызванные такого рода эксплуатацией экологические кризисы часто становились необратимыми, что приводило к депопуляции этноса, либо к смене его среды обитания. В данном случае мы можем говорить об этноэкологических кризисах и об этноэкологических катастрофах.

Примером такого этноэкологического кризиса в доиндустриальную эпоху может служить практика взаимодействия Русского государства с традиционными этносами Западной Сибири. Фискальная политика ца-

ризма существенно повлияла на экологическую, социально-экономическую и этническую ситуацию в регионе. Ясак и "воеводские поминки"* - главные виды внеэкономической эксплуатации аборигенов - значительно обогатили казну (в XVI-XVII вв. пушнина была основным предметом русского экспорта) и в то же время разоряли остяков и вогулов, приводили к оскудению потребительской охоты и рыболовства¹². Уже Опустошение пушных угодий зашло так далеко, что правительство вынуждено было сначала сократить ясачный склад, а потом заменить его денежным эквивалентом¹³. К концу XIX в. пушной зверь в ряде регионов Сибири был полностью истреблен. Охота на пушного зверя в целях уплаты ясака производилась индивидуально, ответственность перед общиной нес охотник, зафиксированный в ясачных книгах, а позднее в ревизских сказках, как плательщик ясака. Подобная практика отвлекала аборигенов от жизнеобеспечения своих нетрудоспособных сородичей, а в условиях экстремальной экологической ситуации, когда практически вся энергия уходит на поддержание гомеостаза и самого необходимого уровня жизнеобеспечения, это способствовало разрушению однородных внутриэтнических структур. Лишенные кормильцев, от голода и болезней вымирали целые родовые группы. Осколки уцелевших родовых групп мигрировали, создавая новые дезтносизированные гетерогенные структуры. Этих людей уже не могла прокормить сама природа. В XVIII в. среди аборигенов появляются гетерогенные группы, состоящие из выходцев различных

* Ясак и воеводские поминки - натуральные подати, собиравшиеся с народов Поволжья и Сибири - первоначально местными "князцами", а с укреплением русского владычества - царской администрацией. Ясак собирався, главным образом, ценными мехами - соболями, бобрами, куницами.

¹² См.: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1.

¹³ См.: Архив Всесоюзного географического общества. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 104-105 (далее АВГО).

микроэтнических групп, забывшие свои обычаи и традиции, навыки традиционного хозяйства и служащие "в работниках у русских крестьян"¹⁴. По данным второй ясачной комиссии, в Тобольской губернии многие остяки по скудости промыслов и собственной бедности кормились за счет работы на кабальных условиях у богатых рыбопромышленников¹⁵. Негативный опыт природопользования и катастрофические последствия ясачной политики вынудили правительство пересмотреть свою стратегию по отношению к традиционным этносам, что в какой-то степени способствовало стабилизации их системы жизнеобеспечения, хотя локальные поражения этноэкологической среды в ряде мест были уже необратимы.

Смягчению последствий этноэкологического кризиса, вызванного воздействием на традиционные этносы государственной или иной организованной макросистемы, способствуют адаптационные механизмы жизнеобеспечения традиционных этносов. Аборигены искали выход из кризисных экологических ситуаций, переключаясь на другие формы жизнедеятельности. Эту способность к переключению традиционных типов хозяйства отмечали А.М.Обухов и И.И.Крупник. Последний, в частности изучая экосистемы арктических народов, пришел к выводу, что климатические колебания с высокой амплитудой в Арктике способствовали "выработке особой стратегии природопользования, которая заключалась в параллельном развитии двух (или нескольких) моделей жизнеобеспечения с противофазной реакцией на изменение условий существования. Любые экологические сдвиги оказывались неблагоприятными для одной из этих моделей, но одновременно резко повышали

¹⁴Центральный государственный исторический архив. Ф.1264. Оп.1. Д.277. Л.34.

¹⁵АВГО. Ф.64. Оп. 1. Д.5. Л.7

продуктивность другой. Историю природопользования аборигенов Арктики по мнению И.И.Крупника можно представить как постоянный "перелив" населения от кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, т.е. от охоты и оленеводства к морскому промыслу или рыболовству и обратно в зависимости от конкретной динамики экологической или социальной обстановки¹⁶. Подобного рода "переключения" в кризисных ситуациях, вызванных разными причинами, характерны и для других народов. Следует при этом заметить, что эти "переключения" происходили в пределах привычной среды обитания и не вели к потере этнических свойств популяции, так как не нарушали традиционных видов хозяйства и жизнеобеспечения. Завершая разговор об этноэкологических кризисах в доиндустриальную эпоху, нельзя пройти мимо того факта, что при рассмотрении экологических проблем традиционных этносов основной упор делался на эколого-адаптационный метод. В этом научном направлении важнейшее значение в развитии обществ и формирований их типологического разнообразия придавалось процессу взаимодействия этноса и внешней среды - природной и социальной. Такой подход критикуется из-за того, что он не учитывает "внутренние", имманентные факторы развития этноса. Спектр последних весьма широк: от марксистского о борьбе классов и социальных групп до представления о пассионарной энергии этноса, сформулированного Л.И.Гумилевым.

Признавая во многом справедливость этой критики, нужно отметить, что этноэкологические кризисы порождаются, как правило, внешними факторами (природными и социальными). Внутренние факторы кризиса этноса в данном случае производны. Рассмотрение и анализ этих факторов в комплексе, сквозь призму этноэкологических кризисов позволяет видеть тра-

¹⁶Крупник И.И. Указ.соч. С.186, 187.

диционные этносы не в гомеостазе, а в пульсирующем развитии и приблизиться к максимально возможному историзму при их изучении.

В условиях модернизации резко усиливаются кризисные явления в среде обитания этносов, ведущих преимущественно традиционный образ жизни. Вторжение в этническую жизнедеятельность техногенной цивилизации, во-первых, в любом случае, изменяет природную среду, очень часто подрывая при этом основные формы традиционного жизнеобеспечения, что лишает традиционные этносы экологической основы их социокультурной специфики. Наплыв мигрантов - посетителей, зачастую, худших сторон техногенной цивилизации (этническая маргинальность, низкий общий уровень культуры и экологической, в частности и т.п.) в процессе экономического освоения изменяет демографическую ситуацию, что также ведет к эрозии этнических основ малых народов (сокращается зона применения традиционной культуры, языка функционирования эндогамии). Особенно сильные негативные последствия модернизация имеет в этнических средах четвертого типа (см. предыдущую главу). Дисперсность расселения этого типа этносов, малая ее плотность, дискретность и мозаичность социокультурного массива делают такие этносы очень уязвимыми под напором современной модернизации.

Этноэкологические кризисы, вызванные современной модернизацией, общепланетарны и охватывают все сферы традиционного жизнеобеспечения, жизнедеятельности и природопользования. Если раньше промышленная цивилизация проникала только в отдельные сферы экономики традиционных этносов (в XVII в., например, европейцы принесли на Север коммерческие методы освоения природных богатств, создав огромный пресс на наиболее ценные ресурсы пушных и морских животных; с рубежа XIX и XX в. наступила очередь полезных ископаемых), то со второй половины

XX в. традиционные этносы испытывают все усиливающееся социальное и экологическое давление уже не только на отдельные виды ресурсов, но и на все занимаемые ими земли. Современное промышленное и транспортное освоение этих земель ведется без всякого учета допустимых нагрузок на местные экосистемы. В результате многие из них уже разрушены под влиянием техногенного загрязнения. Постоянно отчуждаются промышленные и пастбищные угодья коренного населения под промышленные и транспортные нужды. Прежние хозяева уходят с родной земли. Новые хозяева строят многоэтажные города и поселки, трубопроводы и нефтяные вышки и оставляют после себя экологическую пустыню. Особенно остро проблемы этноэкологии встали на российском Севере, где природная среда наиболее ранима, а жизнеобеспечение и жизнедеятельность коренного населения в большей степени, чем в других регионах, зависит от экологической среды. Еще в 1925 г. народы Севера были выделены в особую группу на основе нескольких признаков: 1) малая численность; 2) уникальный характер традиционных занятий (охота, рыболовство, оленеводство, морской, зверобойный промысел; 3) особенности образа жизни и быта, связанные с традиционным хозяйством (кочевание или полуседлый уклад жизни для многих из них; 4) низкий уровень социально-экономического развития. Это определение сохраняет в значительной степени свою актуальность и в настоящее время.

В течение ряда лет нами проводились конкретные исследования социального положения коренного населения Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Эвенкийского автономных округов, а также Республики Саха (Якутии). На основе анализа эмпирического материала можно выделить ряд основных проблем, определяющих уровень этноэкологического кризиса не только аборигенов указанных регионов, но и всех малочисленных народов Севера.

Взаимодействие отечественного варианта техногенной цивилизации и традиционного уклада жизни коренного населения порождает целые комплексы негативных явлений и острых проблем. Быстрое экстенсивное развитие добывающих отраслей промышленности, транспорта, строительства привело на грань экологической катастрофы северную природу на обширных территориях, что серьезным образом разрушило основу функционирования традиционных отраслей хозяйства народов Севера - охоты, оленеводства и рыболовства. Особенно тревожная обстановка сложилась в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. В то же время новые отрасли хозяйства практически не сочетаются с традиционными, что не только не способствует их развитию, но ведет к их вытеснению.

Промышленное освоение Севера повлекло за собой серьезные демографические изменения. Вследствие притока мигрантов повсеместно сокращалась доля коренных жителей. Например, в Ханты-Мансийском округе аборигены составляют менее 3% от общего числа жителей. Производимая коренными северянами продукция, в основном промыслово-сельскохозяйственная, в экономическом балансе региона на фоне огромных индустриальных объемов стала почти незаметной. Наравне с притоком извне происходит активный процесс внутрорегиональной миграции, связанной с переводом кочевого населения на оседлый образ жизни и переселением людей из мелких поселений в центральные усадьбы хозяйств и в райцентры. Концентрация аборигенов, согласно замыслам политических лидеров, должна была способствовать созданию условий для развития образования, медицинского, торгового и бытового обслуживания, повышению общей культуры народов Севера. Однако в реальности эти цели достигнуты не были. Значительная часть аборигенов, переселенная в крупные поселки, окончательно порвала с традиционным хозяйством. Другая часть оказалась удаленной от

производственных участков - оленьих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий. Производственные бригады и звенья были оторваны от поселков, еще более осложнилось культурное, медицинское и бытовое обслуживание промысловиков и оленеводов в местах их производственной деятельности.

Можно перечислить ряд конкретных негативных последствий для народов Севера промышленного освоения мест их проживания:

1. Отторжение и уничтожение ягельников, охотничьих и рыболовных угодий, кедровиков. По всему Северу площадь только оленьих пастбищ сократилась на 22 млн.га, на которых могли бы выпасаться 100-110 тыс.оленей, а также 17 млн. га охотничьих угодий. В одном только Ханты-Мансийском автономном округе погублено 28 перестовых рек (еще два десятка речек находится в кризисном состоянии), 17,7 тыс. га нерестилищ и нагульных участков, отчуждено свыше 500 тыс.га лесов и пастбищ. С 1965 г. площадь рыбопромысловых водоемов сократилась в 24 раза, их число в 5 раз. Вода в буровые скважины закачивается из естественных водоемов, из-за этого они мелеют. Например, в поселке Унгут по сравнению с 1965 г. вода от берегов реки Большой Юган ушла на несколько сот метров, в озере поселка Новоаганск - 500 м.

2. Загрязнение угодий: в Ханты-Мансийском автономном округе ежегодно 50% газа сжигается в фанелах, с 1965 г. загрязнено свыше 200 тыс. га рыбопромысловых угодий; слито около 120 тыс.тонн нефти и нефтепродуктов, в год происходит свыше сотни аварий; 12 загрязнений при сливе 20-25 тыс. тонн нефти. На восстановление земель и вод, погубленных за последние три десятилетия нефтяного бума, требуются огромные вложения средств.

3. Пожары стали подлинным бедствием сибирской тайги: в августе 1988 г. в одном только Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа

было 300 очагов пожаров, а в июле 1989 г. - 337, а всего в 1989 г. было обнаружено с начала лета до конца июля 2900 больших и малых пожаров, уничтоживших 260 тыс. га леса. В Хабаровском крае за этот период было 904 пожара, в которых сгорел лес на 90 тыс.га.

4. Резкое увеличение числа приезжих, в том числе нередко случайных людей с весьма сомнительным прошлым, "временщиков", хищнически относящихся к природе и коренному населению (разрушение охотничьих избушек, кража на них имущества, вымогательство рыбы, пушнины, спаивание местного населения и проч.).

5. Распространение браконьерства среди приезжих, что в свою очередь ведет к другим негативным последствиям для коренного населения, например, к запрету личного рыболовства и охоты.

6. Ослабление внимания к традиционным отраслям хозяйства и культуры в связи с промышленным освоением края.

7. Перекачка материальных средств и ресурсов в промышленность за счет социального развития традиционных этносов, т.е. усиления социальной несправедливости.

8. Растворение коренного населения в составе всего населения региона; утрата этносами их территориально-культурной целостности.

9. Рост социальной незащищенности коренных этносов, что ведет к социальной пассивности населения.

10. Развитие межэтнической напряженности и конфликтов на основе отмеченных кризисных явлений.

На заре ускоренного промышленного освоения Сибири в середине 60-х годов была сформулирована задача: промышленное освоение Севера должно сочетаться с дальнейшим развитием отраслей промыслового и сельского хозяйства данной зоны. Устойчивые связи между промышленными центрами и прилегающими к ним таежными и тундровыми зонами должны были способ-

ствовать социально-экономическому и культурному развитию малых народов. Сегодня можно констатировать, что ничего из этого не вышло. Одна из важнейших причин - масштабы и темпы промышленного освоения таковы, что предприятия и организации не справляются с собственными задачами и не имеют возможности рационально сочетать промышленное освоение территории и развитием традиционных отраслей хозяйства.

О том, что промышленное освоение Сибири в ряде мест ведет к экологической катастрофе, в последние годы буквально "вопиет" центральная и особенно местная печать¹⁷. Но сдвигов в лучшую сторону нет. Экологические проблемы в условиях глубочайшего экономического кризиса до сих пор не могут быть оптимально и быстро решены, несмотря на принятый "Закон об охране природы". Реальные вложения на охрану природы Сибири в 1991-1992 гг. в условиях инфляции сократились во много раз. Лишь в результате развертывания специальной кампании в защиту того или иного объекта природы в прессе, научных кругах, среди общественности удается приковать к ним внимание соответствующих правительственных органов и добиться принятия соответствующих решений. Мешает также и то, что местные органы управления пока не способны бороться с промышленными предприятиями, загрязняющими природную среду, острая нехватка энергоносителей, трудности с финансированием нефтедобывающей промышленности отодвигают на второй план проблемы экологии. Например, в Западной Сибири в результате экстенсивного развития нефтегазодобывающей промышленности в Нижневартовском и Сургутском районах полностью нарушен экологический баланс: отторжение и загрязнение промысловых угодий приобрело такие мас-

¹⁷ Обзор печати по проблемам экологии народов Севера см.: Соколова З.П. Народы Севера СССР: прошлое, настоящее, будущее // Сов. этнография. 1990. №6. С.17-33.

штабы, что была подорвана традиционная отрасль хозяйства хантов-оленьеводов, а в недалеком, будущем та же участь ожидает охоту и рыболовство. Это прямой результат тех методов и темпов, какими ведется разведка нефтяных и газовых месторождений на данной территории. При этом нет никакой уверенности, что в ближайшем будущем произойдут какие-либо изменения. Кроме того, в Сунгутае, Нижневартовске, Новом Уренгое запланировано строительство огромных нефтеочистительных комплексов, что не может не сказаться на окружающей среде. Те же методы хозяйствования, основанные на стереотипе "постоянства и неистощимости" сибирских ресурсов, характерны для лесной и энергетической промышленности.

Если добыча газа и нефти на Ямале, Таймыре, Чукотке, в Эвенкий и в других регионах Сибири и Дальнего Востока будет происходить такими же темпами и методами, нарушится экологический баланс и на этих территориях будет ликвидирована хозяйственная основа существования, вся система жизнеобеспечения ненцев, эвенков, иганасан и других малых этносов.

Именно промышленное освоение Севера и экологический дисбаланс в значительной мере привели к тому, что стало сокращаться традиционное хозяйство народов Севера. Это в свою очередь ведет к снижению уровня жизни традиционных этносов, утрате привычных продуктов питания, нехватке сырья для традиционной одежды, а также к исчезновению материальной этнической культуры, тесно связанной с традиционным хозяйством.

Последние социологические исследования показывают, что традиционные формы жизнедеятельности малых народов находятся в бедственном состоянии. Повсеместно шло сокращение поголовья оленей¹⁸. Уменьшился удельный вес мясной пищи, население лишилось

¹⁸См.: Соколова Э.П. Указ соч. С.23.

значительной части оленьих шкур, из которых можно было шить себе промысловую и дорожную одежду и обувь. Это снижает материальный уровень жизни населения и лишает оленеводческие народы корней их этнической специфики.

Еще меньше, чем в оленеводстве, коренное население занято теперь в охоте и рыболовстве. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе уменьшился вылов рыбы за последние годы в 1,5 раза. В Ханты-Мансийском автономном округе на реке Вах - в 2 раза. Рыба пахнет нефтью в ряде районов на Оби, на Агаве, Пиме. Ежегодно рыбные промыслы Обского Севера снабжали ценной продукцией города Урала и Западной Сибири. Однако из-за накопления ядовитых веществ в воде и земле они могут прекратить свое существование к началу XXI в. В Амуре рыбы вылавливается в 20 раз меньше, чем в 60-е годы. Причины также в большой мере заключаются в отторжении и загрязнении угодий. Многочисленные гидростанции на сибирских реках (Оби, Енисее, Ангаре) резко уменьшили или свели к нулю поголовье ценных пород рыб, обитавшие в пойменных озерах, затопили огромные территории пойм и лесов.

Охотничий промысел значит жалкое существование, добыча дикой пушнины в значительной степени уступает место клеточному разведению пушных зверей и ежегодно составляет лишь пятую часть всей пушнины. Например, в бассейне рек Большой и Малый Юган, уникальном в Западной Сибири по запасам соболя в 60-е годы его добывали по 3 тыс. шкурок, теперь - наполовину меньше, а ондатры, которой здесь тоже было много, сдано в 20 раз меньше. Много пушнины уходит на сторону - браконьерам и спекулянтам. Ущерб от потери охотничьих угодий уже составил десятки миллионов руб.; к концу этого десятилетия, если отношение к окружающей среде не изменится, он составит уже сотни миллионов рублей.

Морской зверобойный промысел - традиционное занятие прибрежных чукчей, коряков, эскимосов, нивхов - из-за того, что зверь был выбит промышленным способом, пришлось практически прекратить. Чаще всего население периодически получает уже готовые туши морских животных на мясо и жир, а в самом промысле теперь участвуют лишь немногие. В то же время существующая перерабатывающая промышленность развита лишь на базе рыболовства, в остальных традиционных отраслях народы Севера участвуют только как добытчики сырья. А между тем только традиционное хозяйство в своем комплексе и связанный с ним уклад жизни способствуют функционированию этнической культуры. Таким образом, сохранение среды обитания и промыслового хозяйства - непременное условие этнического выживания малых народов Севера.

В последние два-три десятилетия эти условия выживания значительно ухудшились, что отразилось на численности народов Севера и продолжительности жизни. Так, если с 1959 по 1970 г. прирост населения у народов Севера составил 16,3%, то в следующем десятилетии, к 1979 г. он был равен всего 3,3% (при этом уменьшилась численность 8-ми народов). 70-е год были самыми тяжелыми в жизни малых народов. Например, в Нижневартовском районе численность хаптов уменьшилась за период 1940-1957 гг. с 2023 до 1800 человек, 1957-1978 гг. до 1203 человек, а к 1984 г. - до 939 человек. По данным хозяйственных книг в настоящее время число мужчин старше 50 лет в 1989 г. было в 5-6 раз меньше, чем 30 лет назад, и в 5 раз меньше, чем женщин того же возраста сейчас. Это прямое следствие утраты малыми народами своего традиционного уклада жизни, потери мужской части населения своих профессиональных навыков и в итоге к полной депрофессионализации на почве пьянства и алкоголизма.

Судя по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г., с 1979 г. численность народов Севера уве-

личилась на 16,5%. Однако это не должно нас успокаивать. Во-первых, некоторые народы численно уменьшились (эвенки примерно на 30%, коряки и орочи на 7,7, тафалары - на 4,2, кеты - на 0,8%) крайне низок прирост у саамов (0,1%), и селькупов (1,3%), менее чем на 10% увеличилось число хантов, чукчей, нивхов. Во-вторых, если сравнить наши данные прироста малых народов с аналогичными материалами по аборигенам США и Канады, то можно увидеть, что там темпы прироста, гораздо выше. И, в-третьих, механический прирост численности малых этносов не предотвращает потери ими многих элементов этнической специфики. Вместе с усилением миграции и осваиваемые районы Севера и непосредственно в среду обитания малых этносов постоянно увеличивалась доля лиц "метисного" происхождения в аборигенных популяциях, вследствие межэтнических брачных контактов. Формально числясь в составе того или иного малого народа, лица "метисного" происхождения в своем подавляющем большинстве не заняты в традиционных сферах жизнеобеспечения и жизнедеятельности и фактически не являются носителями этнических признаков (этнофорами) того народа, к которому они относятся по паспорту.

Вторжение техногенной цивилизации сильно повлияло на состояние здоровья аборигенов, динамику рождаемости и смертности. Коренные жители стали в массовом порядке применять аборт для искусственного прерывания беременности, что резко усугубило и без того непростые вопросы демографического воспроизводства малых этносов. При этом возрастает число тяжелых последствий для самих женщин. Велика детская смертность.

Начиная с 70-х годов (со времени поселения аборигенов в крупные поселки и перевод их на оседлый образ жизни с появлением в больших количествах новой техники, транспорта, увеличения внешней миграции на Север) основной причиной смертности среди коренного

населения стали отравления и травмы. Несчастные случаи, связанные со злоупотреблением алкоголем, бесконтрольным использованием технических средств (особенно на воде), насильственные смерти и самоубийства стали составлять в аборигенных поселках до половины всех смертных случаев. Вследствие того, что сейчас каждый третий случай смерти представителей коренного населения в районах Севера так или иначе обусловлен воздействием внешней макросистемы, а не внутренними или "чисто" медицинскими причинами, то даже значительные усилия лишь по линии здравоохранения будут недостаточны.

Серьезно ухудшила этноэкологическую ситуацию и волюнтаристская политика реорганизации хозяйств, массового отселения коренного населения в укрупненные, зачастую заново созданные поселки (в том числе и вопреки воле и желаниям самих жителей). В значительной мере это было обусловлено общей установкой в стране на укрупнение хозяйств и населенных пунктов (вплоть до ликвидации мелких, так называемых перспективных деревень), объективно положительным желанием как можно быстрее и без больших затрат улучшить быт коренного населения путем жилищного и культурно-бытового строительства электрификации и радиофикации поселков облегчить управление хозяйствами, а кроме того, неправильным подходом к решению проблем кочевания и перевода народов Севера на оседлый образ жизни.

Перевод на оседлость оленеводов охотников, рыбаков, реорганизация и укрупнение хозяйства, ликвидация мелких селений (как постоянных, так и сезонных) были одной из причин свертывания традиционных отраслей хозяйства народов Севера. Во-первых, новые селения были весьма удалены от многих промысловых угодий, с ликвидацией мелких селений они перестали "опромысливаться" из-за отдаленности. Во-вторых, ряд хозяйств перестали развивать оленеводство, в меньшей

степени занимались рыболовством. Часть рыбаков, занимавшихся промыслом индивидуально, не шла в разряд так называемых рабочих и их произвольно объединяли в бригады гослова. В-третьих, укрупнение поселков и переселение туда основной части населения вместе с интернатской системой воспитания учащихся привели к сокращению кадров традиционных отраслей хозяйства (оленоводов, охотников, рыболовов), к нарушению преемственности между поколениями в традиционных видах занятий.

Несостоятельность этих административных мер скоро стала очевидной и сейчас уже стоит вопрос о восстановлении ряда селений, признанных "неперспективными". Что касается оленеводства, то, очевидно, настало время избавиться от стереотипа: оседлость - хорошо, кочевание - плохо. Признавая специфику отгонного скотоводства, следует признать и особенности северного оленеводства и обусловленную ими специфику образа жизни оленеводов. Признав необходимость кочевания оленеводов, мы сможем изменить и концептуальный подход к проблеме развития оленеводческой культуры народов Севера, выработать пути благоустройства их кочевой жизни. Ведь оленеводство является ведущим экологическим звеном природно-экономической системы, обеспечивающей взаимодействие коренного населения и окружающей среды. Все попытки модернизации оленеводства не дали существенных результатов. Были усовершенствованы лишь известные традиционные способы содержания оленей, применявшихся разными народами, да несколько улучшен в ряде мест кочевой быт оленеводов. В целом же, как показывает опыт, традиционные сферы жизнедеятельности малых народов практически не поддаются воздействию современных типов модернизации и судя по опыту Сибири и Дальнего Востока, их развитие можно считать несовместимыми с промышленным освоением края.

В последние 2-3 года глобальные проблемы экологии и в нашей стране стали связывать с проблемами выживания малых народов, сохранивших традиционные формы жизнеобеспечения и природопользования. Для большинства ученых стало ясно, что неограниченная промышленная экспансия уже вызвала нарушение экологического равновесия во многих регионах и ее продолжение ведет к экологической катастрофе, прежде всего для малых этносов, ведущих традиционный образ жизни. Символами здесь стали два гигантских промышленных проекта: освоение газовых месторождений центральной части Ямала и строительство Туруханской ГЭС в Эвенкии. Оба они были приостановлены правительственными распоряжениями, не в последнюю очередь как угрожающие культуре и природопользованию коренных северян. Во-вторых, с 1988 г. центральные органы печати начали открыто писать о тревожном положении малых народов Севера, кризисном состоянии их экономики, культуры, систем природопользования.

Но главное оказалось, что среди ученых существуют разные, порой прямо противоположные взгляды на будущее малых народов в условиях современного промышленного освоения Севера. Единодушия никогда не было, но часть точек зрения прежде не попадала на страницы печати. Другие оформились лишь в последнее время в ходе новых, более открытых дискуссий. Все они имеют прямое отношение к этноэкологии малых этносов, так как связывают их будущее с сохранением либо, наоборот, с радикальным изменением традиционной системы использования природных ресурсов.

Первая концепция: основой существования народов Севера в новом меняющемся мире может быть только их этническая культура. Такова позиция большинства этнографов-сибиреведов¹⁹. При этом культура понима-

¹⁹См.: Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года: Концепция развития. М., 1989.

ется как широкий комплекс элементов и традиций, прежде всего в области занятий и хозяйственных навыков, материального быта, родного языка, духовного наследия. Только поддержка, развитие, а в ряде случаев - ревитализация (т.е. возрождение) этнических культур способны сохранить малочисленные народы в условиях интенсивного промышленного освоения. Сельское население, средние и малые поселки, занятие оленеводством, рыболовством и охотой остаются в таком случае наиболее прочной сферой этнических традиций. Они-то и нуждаются в максимальной поддержке, и в первую очередь оленеводство как единственный рентабельный и культурно наиболее перспективный вид деятельности коренного населения.

Но есть и другая, прямо противоположная концепция: промышленное освоение Севера прогрессивно и неизбежно, и малым народам предстоит войти в "большой мир", чем скорее, тем лучше. Выход только один: всячески поощрять включение аборигенов в индустриальный труд, современную городскую жизнь, радикально менять их социальную структуру, увеличивать долю промышленных рабочих. Эту позицию отстаивают новосибирские социологи²⁰. Если так, то попытки поддерживать традиционную культуру, формы природопользования, сохранять окружающую аборигенов экологическую среду ведут их к искусственной попарвации, архаизации и даже (как порой говорят) "насаждению резерваций".

Существует компромиссный взгляд: надо стимулировать традиционные хозяйствования, но максимально насытить их современной техникой, оборудованием, т.е. превратить их в полупромышленные формы природопользования. Строительство гигантских изгородей и перевалочных баз со всеми удобствами, сменноз-

²⁰См.: Программа координации исследований "Народности Севера". Новосибирск, 1987.

веньевой выпас оленей и охотничий промысел, современные виды переносного жилища для оленеводов и разделочные линии - вот наиболее яркие символы такого подхода. "Новая жизнь" в тайге и в тундре будет сочетаться с благоустроенным бытом в модернизированных поселках, построенных государством.

Четвертая позиция: будущее народов Севера в переустройстве их экономической и социальной жизни в духе сегодняшних преобразований всего общества. Лозунги дня: рыночные отношения и гибкие схемы развития, кооперационные начала и индивидуальная инициатива. В таких условиях произойдет неизбежное разукрупнение производства; станут выгодными охрана природы, туризм, коммерческие формы земле- и ресурсоиспользования. И тогда наиболее уродливые проблемы просто исчезнут, уступив место здравому смыслу, экономической инициативе, народному опыту. А это и есть формула "наибольшего благоприятствования" народов Севера.

И, наконец, все большее число ученых, практиков видят будущее народов Севера в развитии реальной национальной автономии. Цель здесь - максимальный рост местных форм самоуправления в условиях хозяйственной и правовой самостоятельности отдельных общин. Автономия в области хозяйственной и социальной политики требует иного уровня взаимоотношений малого народа с государством, с другими народами и, главное, с собственной землей, своей средой обитания. Забота о завтрашнем дне возникает только в условиях ответственности, возможности принимать самостоятельные решения. И лучше всего, если народы Севера сами сделают свой выбор. Пусть люди сами решают, что для них лучше: традиционализм или индустриальное развитие, олени или нефть, государственные льготы или экономические перспективы.

Как показывает опыт зарубежного Севера, ситуация такого выбора стимулирует интерес к этническим тра-

дициям природопользования, культурным ценностям, опыту жизнеобеспечения. В результате формируется новое экологическое мышление. Конечно, большинство северян уже не могут жить исключительно за счет потребительской охоты и рыболовства, кочевого оленеводства или морского промысла. Но путь к этому должен быть открыт для всех: как форма постоянной занятости или как дополнительный источник дохода, или, наконец, как способ сохранения культурных традиций, специфики образа жизни.

При всем разнообразии мнений относительно того, как преодолеть этноэкологический кризис, среди ученых всех направлений и профилей растет убеждение, что включение крайнего Севера в систему мировой экономики должно строиться не на колониальной эксплуатации его ресурсов, а на признании равноправия и культурной равноценности индустриальных и традиционных форм природопользования, продуманном сочетании интересов жителей Севера и экономических потребностей общества в целом.

Во многих районах Американской и Канадской Арктики идея высокой ценности аборигенных форм природопользования уже победила в трудной борьбе, которую вели организации коренных жителей за свои права, за сохранение традиционных способов хозяйствования на земле своих предков, и утвердилась в общественном мнении. В законодательствах США, Канады, Гренландии, скандинавских стран уже внесены специальные статьи, закрепляющие права коренного населения на свои территории и использование их ресурсов, оговорены условия выплаты крупных компенсаций за отчужденные промысловые угодья, за нанесение ущерба окружающей среде. Опираясь на эти права, ассоциации коренных жителей смогли заставить промышленные кампании вести более рациональную и экологически грамотную эксплуатацию минерального сырья, проводить очистку (рекультивацию) земель от техногенного загрязнения.

Более того, удалось заблокировать ряд крупных проектов, губительных для северных экосистем. Так были отменены: строительство плотины и электростанции на реке Юкон (близкий аналог нашей Туруханской ГЭС), программа "мирных" ядерных взрывов на севере Аляски (проект Колесница), проект танкерной перевозки нефти через Берингов пролив и многое другое. Все они исходили из сиюминутных коммерческих расчетов или узко понимаемых национальных интересов. Время показало, что при нестабильности мировых цен на источники энергии и минеральное сырье удары, наносимые природе Севера и его коренному населению, оказываются бессмысленными и невозполнимыми.

Экологическое движение жителей зарубежного Севера в защиту своих земель и их ресурсов - лишь одна из сфер современного применения этноэкологии. Другая сфера - развитие на Севере коммерческого промыслового и оленеводческого хозяйства, которое было отодвинуто приоритетом индустриального освоения. У северных промыслов и оленеводства есть очевидные преимущества перед современной промышленностью. Это долгосрочные экологически "чистые" формы производства, которые поддерживают преемственность трудовой и этнической культуры северных народов, поставляют ценные и высококачественные виды продукции. Современная биологическая наука способна резко повысить эффективность коммерческого природопользования. Она обеспечивает его комплексной оценкой ресурсов, контролем за состоянием эксплуатируемых популяций, расчетами их продуктивности и темпов воспроизводства. Необходимо при этом учесть опыт северных народов, отраженный в принципах северной этноэкологии. Главное в нем: гибкость и вариантность схем природопользования, последовательное распределение нагрузки во времени и пространстве, параллельное развитие нескольких стратегий жизнеобеспечения с разной реакцией на изменение среды. Эти принципы имеют большое значение

не только для организации современного промышленного и оленеводческого хозяйства, но и для промышленного освоения Севера. Экологический опыт северных народов демонстрирует цену стабильности и законы долгосрочного существования в экстремальных условиях. Законом становится отказ от однолинейного развития и обращение к сложным хозяйственным системам, которые обеспечивают возможность быстрого перехода к иной форме производства.

Современная техногенная цивилизация в любом ее варианте плохо усваивает опыт местных культур, хотя и дорого платит за такое невнимание. Чтобы обеспечить стабильность заселения Севера в современных условиях, здесь обязательно должны быть сохранены альтернативные хозяйственные модели - аборигенные и коммерческие формы природопользования. При любой смене ориентации они смогут привлечь часть экономических ресурсов и, возможно, часть населения.

Преодоление этноэкологического кризиса, порожденного современной цивилизацией, видится в изменении всей парадигмы общественного сознания. На пороге XXI в. наука, общество в целом стоят перед необходимостью выработки принципиально новой концепции освоения северных территорий. Крайний Север уже нельзя рассматривать как неистощимую кладовую богатств для современной промышленности или нетронутый край "белого безмолвия". Обе эти концепции в конце XX в. уже не соответствуют реальности и не имеют перспективы.

Возможно, именно на Севере человечеству удастся найти третий путь взаимодействия с биосферой, основанной на ценностях экологического мышления. Все северные страны ищут здесь формы сотрудничества, совмещения интересов и прав малых народов с потребностями современного общества. Отвергая разрушительный дух промышленной экспансии, нарождающееся экологическое мышление создаст новую модель разви-

тия человечества. Процесс этот будет длительным и нелегким. А пока перед современным обществом стоят конкретные проблемы преодоления этноэкологического кризиса в этнической среде малых народов. И решать их придется в глобальном масштабе, всеми странами, так как они имеют общечеловеческую значимость.

Большое значение в преодолении этноэкологического кризиса имеет позиция общественных ассоциаций, борющихся за сохранение среды обитания традиционных этносов. Народные экологические движения в разных странах имеют свою логику развития. Начинаясь с отдельных призывов, выступлений и петиций, перерастая в массовые протесты против конкретных технических проектов, они приходят к идее долгосрочного рационального природопользования и авторитетного народного представительства. Борьба за чистоту земли и воды, за сохранение охотничьих угодий и пастбищ становится неотъемлемой от культурных, этнических и даже общественно-политических требований. Так было у канадских и американских эскимосов и индейцев, скандинавских саамов. Скорее всего так же пойдет развитие у малых народов России.

В настоящее время уже создана ассоциация народов Севера, ставшая перед собой задачу смягчения воздействия на малые этносы экономического, экологического и социокультурного кризиса. Вновь созданная ассоциация выступила против патерналистского подхода к проблемам малых этносов, ведомственного и коммерческого разграбления ресурсов, тотальной бесхозяйственности, отнимающей у аборигенов надежду на разумное использование богатств их земли. Преодоление экологического кризиса становится неразделимым с культурными традициями и национальной политикой.

К числу таких общих проблем, без которых невозможно преодоление или хотя бы смягчение этноэкологического кризиса относятся: современные правовые, экономические и социальные вопросы природопользо-

вания коренного населения; сохранение и охрана северных экосистем, эколого-этнографическое районирование территорий, заселенных малыми этносами; сохранение народных традиций и вклад народного опыта в современные системы рационального природопользования и сохранение традиционных культур малых народов. Все эти проблемы крайне актуальны и требуют детальной научной проработки.

Итак, современные этноэкологические кризисы поставили под вопрос сохранение традиционных форм хозяйства материальной культуры и самого генофонда малочисленных народов России. Исправление допущенных ошибок в стратегии, природопользования, учет мирового опыта, преодоления негативных последствий модернизации, использование научных разработок отечественных ученых - один из вероятных путей спасения среды обитания традиционных этносов.

Глава третья. Модернизация и социальная структура

Взаимодействие техногенной цивилизации и традиционной общественной организации малых этносов порождает противоречия и кризисные ситуации. Прежде чем перейти к анализу социальных проблем кризисных этносов, рассмотрим некоторые теоретические вопросы воздействия современного индустриального общества на традиционное общество в разрезе его социальной структуры.

Традиционные этносы в общесоциологическом понимании этого термина - это сообщества с высокой степенью социальной однородности, которая обусловлена тем, что этнофоры традиционного этноса заняты "одним и тем же", ибо общественное разделение труда не существует или выражено слабо. Поэтому и социальная структура довольно проста: этнос представляет собой множество автономных общин, патронимий, живущих на одной территории. Это классический вариант патриархального общества, где каждая семья, патронимия и община кормит сама себя, а то, что связывает их в обществе непосредственно не вытекает из условий их повседневной жизни, носит внеэкономический характер. Внутреннее социальное единство этноса поддерживается общностью территории проживания и освоения, а также эндогамией. Межэтническая интеграция на экономическом и социальном уровнях осуществляется преимущественно государством, в состав которого включены различные этносы как элементы всей государственной макросистемы.

Следует заметить, что в классическом виде традиционные этносы в России не сохранились. В этой связи традиционными этносами в современных условиях мы называем, те народы, этническую специфику которых составляют традиционные занятия (у народов Севера - это охота, рыболовство и оленеводство).

Как отмечалось выше, традиционное хозяйство базируется на природных алгоритмах. Оно действует как способное автономизированное производство, в котором человек составная часть природного гомеостаза. Человек, относящийся к тому или иному этносу (этнофор), включен из поколения в поколение в некоторый социально-природный цикл, не будучи ни творцом, ни конструктором этого цикла. Отсюда постоянное воспроизводство одних и тех же элементов социальной структуры. Социальная жизнь в рамках традиционного этноса подчинена общэтническим обычаям и традициям; самостоятельные индивидуальные действия этнофора при этом сильно ограничены. Социальная однородность внутриэтнических элементов вовсе не означает, что традиционные этносы социально совершенно неподвижны. Взаимодействуя друг с другом, традиционные этносы возникали, пульсирующе развивались, многие из них навсегда исчезли, изменялась и внутренняя структура традиционных этносов: демографическая, поселенческая, сословная и т.д. В то же время традиционная внутриэтническая структура обладает большой устойчивостью, базируясь на унифицированных алгоритмах поведения этнофоров.

В современной социологической науке рассматривается и анализируется рыночное общество как противоположное традиционному. При этом под рынком понимается не столько экономический механизм (хотя и он тоже), сколько особый способ организации общественной жизни, универсальный интегративный механизм, некий антипод традиции, который, однако, пре-

вращает совокупность людей в нечто целостное, общество, систему¹.

Рыночное общество характеризуется следующими чертами. Прежде всего высокой степенью социальной неоднородности. В противоположность традиционному обществу, где все члены в социальном плане равнофункциональны, в развитом рыночном обществе каждый индивид или каждая социальная группа выполняет уникальные профессиональные и социальные функции благодаря общественному разделению труда. Другая черта рыночного общества - отсутствие универсального алгоритма; регулирующего поведение каждого отдельного человека. Если традиция фиксирует способ поведения, оставляя открытым его цели, то рынок, наоборот, фиксирует цели поведения или даже функции, оставляя свободными формы поведения. Традиции - это поведение репродуктивное, рынок - поведение инновативное, где каждый индивид, чтобы социально выжить, должен постоянно изобретать что-то новое, предлагать на рынок новый товар, новую стратегию, новые ценности. Чем более инновативен человек, тем лучше вписывается в систему разделения труда как носитель чего-то необходимого, что есть только у него.

Рыночное общество стало основой современной западной цивилизации. Рынок усложнил общественное разделение труда и соответствующую ему социальную структуру. Рынок способствует преодолению ритуализации и мифологизации, неизбежных в традиционном обществе. Одним из следствий и проявлений создаваемой рынком инновативной культуры и непрерывно ускоряемого темпа социальной жизни, равно как и фактором этого динамизма, стало бурное развитие науки. Таким образом, с рынком меняются социальные институты, социальные структуры, системы ценностей, типы

¹См.: Антонюк В.И., Блауберг И.В., Игнатъев А.А. и др. Глобальный контекст социального развития СССР. М., 1991.

личностей. Естественно, столь радикальные преобразования общества одного типа в общество другого типа занимают исторически значительное время. В этом связи существует мнение, что современный мир находится в состоянии растянутого во времени и глобального по масштабу перерастания общества традиционного типа в общество современного типа². При этом понятие "современное общество" социологами конкретизируется в понятие "индустриальное общество". Тем самым выявляется его основная характеристика - развитие промышленности, роль научно-технического прогресса. Для современного, индустриального общества характерны специфические социальные структуры, среди социальных институтов особое развитие получают наука и образование.

В 60-е годы в западной социологии господствовала не историческая дихотомия "традиционное - современное общество", а триада: "доиндустриальное общество - индустриальное общество - постиндустриальное общество" (см. концепции Д.Бейла, У.Росту, О.Тоффлера и др.). При этом термин "постиндустриальное общество" обозначал просто будущее без особой содержательной расшифровки. Сегодня это понятие значительно конкретизировано и получило определение - "электронное общество", "компьютерное" и еще чаще - "информационное общество". Его технический базис создан в наиболее развитых индустриальных странах. Пока постиндустриальное общество рассматривается, как правило, в качестве стадии индустриального общества. Но все чаще раздаются голоса, что в своем развитом виде это общество будет качественно отличаться от существующего, и само индустриальное общество окажется по отношению к информационному лишь стадией становления последнего³.

²См.: Антонюк В.И. и др. Указ. соч. С.14.

³См.: Там же. С.16.

Таким образом, теория модернизации рассматривает глобальное развитие народов мира как переход общественных структур традиционного общества к современному, индустриальному обществу с рыночной экономикой. Согласно этой теории, начинаясь как локальные технологические новации, модернизация становится всеобъемлющей стратегией и включает в себя технологические, экономические и социальные процессы. Рассматривая перспективы перехода традиционных общественных структур к индустриальному обществу, авторы теории модернизации выделяют стадии и модели модернизации. В частности, определяется первичная модернизация традиционного общества, модернизация вдогонку, переходные периоды модернизации и переходные социальные структуры. К моделям модернизации (согласно одной из многих классификаций) относят три: индустриализация сельского хозяйства, импортно-заменяющая (в другой классификации она названа эндогенной) и экспортно-ориентированная индустриализация. Следует заметить, что эти стадии и модели определены для развития стран так называемого третьего мира (Азия, Африка, Латинская Америка).

Для анализа модернизации традиционных этносов нашей страны важно определение переходного периода, так как абсолютно традиционных обществ в настоящее время не существует. Первая особенность переходного периода - это его многоукладность. Это означает, что переходный период характеризуется отсутствием целостности, параллелизм структур, где уклады разной природы существуют как родоположенные, относительно независимые. Видимо, и теневые структуры, теневая экономика в переходный период выходит из подполья, усиливая плюрализм структур. Помимо параллелизма структур, возможно возникновение смешанных форм, олицетворяющих "переходность". Так традиционный сектор в экономике малых народов содержит в себе традиционные виды труда и современный наемный труд.

Неформальный и традиционный секторы - гибкие структуры, которые приобрели известную органичность, цельность, а потому и стабильность, взяли на себя многие важные социальные и экономические функции в масштабах одного или нескольких взаимосвязанных этносов. Такие структуры, как показывает история, могут существовать достаточно долго. Основой их является мелкое производство, обладающее большой адаптивной способностью из-за своей непосредственной связи с интересами людей.

Одним из основных отличий переходных состояний общества от стационарных является принципиальная изменчивость, неустойчивость социальной структуры переходного общества, ведущее к маргинализации, распаду старых структур. Этот процесс, если он затягивается, т.е., если новые структуры формируются медленно, может вызвать кризисные явления, стрессовые состояния в общественном сознании и культуре.

Таковы вкратце основные положения теории модернизации в той ее части, которая применима к исследованию социальной структуры этносов, испытывающих кризис, находясь в переходном состоянии.

Рассматривая переходное состояние малых традиционных этносов и социальных меньшинств нашей страны, следует отметить, что переходные состояния они переживали в процессе взаимодействия с Русским государством и торговым капиталом задолго до возникновения признаков индустриального общества. Русский торговый капитал уже с начала XVIII в. начал проникать в сферу потребительских промыслов коренного населения ряда вновь присоединенных к России регионов. Особый интерес для русских купцов представляли рыбные богатства больших Сибирских рек и их притоков. Царская казна ревностно следила за тем, чтобы купечество не получило в безраздельное владение промысловые угодья аборигенов - плательщиков ясака, не препятствуя, однако, получению ими рыболовных угодий в

аренду. К концу XVIII в. в Западной Сибири наряду со сдачей угодий в аренду имели место случаи продажи и заклада абorigенами своих угодий русским кушцам и служивым людям⁴. О масштабах рыбного промысла на арендованных угодьях свидетельствует такой факт: березовские ханты в 1848 г. отдали в аренду 150 участков на сумму 6050 руб., арендаторы получили с них рыбы на 99500 руб.⁵ Под очевидным воздействием торгового капитала товарное рыболовство начинает развиваться и среди самих абorigенов, которые, в ряде случаев отказывая в аренде кушцам, сами во все возрастающих масштабах использовали угодья, обменивали рыбу и мясо на нужные товары и деньги⁶. В этой связи промысловое хозяйство все больше индивидуализировалось, следствием чего с начала XX в. явился паевой раздел охотничьих и рыболовных угодий между отдельными семьями. При этом случалось, что малые семьи в обход общины сдавали свои участки сторонним людям. Источники XVIII в. рисуют довольно ясную картину социально-экономических отношений в этнической среде самих абorigенов. Основной производственной ячейкой у большинства традиционных этносов была большая патриархальная семья. Однако социально-экономическая роль ее не везде была одинакова. В зонах взаимодействия традиционного производства с торговым капиталом социальная структура абorigенов трансформировалась в сторону индивидуализации производства и присвоения, возникновения и углубления имущественной дифференциации. В этих зонах усиливались миграции пришлого, преимущественно русского и коренного населения. Отчетливо прослеживаются процессы, которые в современной социологии называются маргинализа-

⁴ТФ ГАТО. Ф.154. Оп. 1622. Д.20-21.

⁵Там же.

⁶ЦГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д.277. Л.34.

цией⁷. Все эти свидетельства значительно усложняют историческую схему взаимодействия традиционных общественных структур с макросистемой, предложенную рядом социологов, считавшими, что процессы модернизации традиционных обществ начинаются только с началом индустриального развития. Исторические документы показывают, что традиционные социальные структуры могут довольно активно разрушаться в процессе воздействия на них фискальной системы и торгового капитала. При этом обнаруживается сходство результатов взаимодействия традиционного общества с макросистемами разной формационной принадлежности для малых этносов. Много общего оказывается и в чертах переходных общественных структур XVII-XVIII вв. и современных.

Так, начиная с XVIII в., российские власти стремятся распространить бюрократическую опеку над хозяйственной и социальной жизнью поданных разной этнической принадлежности, унифицировав прежде всего территориальную систему управления, превратив традиционные социальные образования "инородцев" в уезды и волости. В связи с христианизацией многих народов власти требовали оседлого образа жизни, запрещали исконные этнические обычаи и традиции. Все эти меры мотивировались тем, что-де "инородцы живут на государевой земле и поэтому полностью подвластны государевой воле". В то же время правительство заботилось о придании государственной системе управления черт патриархального демократизма, "справедливости" верховной власти в разборе челобитных и в подтверждении владетельных прав волостных миров. Воздействие этой системы и ее идеологического обоснования на социальную психологию аборигенов порождало в них привычку подчиняться государственной регламентации, в том числе безропотно нести налоговое бремя. Пожалуй, мы

⁷АВГО. Ф.64. Оп.1. Д.5. Л.7.

сталкиваемся здесь с той формой государственно-рентных отношений, служащих базисом общественного устройства, при которых государство выступает в качестве универсального патрона и распорядителя. Как показывает исторический опыт, застойные периоды в развитии общественных структур отмечаются во всех государственно-тоталитарных системах разных типов.

Однако сколько бы ни стремилось русское правительство социально-экономически и политически регламентировать общественную жизнь аборигенов, все-таки в их этнической среде продолжали действовать спонтанные процессы, определявшие собой привычное течение семейной и социально-групповой жизнедеятельности. Объем обыденных и экстраординарных социальных связей, необходимых для нормального воспроизводства жизнедеятельности малых этносов, включая в себя разнообразные "социальные действия" на уровне всех форм общности - от семейно-патронимической до территориально-волостной. Это были связи и отношения по родству и свойству "товариществу и одноземству", по индивидуальным и общинным интересам, по брачному партнерству и совместному промыслу, по несению фискальных повинностей и защите от "лихих людей" и злоупотреблений местной администрации, по коллективным договорам с купечеством, и, наконец, по совместному религиозному культу.

Таким образом, социальная организация этносов с преимущественно традиционным способом жизнедеятельности и жизнеобеспечения уже в XVII-XVIII вв. представляла собой сложное переплетение явлений, детерминированных как внутренними, так и внешними влияниями. В замкнутой системе Российской империи совокупность социально-экономических отношений малых этносов в XVIII в. - времени завершения структурной перестройки их социальных связей - можно рассматривать как иерархически организованную подсистему. В ней можно выделить три уровня социальных

отношений: а) формационный, б) территориально-волостных и территориально-общинных связей, в) семейно-бытовых отношений.

Формационный уровень характеризует социально-экономическое положение аборигенов, степень проникновения в их среду товарно-денежных отношений. Рентные отношения разрушали традиционные социальные институты, унифицировали социально-административную структуру, укрепляли территориально-волостные и территориально-общинные связи. Формационный уровень влиял на демографические процессы в семье и общине, способствовал выделению малой семьи, укреплению моногамии и патриархального брака.

Территориально-волостные и территориально-общинные связи влияли на формы рентных отношений государства с аборигенами, обуславливали особенности административного управления, товарно-денежных отношений и специфику проникновения торгового капитала в хозяйство аборигенов. Территориально-общинные связи влияли на формы и тип семьи, на межличностные социально-экономические и социально-бытовые связи. Семейно-бытовые связи (микроуровень) влияли на характер и формы внутриобщинных связей, отношения родства и свойства.

Социальные отношения всех трех уровней взаимосвязаны. Сложившиеся еще в XVI-XVII вв. формационные феодально-рентные отношения в течение XVII-XIX вв. все сильнее влияли на социально-экономическое развитие этнических окраин России, постепенно разрушая традиционную социальную организацию коренного населения. В свою очередь, царское правительство приспособляло свою фискальную систему к местным условиям: учитывало, а по возможности использовало в своих целях социальные институты аборигенного населения, его обычаи и традиции. Еще более тесными были социальные связи второго и третьего уровней. Так, в XVII-XVIII вв. формы семейно-брачных контактов во

многим зависели от гетерогенных явлений и, наоборот, семейно-брачные связи, отношения родства и свойства влияли на формирование межволостных и межобщинных контактов. Таким образом, социальная организация жизнедеятельности малых этносов, включенных в систему Российского государства, определялась многофакторными явлениями, ведущими (основными) из которых были феодально-рентные отношения аборигенов с русской государственной властью и внутренние территориальные связи на уровне территориально-соседских общин. Реликты родового общества (главным образом экзогами) отражались в межличностных отношениях родства и свойства и ни в XVII в., ни тем более позднее не определяли характера и сущности социальной организации. В этих условиях внешние "синхронные" инфрасвязи в пределах региональных групп малых народов все больше стали обеспечиваться общероссийскими коммуникативными средствами⁸.

Как видим, социальная организация малых этносов зависит в очень большой степени от государственной системы и подвержена ее постоянному пресингу. Государство объединяет различные изолированные этносы в общность более широкого масштаба - общество. Складывается некая целостность, "интересы" которой государство воплощало и защищало (здесь мы отвлекаемся от проблемы бюрократии) в первую очередь. Здесь сходство политики дореволюционного государства и государства советского, очевидно - патернализм и примат социального (общность) над экономическим

⁸Эмпирическое обоснование данным положения см.: Бабаков В.Г. К вопросу о разложении традиционной племенной организации обских угров и нарымских селькупов//Пробл. истории СССР. М., 1973; Он же. К этноисторическому изучению приобских хантов//Сов. этнография. 1976. №6; Он же. Историческое место фратрии в системе социальных связей западносибирских угров//Сов. этнография. 1988. №3.

(развитием), который выражался в том, что общинные, или коллективистские начала ставились над индивидуальными экономическими действиями и субъектами.

Если обратиться к нашему историческому опыту (дореволюционному и постреволюционному), то в политике государства можно отметить следующее: несомненное первенство общегосударственного начала (абстрактной общности всех населяющих его граждан) над интересами конкретного большого или малого этноса, отсюда пренебрежение к этнической специфике, традиционным сферам жизнедеятельности, патернализм, администрирование. Советское государство с самого начала своего существования сформировало для малых народов общественные фонды потребления, которые обеспечивали социальную защиту и развитие отставшим в своем развитии народам. Вначале эти фонды действительно выгодно отличали советское общество, например, от канадского и американского, где коренное население казалось было обречено рыночным хозяйством на вымирание. Однако затем западные страны добившись высокого уровня экономического развития, и начали выделять на нужды аборигенов гораздо более крупные средства, оставив далеко позади СССР.

Итак, если вернуться к категориям "традиционное - современно", то государственный "патернализм" в любом его виде и проявлении по отношению к малым народам может быть оценен как явление, основанное на неразвитости общественного разделения труда и рыночной экономики, а его социальная роль носит отпечаток общинности.

Современные западные и некоторые отечественные социологи, строящие свои исследования на теории модернизации, оценивали советское общество 70-80-х годов как переходное, с большой многоукладностью и др. Социологи констатировали, что хотя в СССР конца 70-х годов преобладал индустриальный сектор экономики, в стране сохранялись и уклады доиндустриального типа,

причем удельный вес их был значителен. Неудивительно, что в условиях кризиса, в котором оказалась советская экономика во второй половине 80-х годов, вытеснение доиндустриального ручного труда могло только притормозиться, хотя бы за счет развития индивидуальной трудовой деятельности, мелких кооперативов и мелких крупных предприятий⁹. Тем более это относится к формам собственности. Сделана ставка на плюрализм форм собственности, усиление социально-экономической многоукладности. Впрочем, пока кооперативная, арендная, акционерная формы собственности развивались медленно (в силу недоверия к ним населения, их юридической неоформленности, причем и тем более осуществление законов тормозится давлением общественного антирыночного сознания). Зато разрушение государственной собственности шло и идет быстрыми темпами. Это преобладание разрушительных процессов над созидательными способствует повсеместно развитию кризисных явлений.

В развитии социальной структуры бывшего СССР социологи также наблюдали черты "переходности", из которых главным признаком является усиление маргинализации социальных групп. Анализ процессов маргинализации важен для понимания многих кризисных явлений в социальной организации и культуре народов, втянутых в эти процессы. Как отмечалось в социологической литературе, маргинализация традиционных и вновь образующихся социальных групп и структур является господствующей тенденцией в обществах переходного типа и со специфическими интересами и ценностями, моделями поведения в различных сферах жизнедеятельности: экономической, социальной, политической и т.д. Индикатором маргинальности является наличие "теневое" поведения, т.е. поведения, которое не вписывается в традиционные представления о стандарт-

⁹Антонюк В.И., Блауберг И.В., Игнатьев А.А. и др. Ук.соч. С. 26-34.

ном поведении элементов той или иной социальной структуры. Теневое поведение (неформальные отношения в сфере производства и распределения, круговая порука по родственным и земляческим связям, черный рынок, скрытое воровство, подпольные формы досуга и т.д.) характерно для всех общественных структур и формаций, но особенно рельефно оно проявляется в общественных системах, находящихся в стадии транзитности. В этой связи интересной может быть попытка анализа взаимодействия общества, находящегося в состоянии транзитности и конкретного этноса, для которого состояние транзитности имеет свои специфические особенности. Более того, то что для одного этноса может служить показателем его состояния транзитности, то для другого эти же явления выступают показателями его стационарного состояния. Такое разнообразие социальных структур различных этносов крайне затрудняет построение общей модели социальной организации всего общества. Да и вообще сомнительно можно ли строить такие модели в условиях кризиса всей системы международных связей. В частности, Р.В.Рывкина в ряде работ отмечала трудности анализа социальной организации переходного общества, поскольку многие структуры, по выражению автора, "уходят в тень": скрыты истинные размеры власти различных социальных групп, каждая социальная группа испытывает острый дефицит права решать то, что ей должно по рангу в иерархии управления, поскольку причитающиеся ей права присваиваются группами двумя-тремя рангами выше¹⁰. В результате возникает парадоксальная картина с точки зрения классических социологических представлений, сформулированных в условиях стабильного общества и для описания стационарных состояний, - верхние эшелоны власти не слышат низов, низы фор-

¹⁰См.: Рывкина Р.В. Персонажи и признаки социального мира // Знание - сила. 1989. № 10.

мально исполняют распоряжения верхов или просто игнорируют их, реализуя на своих местах групповые интересы. Такая картина всегда была типичной для транзитных общественных структур. Более того, если пойти дальше, развивая образ "несообщаемости" низов и верхов, то можно увидеть, что возникает параллельный маргинальный мир, который компенсирует пустоты и нестыкуемость стационарных социальных структур, но уже по своим правилам, согласно с собственными ценностями.

Близка к точке зрения Р.В.Рывкиной позиция Е.Старикова¹¹. Он на основе богатого эмпирического материала стремится показать, что классический аппарат социологического исследования социальной структуры переходного общества не работает. Причем не работает не только потому, что вне анализа, оказываются поведенческие компоненты, процессы маргинализации, но и потому, что не принимается во внимание тот факт, что использование традиционных группообразующих признаков, прежде всего классовобразующих, в условиях внеэкономического принуждения, радиистрибуции - неэквивалентного продуктообмена, основанного на волевом изъятии центральной властью прибавочного продукта с целью его последующего натурального перераспределения, не корректно, поскольку такое общество неизбежно делится на социальные группы, различающиеся по правам и обязанностям, т.е. господствующим является не классовое, а сословное деление общества, в данном случае - деление на социальные группы по правам и обязанностям. У каждого народа соотношение и пропорции сословных групп имеют свою специфику, которая обусловлена как этническими традициями, так и положением этноса в целом в системе национальных отношений. Особое место в социальной структуре пере-

¹¹См.: Стариков Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: "Что с нами происходит?" // Знание - сила. 1989. № 10.

ходного общества занимают тандемы сословий, относящихся к различным этносам. В данном случае уже не просто сословные, а социально-этнические группы различаются по правам и обязанностям, имеют противоположные позиции в системе "господство - подчинение". Но об этом подробнее ниже.

Рассмотрим этническую общность как систему различных структур, каждая из которых предполагает вполне определенное объективное членение этой общности на элементы, компоненты и взаимосвязь с ними. Трактую категорию "социальная структура" в широком смысле, следует учитывать, что общество наряду с вертикальным срезом своей организации (классовая структура, социально-профессиональная структура, деление общества на слои и страты) имеет горизонтальный срез, указывающий на территориально локализованные общности - трудовые, семейные, соседские ячейки, региональные образования, этнические общности и т.д.. Этот горизонтальный срез нельзя представлять как некую плоскость, на которой размещены общности; более точным является объемное представление, которое отражает иерархию общностей, соответствующую разным уровням организации социальной системы - от уровня первичных ячеек до макроуровня. Особое положение в системе структур занимают непространственные структуры, такие, как, например, демографическая, поло-возрастная и т.д.

В отличие от статистических групп - классов, слоев, стратов и др., в которых индивиды не связаны между собой непосредственно, рассредоточены в социальном пространстве, этнические общности представляют собой целостные социальные образования. Связи между составляющими их индивидами скрепляются общностью территории, окружающей среды, обычаев и традиций, исторически сложившихся в процессе совместного проживания. Нельзя не отметить, что сходство интересов индивидов, обусловленное их принадлежности к одной

этнической общности, обычно воспринимается ими более осязательно и наглядно, чем единство интересов, вытекающее из их отнесенности к одному классу или социальному слою. Но именно социально-классовые интересы были в центре внимания советского обществоведения. Анализ интересов этнических общностей оставался на втором плане. Между тем сегодня жизнь заставляет приглядеться более пристально к этому срезу социальной структуры. Явственно прослеживаются проявления группового эгоизма между региональными и этническими общностями, обостряющие межнациональные отношения и углубляющие кризисное состояние малочисленных этносов и национальных меньшинств.

Таким образом, развитие рыночных отношений и модернизация производства требуют объективного анализа кризисных явлений, сложившихся в социальной структуре общества в целом, групп и этносов и каждого народа в отдельности в вертикальном срезе, так как до сих пор в общественной науке нет адекватного представления о динамике социальной структуры общества в плане изменения его социально-классового, социально-профессионального состава и связь этих изменений с его национально-этнической структурой.

В течение двух последних десятилетий в советском обществоведении господствовала теория поступательного движения советского многонационального общества к социальной однородности. Предполагалось, что сближение классов, социальных слоев, преодоление социальных различий между работниками физического и умственного труда, тружениками города и деревни в своеобразной форме будут способствовать сближению и слиянию советских наций и народностей. Следует заметить, что установку на теоретическое обоснование якобы формирующегося социально однородного советского общества дали партийные документы КПСС.

Для того чтобы понять реальные пути и направления социального развития больших и малых этносов,

следует иметь адекватное представление о социальной структуре народов, формирующих ее элементах и связях. Между тем в общественном сознании накопилось множество догм, не подкрепленных ни серьезными теоретическими соображениями, ни результатами эмпирического анализа.

Начиная с 30-х годов в партийных документах, научной литературе и учебниках обществоведения используется "трехчленная формула" социально-классовой структуры общества, включающая два класса - рабочий класс и колхозное крестьянство и так называемую прослойку - интеллигенцию. Однако социологические исследования показывают несостоятельность подобного представления реальному строению современных национальных образований. В частности, в "трехчленной формуле" не находится места для множества социальных групп, которые в совокупности составляют современную бюрократию. Таковы хозяйственные руководители разных уровней, работники, связанные с распределением и обменом продукции народного хозяйства, работники учета и делопроизводства и т.д. Вне классификации оказываются кооператоры в торговле и промышленности, мелкие предприниматели, дельцы теневой экономики и т.п.

Главным критерием социальных различий между рабочим классом и колхозным крестьянством считалось наличие в СССР двух форм собственности - государственной и колхозно-кооперативной. Однако после сплошной коллективизации различия в формах собственности стали чисто формальными. И государственные предприятия, и колхозы были полностью подчинены командно-административной системе, а колхозник стал таким же поденщиком, как и рабочий совхоза. Различия между городом и деревней за годы советской власти перестали быть классово дифференцирующим фактором, так как на селе наряду с колхозами сложилась разветвленная система

совхозов, работники которых формально относились к рабочему классу. Кроме того на селе возникло множество агропромышленных комплексов и предприятий местной промышленности. Фактически нельзя отнести к классово дифференцирующим признакам и такие социально-экономические индикаторы как характер и содержание труда, формы распределения, уровень доходов и т.п. Эти индикаторы отражали преимущественно социально-профессиональные, а не классовые различия, так как и среди колхозников и среди рабочих можно выделить работников преимущественно физического труда и работников механизированного труда и работников преимущественно умственного труда.

Все это говорит о необходимости разработки более конкретного представления о структуре общества, которая вопреки господствовавшему до недавнего времени в социологической науке мнению, не упрощается, а, наоборот, усложняется. Дело в том, что если последовательно придерживаться системного подхода к изучению социальной структуры общества как организованной системы, то неизбежен вывод: развитие каждой системы ведет к усложнению ее строения, плюрализму элементов и связей, а вовсе не к единообразию¹². Поэтому бытовавшая долгие годы догма, согласно которой развитое социалистическое общество будет характеризоваться "полной социальной однородностью", попросту не научна. Как показывает практика, в последние годы значительно усилились и дифференцирующие моменты в социальных отношениях. Социологи, стараясь получить достаточно агрегированную типологию социальной структуры общества, выделяют десятки социальных групп и слоев. Такое многообразие элементов в социальной системе предполагает, естественно, противоречи-

¹²См.: Заславская Т. О стратегии социального управления // Наука и жизнь. 1988. №9. С. 36-39.

вое многообразие и плюрализм общественных интересов.

Следует заметить, что несмотря на возросшее внимание социологической науки к национальным процессам, происходящим в нашей стране, национальные особенности социальной структуры и их диалектика еще не стали предметом объективного и целостного изучения. А ведь национальный срез социальной структуры много дает для понимания всего комплекса социального развития многонационального общества. Национальные различия в пределах формально гомогенных социальных групп связаны в первую очередь с местом национальных компонентов данных социальных групп и слоев в общественном разделении труда. Конкретно это выражается в различиях в содержании и характере труда, в размерах и способах общественного вознаграждения за труд, в возможностях реализации материальных и духовных потребностей, в количестве, структуре и использовании внеурочного времени и т.д.. Отмеченные различия становятся источником противоречий и конфликтов в казалось бы социально однородных средах.

В этой связи следует рассмотреть диалектическую взаимосвязь социального (в узком значении) и национального (этнического) в формировании социальной структуры общества. В нашей литературе в прошлые годы эта взаимосвязь трактовалась догматически однозначно: ведущая тенденция - социально-классовое. Этническое или национальное в этом плане рассматривалось как что-то консервативное, косное, препятствующее движению социалистического общества к социальной однородности. С этой концепцией и было связано стремление во всех регионах форсировать формирование однотипной социально-классовой и социально-профессиональной структуры. В частности, это выражалось в попытках ускоренного формирования национальных отрядов рабочего класса и интеллигенции. Это в замысле благое намерение вводилось в практику зачастую

без учета национальной и этнической специфики населения различных регионов страны, что привело к ряду непредвиденных негативных последствий и противоречий. В частности, не удалось сформировать адекватные численности коренных народов Средней Азии, Северного Кавказа и Казахстана национальные отряды промышленного рабочего класса. Отток в национальные республики населения из центральных районов России привел к депопуляции деревень и малых городов, породил ряд социальных, демографических, культурно-языковых проблем. С большими перекосами и издержками шло и формирование национальной интеллигенции.

Причины, породившие противоречия и негативные явления в развитии социальной структуры народов многообразны, многие из них связаны с деформациями развития общества за последние семьдесят лет, в годы культа личности, волюнтаризма и застоя. Однако одной из важнейших из них является игнорирование или недоучет этнического фактора в социальном развитии. Диалектика предполагает взаимодействие двух сторон, которые как бы "равноправны" в единстве своего взаимодействия. Однако это формальное равноправие не исключает того, что на определенном этапе взаимодействия одна из этих сторон становится ведущей. В советской литературе, как указывалось выше, этой ведущей стороной в формировании социальной структуры всегда признавалось социально-классовое. Однако, как показала практика, такой догматический подход был несостоятелен. Этническое или национальное часто становилось ведущей стороной в его взаимодействии с социальным. Тогда же, когда вместо естественного лидерства этнического, национального пытались субъективными методами утвердить в роли лидера социально-классовое, возникали противоречия, переходящие в конфликтные ситуации.

Рассмотрим диалектическое взаимодействие этнического и социального в процессе формирования совре-

меншой социальной структуры некоторых народов, чтобы понять механизм зарождения противоречий и кризисных ситуаций в их социальных структурах. Новая совокупность общественных отношений, порожденная модернизацией, создает условия для внедрения современных видов труда, а соответственно и изменения социально-профессиональной структуры того или иного народа. У народов, миновавших капиталистическую стадию развития, на смену их традиционным занятиям пришли современные профессии с более высоким технологическим и функциональным содержанием труда. Избежав капиталистического пути развития и связанного с ним экономического отчуждения труда, эти народы вместе с тем не сформировали у себя отношения к труду как к деятельности в высшей степени регламентированной и формализованной. Поэтому сама регламентация и формализация труда воспринималась как его отчуждение. И если народы европейской части России еще при капитализме привыкли к различным формам отчуждения труда в промышленной сфере, то для народов, не прошедших этой стадии, регламентация отождествлялась с внеэкономическим принуждением. Это было одной из основных причин слабой ориентации представителей многих народов на индустриальные профессии. Кроме того, социальной мобильности народов Средней Азии, Северного Кавказа, Закавказья сильно препятствуют малая миграционная подвижность сельского населения, семейные обычаи, ограничивающие выбор профессии женщинам и т.д.

Все эти факторы этногенного характера привели к тому, что в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Азербайджане сложилась социальная структура, характеризующая высокой долей сельского населения среди всего населения, аграрного населения среди сельского населения, работников сельского хозяйства "без специальности" среди аграрного населения, высокой плотностью сельских населенных пунктов, большим числом

работников сельского хозяйства на 1 га посевных площадей. В то же время в этих регионах невелика доля специалистов промышленности и сельского хозяйства среди коренного населения. Будучи невысокой среди сельского населения в целом доля работников преимущественно умственного труда и служащих относительно высока среди неаграрного населения.

В то же время социально-профессиональная структура русского и другого приезжего населения в данных регионах имеет принципиально отличную социально-классовую и социально-профессиональную структуру. В этой категории работников высока доля занятых в промышленности и на транспорте, неаграрных работников среди сельского населения, механизаторов среди занятых в сельском хозяйстве. Очень велика разница между этими группами населения в занятости в народном хозяйстве женщин. Особенно это касается сельскохозяйственного производства.

Серьезные диспропорции в социально-классовой и социально-профессиональной структуре между коренным и некоренным населением существуют во всех государствах, возникших после распада СССР, и в основных регионах России. Так, в Эстонии, Латвии подавляющее большинство занятых в сельском хозяйстве - коренные жители. На Дальнем Востоке, в Сибири, на Европейском Севере традиционными промыслами занимаются исключительно аборигены этих мест.

Такая этническая специализация в общественном разделении труда была бы естественной для нормально функционирующего многонационального общества, если бы она отражала только регионально-технологические особенности многонационального разделения труда. Однако вся суть дела в том, что межнациональное разделение труда носит не только чисто технологический, но и социальный характер, является источником социальной несправедливости, порождающим глубокие проти-

воречия и социальные конфликты, зачастую приобретающие националистические формы.

Причины, порождающие социальную несправедливость в межнациональном разделении труда, многочисленны и весьма разнообразны. Сюда входят и распад общественного народнохозяйственного комплекса, и экономическая несбалансированность межгосударственных и межнациональных связей, и разрыв прежних взаимных производственных обязательств, оставшихся в наследство от бывшего Союза, засилие бюрократии на всех уровнях экономических отношений, ценностные ориентации различных народов на определенные виды деятельности и многие другие. Возьмем к примеру несбалансированность дифференциальной земельной ренты. Она ставит в неравное положение в условиях открытого рынка крестьян и работников аграрного сектора экономики, например, Чувашии, Мордовии, Удмурдии с одной стороны и Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, с другой. В данном случае регионально-экономические различия в доходах оказывают негативное влияние на структурообразующие факторы в одних национальных районах и, наоборот, стимулирующие в других. Вполне закономерно, что, если дифференциальная рента не сбалансирована, то противоречия в структурообразующих факторах в различных автономиях России не только не будут разрешаться, но даже станут углубляться. И, естественно, что число аграрных работников на 1 га посевных площадей, доля аграрных работников среди сельского населения в южных автономиях и регионах будет возрастать, а в республиках Поволжья и в российском Нечерноземье падать. Такое положение приводит к перекосам в социальной структуре сельского населения различных регионов России, деформирует структуру доходов сельских работников различной национальности. Неэквивалентный обмен в данном случае порождает ряд новых проблем и противоречий. Возникает напряжение между продавцами (южанами) и поку-

пателями, растет концентрация денежных средств в отдельных регионах, появляется довольно многочисленный слой перекупщиков, торговых посредников, уже непосредственно не участвующих в производстве.

Важным субъективным структурообразующим фактором являются этнические традиции и ценностные ориентации на определенные виды деятельности. У разных народов складывались свои представления о значимости и престижности той или иной профессии. Так, живущие в Москве айсоры считают почетным труд чистильщика обуви и практически "монополизировали" эту профессию в столице, У народов Поволжья традиционно обычными стали профессии, которые современные социологи связывают с ориентацией на непривлекательные виды труда, к ним относятся работа на стройках, общественном транспорте, физический труд в промышленности и сельском хозяйстве. В то же время у представителей некоторых других народов, особенно у тех, кто проживает за пределами своего национального ареала расселения, складывались иные ценностные ориентации.

В тех случаях, когда представители того или иного народа этнически гомогонизируют престижные или "выгодные" профессии, возникают межнациональные конфликты. Особенно болезненно это воспринимается в тех случаях, когда процент занятых в престижных отраслях деятельности представителей отдельной национальности превышает процент всего населения данной национальности в республике, регионе или всей стране. Например, ориентация еврейского населения на профессии преимущественно умственного труда связаны с этнической историей этого народа, современным воспитанием в семье, а также наличием этно-групповой солидарности и взаимопомощи в социальной жизни и трудоустройстве. Эта ориентация вызывает у определенных лиц раздражение и даже антисемитские настроения. Дело в том, что ввиду технической отсталости нашей

промышленности, сельскохозяйственного производства, сферы обслуживания и транспорта в народном хозяйстве свыше 40% работников заняты тяжелым, малоквалифицированным трудом. Система образования в такой ситуации превращается в важнейший социобразующий фактор, позволяющий личности найти свою нишу в социальной структуре общества, т.е. избежать этого тяжелого физического труда.

Занятие умственным трудом в бывшем СССР, наряду с высокой престижностью, для многих людей с низкой "трудозатой" давало возможность безбедного существования без особых трудовых усилий, профессионализма, компетентности под сенью социальной защищенности и групповой безопасности. Кроме того даже в необременительной по своему трудовому накалу деятельности в учреждениях имелись на всех этажах бюрократической системы ниши, которые будучи настоящей синекурой, особенно привлекательны для национально-групповой экспансии. В этой ситуации возникала межличностная и межгрупповая конкуренция за места в вузах, аспирантуре, в учреждениях управления, в научно-исследовательских институтах, творческих союзах и т.п. В многонациональной стране эта проблема не могла не принять характер межнациональной конкуренции, а в дальнейшем стать основой многих межнациональных конфликтов.

Как известно, до Октябрьской революции кроме русского народа лишь немногие другие народы имели свои кадры интеллигенции. За годы советской власти коренные народы всех союзных и автономных республик получили возможность приобщиться к современной культуре и получить образование. Однако социальные преимущества, которые давали образование, породили ряд проблем и противоречий в формировании социально-профессиональной структуре больших и малых народов. Преимущества при поступлении в учебные заведения получили только представители коренного на-

селения. В результате в конце 70-х годов изменилась разница между максимальной и минимальной долями квалифицированных работников умственного труда по национальностям союзных республик. Она составляла уже не десятки раз, а лишь примерно два раза. При этом рост студенчества в республиках сопровождался существенными изменениями в его национальном составе. Так уже в 1989 г. представительство молодежи коренных национальностей среди студентов в ряде республик превышало ее долю в составе населения.

Быстрый рост национальных кадров интеллигенции породил серьезные проблемы в их трудоустройстве. Больше половины выпускников вузов народов Севера, Сибири и Дальнего Востока работают не по специальности, заполняя многочисленные в большинстве ненужные управленческие учреждения. В 80 годы среди малочисленных народов не были распределены на работу около 19% выпускников вузов и более 40% окончивших средние специальные учебные заведения, почти половина всех подготовленных учителей. В общественном производстве не были заняты тысячи представителей разных народов, имеющих высшее и среднее специальное образование. Многие из них ведут праздный, а порой и паразитический образ жизни. Вся эта масса профессионально несостоявшихся людей стала "гремучей смесью" целого ряда межнациональных конфликтов в горячих точках России и других странах СНГ. Эти представители национальной интеллигенции, не принося своему народу никакой пользы, стали активными участниками экстремистских митингов и демонстраций и более спокойных регионах.

Подготовленные и воспитанные в условиях авторитарной советской системы "национальные кадры" не могут в одночасье перевоспитаться, а уходить с политической арены добровольно они не хотят. Вглядевшись в то, что происходит в столицах независимых государств, входивших ранее в СССР, мы увидели в некоторых из

них отчетливые признаки воссоздания командно-административной системы - с новыми эмблемами и флагами, новыми людьми, даже с многопартийностью - но порой с прежней нетерпимостью к инакомыслию, преследование прессы за неудобное правящим верхам освещение событий игнорирования мнений иноэтнических меньшинств в процессе принятия решений органами власти. В некоторых регионах появилось то, что можно назвать "обратным насилием". "Требования социальной справедливости, еще недавно звучавшие громче всего, отходят на второй план, преобладает идея приоритета коренной нации. В некоторых новых государствах и регионах России усиливается стремление извлечь любую пользу и выгоду для "своих" за счет чужих. В новых государствах, возникших на месте бывшего СССР, произошла как бы десакрализация принципа "социалистического интернационализма" в процессе формирования социальной структуры и, в особенности, ее составляющих: социально-классовых и социально-профессиональных групп. Началось уже не скрытое, а явное, выражающееся часто уже в совершенно нецивилизованных формах вытеснение "чужих" из привлекательных сфер деятельности. Если и раньше статистические данные показывали, что ее народы и национальные меньшинства, не имеющие своей государственности, отличались высокой долей занятых преимущественно физическим трудом и были относительно слабо представлены в управлении, науке культуре, просвещении, то в 1991-1992 гг., когда был снят союзный интернационалистский прессинг "кризисные этносы" вообще остались без всякой защиты. Как следствие этого массовая миграция представителей национальных меньшинств из ближнего зарубежья и автономий России в Москву. Только в 1991 г. сюда переехало свыше 2,5 тыс. лиц с высшим и средним специальным образованием "нетитульных" национальностей. В условиях массовой безработицы среди московской интеллигенции этим

людям найти работу чрезвычайно трудно. В этой связи нам представляется необходимым ввести институт социальной защиты профессиональных прав мигрантов и представителей народов, не имеющих своих национально-государственных и национально-административных образований. Следует позаботиться, чтобы национальности, прожившие за пределами своих государственно-территориальных образований или не имеющие их, получили большую возможность для реализации национально-культурных запросов, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, а также создания очагов национальной культуры, использования средств массовой информации, удовлетворения религиозных потребностей. В отношении запросов в сфере образования и выбора профессии представителям этих национальностей в данный момент следует создать более благоприятные условия, чем они есть в большинстве республик. В этом плане можно использовать опыт других стран (США, Канада, Бельгия, Швейцария). Например, в США успешно действует в ряде штатов "Программа позитивных действий", согласно которой черные и цветные американцы имеют преимущества при поступлении в учебные заведения и найме на работу. По данным статистики в настоящее время среди народов СНГ наиболее остро нуждаются в такой программе и находятся в неблагоприятном положении в плане подготовки национальных кадров производственной и непромышленной интеллигенции народы, не имеющие своих национально-государственных образований - уйгуры, дунгане (хузэй), белуджи, курды и другие.

Как бы зеркальную противоположность проблемы развития социальной структуры приезжего населения представляет проблема формирования социально-профессиональных групп индустриальных рабочих коренного населения бывших союзных республик, без реше-

ния которой модернизация народного хозяйства невозможна. Как показывают статистические данные, за последние годы увеличились различия между республиками по удельному весу квалифицированных групп индустриальных рабочих в составе коренной национальности. Так по выборочным данным, в республиках Средней Азии и в Казахстане только 28-34% рабочих коренной национальности заняты в промышленности. У туркмен, например, рабочие (включая и аграрный отряд) составляют 30%, а колхозники - 45% самодеятельного населения республики. Очень низка доля квалифицированных индустриальных рабочих у таджиков, кара-калпаков, узбеков, киргизов и др.

Такая ситуация детерминирует национальное деление по социально-профессиональным и социально-классовым признакам. Не имея своих национальных кадров рабочих и ИТР, такие республики вынуждены были приглашать специалистов из других регионов. Кроме того увеличение разрыва в росте численности профессиональных групп, владеющих навыками современного промышленного производства, между отдельными нациями отражает неравномерность приобщения этих наций к научно-техническому прогрессу.

Односторонняя ориентация на подготовку кадров гуманитарного профиля и управленцев в годы застоя обусловила зависимость республик и национальных районов от притока извне нужны для развития экономики работников квалифицированного труда, что только усугубило отставание социально-профессиональной структуры многих народов от требований сегодняшнего дня. Такая политика обернулась тяжелыми последствиями для ряда молодых государств содружества. Так отток русскоязычных ИТР и квалифицированных рабочих в 1990-92 гг. из национальных районов в России и из государств Средней Азии поставил местные промышленные предприятия на грань полной остановки.

Еще в 1988-1989 гг. Т.П.Заславская и Р.В.Рывкина привели исследование, показывающее отношение различных социальных групп к модернизации.

Однако, к сожалению, это исследование практически абстрагируется от всей сложной системы межэтнических отношений, что серьезно обесценивает его при изучении социальной ситуации в республиках и в регионах с многонациональным населением. Ведь пропорции социальных слоев и групп в разрезе этнической структуры значительно дифференцированы. Следовательно, различны и пропорции социальных групп в пределах каждого народа, поддерживающих или неприемлющих модернизацию. Это не говорит о том, что в СНГ есть "консервативные" и "прогрессивные" этносы. Как показывает анализ печати, среди представителей каждого народа можно встретить людей, относящихся не только не одинаково, но даже противоположно к тому или иному социальному феномену, Тем не менее на республиканском и региональном уровне следует учитывать национальную "квоту" противников и сторонников модернизации, исходя из национальных и этнических различий в социальной структуре. Особенно это относится к тем районам, где ответственные работники управления, торговли, обслуживания - представители преимущественно одних национальностей, а основная часть рабочих - преимущественно других. В этих условиях обостряющаяся борьба между сторонниками и противниками модернизации может принять формы межнациональных конфликтов.

В современных условиях следует ожидать на этой почве даже усиление отдельных противоречий и эксцессов в межнациональных отношениях. Дело в том, что модернизация резко меняет относительное и абсолютное положение классов, слоев и групп, одни из которых выигрывают в известной мере за счет других. Модернизация также ставит под сомнение социальную роль и компетентность групп национальной интеллигенции,

получивших свой социальный статус преимущественно по принадлежности к коренной национальности. Занявшие удобную социальную нишу в системе общесоюзного и внутриреспубликанского разделения труда, эти социальные группы и слои упорно борются за свое выживание. Как показывает анализ газетных и журнальных публикаций формы этой борьбы весьма разнообразны, и связаны со своеобразием социальной и национальной спецификой того или иного региона.

Рассмотрим некоторые аспекты противоборства социальных групп и слоев на внутриэтническом и международном уровнях. На внутриэтническом уровне социально-групповые противоречия являются выражением и продолжением тех противоречий, которые и привели общество к кризисному состоянию. В социальной жизни народов были также подвергнуты размыванию принципы общечеловеческой морали, стали преобладать групповые и личные интересы. Господство бюрократических структур привело к снижению роли национального сообщества как саморазвивающейся и саморегулирующейся системы, как источника и хранителя национальных этических норм. Во всех сферах жизнедеятельности народов распространились разные формы эксплуатации труда рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции властью имущими, преследующими свои корыстные интересы. Обособленность бюрократических элит от народных масс приводила к тому, что они приобретали характер замкнутого класса, ориентирующегося на свои внутренние интересы, стандарты и критерии, стремлению к самовоспроизводству.

Осознав свои социально-групповые интересы в условиях существования СССР, представители этих элит заботились и об их защите, создании охранительных мер, поддержании выгодного для себя состояния общественных отношений. Основной "легальной" формой защиты своих групповых интересов для этих социальных слоев была социальная демагогия, корыстное вер-

непоподданничество перед общесоюзными ведомствами, закрывающими глаза на ущемление интересов малочисленных народов и национальных меньшинств в республиках и регионах. Попустительство и порой соучастие общесоюзных инстанций способствовало формированию в ряде республик "теневой" экономики и соответственно "теневой" социальной структуры. Многомиллионные хищения и массовое взяточничество породили мафиозные кланы должностных преступников, формирующихся по этническому и родовому принципу. Их поведение создавало у людей искаженные понятия о морали и нравственности, представление о вседозволенности и безнаказанности.

Национальные, этнические бюрократические элиты продемонстрировали свою удивительную приспособляемость к социальным реальностям. После августовского 1991 г. путча большинство из них примкнуло к национальным движениям и остались у власти. Переоритивовавшись в новых условиях бюрократические и мафиозные этнические элиты стали опираться на этноцентризм - представление о превосходстве своей этнической группы над другими. Этноцентризм в разных регионах имеет разную степень агрессивности. При этом можно отметить такую закономерность: чем жестче нормативные установки и связанные с ними ограничения, лишения и требования в виде либо моральных, религиозных, либо экономических санкций, тем больше агрессивность группы, направленная против другой группы или других групп. Этноцентризм - это свойство групповой психики, механизм групповой агрессии и самозащиты. Его объективным основанием становится антитеза "мы - они" в различных открытых и теневых межэтнических структурах.

Говоря о "теневых" или "несистемных" социальных иерархических структурах общества, следует отметить, что они не являются чем-то совсем инородным в системе социальных внутриаэтнических и межнациональ-

ных связей. Многие "теневые" структуры базируются на освященное традициями этническое и национальное обычное право. К числу таких обычаев относится обычай обязательной взаимопомощи представителей родовой или этнической общности в продвижении по службе, устройстве на "выгодную" или престижную работу, поступлении в вуз и т.п. Такая же этническая взаимопомощь распространена и во многих структурах, связанных с "теневой" экономикой. В преступные сообщества вовлекались люди, принадлежащие к определенным родовым или этническим группам, причем обычаи и традиции обязывали рядовых членов этих сообществ подчиняться их лидерам - "крестным отцам" и "аксакалам". Такого рода "теневые" структуры становятся неотъемлемой частью всей системы внутриэтнических и межнациональных отношений умело приспособившаяся к изменению социальных ситуаций. Не участвуя напрямую в противоправных действиях, лица, находящиеся на разных этажах "теневых" иерархических сообществ, практически неуязвимы, застрахованы от преследований правоохранительными органами.

В иерархической системе социальных связей каждый человек выступает как член множества сообществ - этноса, социально-профессиональной группы, государственной общности и т.п. Но исторически всего прочнее этническое окружение личности. Через посредство своей этнической группы человек вступает в глубокую связь с традицией, языком, самобытной культурой своего народа. В этнической среде личность обретает чувство устойчивости, защищенности, "значительности". Но не следует забывать о том, что этническое сообщество может и поработать личность. Захваченный этноцентристскими страстями человек теряет дружелюбие к представителям другого народа, другой веры. Утрачивая критическое отношение к своим обычаям и нравственным представлениям он нередко становится слепым орудием

в руках амбициозных лидеров и кланово-мафиозных авторитетов.

Говоря об этноцентризме не следует ограничиваться рассмотрением его негативных сторон. Этноцентризм - неотъемлемая принадлежность человеческого сознания, и он в определенном контексте морально оправдан, если сочетается с терпимостью к укладу жизни и к культуре других народов, уважением к личности. В этой связи следует различать этноцентризм "титulyных" и "нетитulyных" этносов*. Если в первом случае этноцентризм, как правило, имеет организационное основание и идеологическое обоснование правящими элитами и зачастую носит агрессивный характер, то этноцентризм "нетитulyных" этносов весьма многолик и имеет широкий диапазон своего выражения - от стремления группового выживания малочисленных народов в иноэтнической среде, до агрессивного неприятия культуры коренного населения мигрантами - представителями больших наций. Из всего многообразия форм этноцентризма в современных условиях модернизации наиболее "доброкачественным" представляется этноцентризм малочисленных народов Севера и этносов, не имеющих своей государственности. Этноцентризм этих народов способствует росту самоуважения и этнического самосознания и не может принести вреда другим народам или их представителям на уровне личности, так как он не имеет объективных оснований для перерастания в шовинизм.

Заканчивая разговор о соотношении этнического и социального в жизнедеятельности народов в эпоху модернизации, отметим, что разившись на основе совместного проживания и противопоставления иным сообществам, групповая психология этноцентризма сementировала многие этносы и сделала их как созида-

*Титulyный этнос - народ, чьим именем названо то или иное государство или автономное образование.

тельной, так и потенциально разрушительной силой. Современная этничность поставила многие этносы на службу амбициозным устремлениям этнических элит. Здесь важно подчеркнуть, что недовольство народов социально-политическими и экономическими условиями жизни не исчерпывает всех причин межэтнических конфликтов. Скорее недовольство - то "спусковой механизм", приводящий в действие другой его и притом не менее важный двигатель - изначальное своеволие этноса, его сосредоточенность на самом себе, его способность стать тараном для достижения политических целей. В условиях разбушевавшейся этнической стихии "кризисные этносы" нуждаются в особых мерах защиты. В условиях России это, в первую очередь, государственно-правовые меры по пресечению насилия, - в рамках закона, в целях поддержания закона. В тех новых государствах, где правовая база слаба, или отсутствует вообще эффективным может быть воздействие международных организаций и институтов по защите прав национальных меньшинств.

Итак, начавшаяся во второй половине 80-х годов и продолжающаяся в наши дни модернизация огромного евразийского полиэтнического пространства и имевшая огромные политические последствия (распад СССР, отстранение коммунистов от власти, возникновение в ряде новых государств многопартийности), пока мало затронула глубинные основы социальной структуры народов России и других стран СНГ, сформировавшейся в советское время. Незрелость иных, кроме государственной, форм собственности сказывается на динамике социальной структуры народов, порождая инерционные процессы в формировании и воспроизводстве социальных групп и слоев, консервируя неблагоприятные для национальных меньшинств социально-экономические процессы и тенденции в межнациональном разделении труда. Все эти неблагоприятные тенденции можно изменить, если модернизация образа жизни малочислен-

ных народов и национальных меньшинств приобретет доброкачественное для всех индивидов независимо от этнической принадлежности этих этносов течение, а именно, в каждом государстве СНГ в сфере межэтнических отношений приоритет приобретут процессы перехода от обычного права к закону, от мифологизации сознания к рационализму, от сокрального и соборного видения мира к секулярному и индивидуальному.

Глава четвертая. Этнодемографические процессы и проблемы этнической консолидации

Анализ динамики внутриэтнических и межэтнических процессов, выявление комплекса противоречий в развитии кризисного общества невозможны без исследования сложных демографических процессов, происходящих в России и сопредельных странах и оказывающих непосредственное воздействие на всю систему межнациональных отношений.

В настоящее время население бывшего СССР насчитывает более 290 млн. человек и состоит из более 100 национальностей. В этой чрезвычайно пестрой, исторически сложившейся этносоциальной структуре наблюдаются большие различия в численности народов. По данным последней переписи населения 1989 г. существенно выделяются по своей численности русские (145 млн. человек) и украинцы (46 млн. человек), составляющие около двух третей населения СНГ. Еще пять народов по своей численности превышали 5 млн. человек - узбеки, белорусы, казахи, татары и азербайджанцы. У шести народов (армяне, грузины, молдаване, таджики, литовцы, туркмены) численность колеблется от 4,5 млн. человек до 2,5 млн. От 1 до 2 млн. человек насчитывается у десяти народов. Это эстонцы, мордва, башкиры, латыши, евреи, чувашаи, киргизы и др. Подавляющее же большинство народов имеет значительно меньшую численность, в том числе свыше 50 национальностей - менее 100 тыс. человек каждая, а некоторые народы

(юкагиры, иганасаны, негидальцы, ижорцы и др.) - менее 1 тыс. человек.

Перепись 1989 г. в сопоставлении с результатами переписей 1970 и 1979 г. показывает сохранение тенденций неравномерности роста численности населения как в региональном разрезе, так и в национальном. Как и в период с 1970 по 1979 г., так и в последнее десятилетие сохранялись очень значительные различия в темпах роста населения в Среднеазиатском регионе, с одной стороны, и в России, на Украине, Прибалтике, с другой.

Если рассматривать динамику роста населения в национальном разрезе, то получается следующая картина. Наибольший прирост отмечается у таджиков (34%), туркмен (29%), узбеков (29%), киргизов (26%). Наименьший у украинцев (7%), латышей, эстонцев, русских и белорусов. Следует однако заметить, что разрыв в темпах роста демографически наиболее и наименее динамичных народов в последнее десятилетие не возростал, а в какой-то мере даже уменьшился.

Необходимо отметить, что при исследовании противоречий общего и особенно в межнациональных отношениях методологически важно выделить то общее, что объединяет группы народов по определенным параметрам их образа жизни, чтобы понять сложность и противоречивость межэтнических и внутриэтнических процессов как в масштабах всего содружества государств в целом, так и в рамках каждого крупного региона. Межнационально-особенное наглядно выражается и в демографических процессах. Это наличие сходных обычаев и традиций у народов тюркской группы, а также у народов других этнолингвистических общностей, ориентированных на исламские традиции. Именно традиционная этническая ориентация на многодетность, характерная для этих народов в прошлом и сохранившаяся при советской власти, обуславливает высокую рождаемость и высокий естественный прирост населения у этих народов. В то же время усиленная урбанизация,

миграции сельского населения, ослабление межпоколенческих связей, нуклеаризация семьи и связанный с этим рост разводов и ориентацией на однодетную семью у славянских народов, народов Прибалтики обусловил резкое сокращение рождаемости у них в последние два десятилетия.

Это обстоятельство приводит к изменению соотношения и удельного веса народов в национальной структуре СНГ. Так самый крупный народ тюркской группы - узбеки к началу 40-х годов в 1,7 раза уступали по численности белорусам, но уже в 1970 г. они их превзошли. Переписи 1979 и 1989 г. показали, что разрыв в численности узбеков и белорусов постоянно возрастал и сейчас уже узбеки по численности превосходят более, чем в два раза белорусов. К 2000 г., если сохранятся нынешние темпы, число узбеков может превысить число белорусов более, чем в 2,5 раза, а по своему демографическому потенциалу в недалеком будущем они могут превзойти и украинцев.

Вполне оправдан прогноз, что к началу нового столетия численность населения Средней Азии сравняется, а затем будет опережать общую численность населения Украины. Уступая по своей численности в недавнем прошлом населению России в 10 раз в настоящее время по числу детей и подростков население республик Средней Азии уступает уже менее, чем в 3 раза. И разрыв этот, очевидно, будет сокращаться.

Уже перепись 1970 г. показала, что у русского народа по сравнению с предыдущими межпереписными периодами прирост численности оказался ниже среднего по стране. Эта тенденция сохранилась и в 1979-1989 гг. Обусловлено это рядом причин. Средний размер семьи у русского народа постоянно уменьшался как в селе, так и в городе и достиг 3,2 человек. Это - один из наиболее низких показателей в стране (меньшие показатели наблюдаются у эстонцев и латышей - соответственно 3,1 и 3,0). Низкую

рождаемость у русских не смогли компенсировать и включение в их состав отдельных ассимилированных групп других национальностей. Учитывая важность этого явления во всей системе национальных отношений в стране, воздействия его на развитие межнациональных противоречий, сделаем небольшое методологическое отступление.

Анализируя диалектику общего и особенного, Гегель ввел понятие "практически истинные абстракции". Гегель показал, что анализ практически истинных абстракций требует принципиально иной логики теоретического мышления, нежели известное в формальной логике мысленное отвлечение от особых, специфических сторон и выделения общих их черт, т.е. требует логики, основанной на понимании процессов действительности и самого мышления. В соответствии с такой логикой особенное, специфическое должно быть одновременно носителем общего.

Русский народ имеет особенности, специфику во всех сферах своей жизнедеятельности. В то же время исторически сложилась функция русского народа как носителя общего в аспекте отмеченной выше логики превращения особенного в общее. В реальной жизнедеятельности это выражается и в исторической роли российской государственности, русской культуры как многофакторного интегративного феномена, русского языка как языка межнационального общения и т.д. В этой связи стабильное и неуклонное сокращение доли русского населения в общем демографическом балансе страны может иметь далеко идущие политические последствия; может сильно сузиться та интегративная этно-национальная культурная среда, объединяющая столь различные по этногенезу, языку, культуре, обычаям и традициям народы, и являющаяся естественным амортизатором постоянно возникающих межнациональных противоречий и конфликтов.

Неравномерность естественного прироста населения порождает противоречия и проблемы во всех регионах страны. Однако самый проблемный регион в этом отношении. - Средняя Азия. Одна из главных его особенностей - чрезвычайно быстрый рост населения. В 1987-1989 гг. естественный прирост населения составлял ежегодно 301 человек на 10000 жителей, в Таджикистане даже 349, в то время как по стране в целом - 99, а на Украине всего 34 человека на 10 тысяч. Во всех республиках Средней Азии воспроизводство населения остается резко расширенным, в то время как в республиках Европейской части содружества и в Российской Федерации оно давно уже суженное, т.е. рождающихся здесь детей недостаточно для количественного замещения родительского поколения. За последнее десятилетие население Узбекистана увеличилось на 7 млн. человек, и сегодня в каждой четвертой семье, а на селе - в каждой третьей по пять и более детей моложе 18 лет. Доля иждивенцев составляет в республике 40% от общей численности населения.

В современных условиях расширенное воспроизводство населения способствует увеличению разрыва в уровне жизни разных народов, усугубляет социально-экономическую отсталость. Рост фактического неравенства между этносами в уровне жизни в известной мере обуславливает и неравномерность развития этнодемографических процессов.

Этнодемографические процессы оказывают влияние и на динамику социальной структуры народов. Так сохранение патриархальной семьи с ее установками на традиционный уклад жизни и высокую рождаемость в немалой степени обусловило то, что население Средней Азии остается преимущественно сельским, а в Таджикистане доля сельских жителей в последнее время особенно быстро росла и составила две трети всего населения. В народнохозяйственном комплексе Туркменистана, Кыргызстана очень низка доля промышленности,

а в ней - низка доля современных перспективных отраслей. Причем кадры для них приходилось приглашать из других республик. Общественная производительность труда в народном хозяйстве в связи с аграрной перенаселенностью составляет менее половины от средней производительности в народном хозяйстве содружества.

Нынешние противоречия между народами в сфере их социально-экономического развития в значительной мере были вызваны ошибочной экономической стратегией, в основу которой было положено экстенсивное развитие промышленности и сельского хозяйства. Такие установки вели в одних районах к депопуляции и миграции из села в город, вызванной низкой экономической эффективностью сельхозпроизводства, а в других, к противоположным тенденциям, обусловленными этническими традициями. Естественный прирост населения в этих регионах и экстенсивный путь развития экономики привели к значительной безработице, явной в городах, скрытой в сельской местности (аграрное перенаселение). Как показывают исследования демографов, громадный прирост трудовых ресурсов в Средней Азии сохранится до конца столетия, в то же время в других государствах (Украина, Белорусь, большинство регионов России) этот прирост будет небольшим. В условиях распада единого народнохозяйственного комплекса проблемы занятости каждое государство должно решать самостоятельно, и в то же время необходима и координация усилий по регулированию этнодемографических процессов. Чтобы занять людей в народном хозяйстве, нужно создать миллионы рабочих мест. Сделать это можно только в промышленности. Ускоренная индустриализация и ускоренная на ее основе урбанизация трудоизбыточных регионов - единственный возможный путь модернизации образа жизни населяющих эти регионы народов. На основе урбанизации получают импульс для своего развития и новые неиндустриальные сферы деятельности такие как туризм, различные виды обслу-

живания и т.д. Однако как раз в трудоизбыточных районах эти процессы идут менее интенсивно, чем в трудо-недостаточных. Это противоречие многие экономисты называют одним из главных парадоксов этнодемографической ситуации в мире. Однако внимательный анализ соотношения этнического и социального в динамике развития показывает закономерность такого рода противоречий. Этническое, выступая в качестве ведущей тенденции, обуславливает и высокую рождаемость, и ценностные ориентации на традиционный уклад жизни и занятия, и на слабую миграционную мобильность. Как показывает опыт развивающихся стран, никакого эффективного экономического развития не может быть без изменения этнических ценностных ориентаций. У крупных традиционных этносов необходимо сформировать урбанистские ценностные ориентации. Чтобы повысить мобильность сельской молодежи, нужна целая система мер: резкое улучшение качества общего и специального образования, ориентация сельских школьников с ранних лет на город, профессиональная подготовка по "городским" специальностям в селе, организационная и экономическая помощь в переселении молодежи в город. Урбанизация, индустриализация, раскрепощение женщин, переход к современным формам быта, как показывает мировой опыт, неизбежно приводит к падению рождаемости, улучшению качества жизни семьи. Урбанизованная среда более благоприятна, чем сельская для адаптации представителей национальных меньшинств дает им большие возможности в выборе профессии, облегчает межэтнические контакты.

Противоположные тенденции наблюдаются на Украине, в центральных районах России, в Белоруссии. Здесь чрезмерная ориентация на индустриализацию и урбанизацию при слабо развитой социальной инфраструктуре (низкая заработная плата, нерешенность жилищной проблемы, постоянный товарный дефицит и

др.) способствовали неуклонному падению рождаемости, сокращению прироста трудовых ресурсов. Низкая рождаемость сопровождалась массовой миграцией сельского населения этих регионов в города.

Наличие отмеченных противоположно направленных тенденций в этнодемографических процессах порождали массу межрегиональных и межнациональных противоречий в экономической, социальной и культурной жизни. Стремясь как-то решить свои производственные проблемы, центральные ведомства встали на путь поощрения межреспубликанской миграции рабочей силы. Однако эти меры только обострили этнодемографические противоречия. Так наличие относительно развитой производственной и социальной инфраструктуры в крупных городах центра России и Прибалтики привлек сюда мигрантов не из трудоизбыточных регионов Средней Азии, Молдавии, Северного Кавказа, а, наоборот, из труднедостаточных районов России, Украины и Белоруссии, что крайне обострило в этих регионах проблему трудовых ресурсов, способствовало депопуляции деревень и малых городов. В то же время неконтролируемая в прошлом миграция в союзные (особенно в прибалтийские) и автономные республики обострила в них социальные и этнические проблемы.

Интенсивная миграция и массовое бегство населения из зон межэтнических конфликтов в наши дни ведет не только к перераспределению трудовых ресурсов между городом и деревней, старыми и вновь осваиваемыми районами, но и существенно изменяет этнический состав этих республик и регионов. Крупные перемещения людей изменяют этническую структуру населения, оказывают влияние на все сферы их социальной деятельности. Мигранты приносят с собой этнические традиции и специфические навыки трудовой деятельности. Они выступают носителями своих национальных языков, особенностей национальной психологии и са-

мосознания и т.п. Все это порождает массу проблем и противоречий. Неравномерность развития этнодемографических процессов уже привела к тому, что многие народы становятся меньшинствами в ареалах своего исторического расселения. Особенно остро эта проблема стоит в районах новостроек, где проживают малые народы. Местное население просто растворяется в массе мигрантов. Например, в результате освоения богатств Западной Сибири в регион въехало более 1 млн. человек. В итоге доля коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа сократилась до 3% от общей численности жителей. Такая же картина и в других районах Сибири и Дальнего Востока. Приток мигрантов в ряде мест вызывает падение уровня жизни местного населения, а вместе с ним и напряженность в межнациональные отношения.

Говоря о миграции населения и ее проблемах, нельзя не коснуться и появившейся в последние годы проблемы вынужденной миграции, порожденной межнациональными противоречиями и конфликтами. Здесь как бы образуется цепочка противоречий: предыдущая миграция породила межнациональную напряженность (порой острую), которая в свою очередь вынуждает реэмигрировать массы людей. Миграции этнических потоков начались задолго до распада СССР. Анализ переписных материалов показывает в 70-80 гг. отток русского населения из Киргизии, Таджикистана, Грузии, Азербайджана; украинцев и белорусов из Казахстана; украинцев и татар из Узбекистана, армян из Грузии и т.д. Проблема Нагорного Карабаха обусловила массовые встречные потоки мигрантов из Армении и Азербайджана. Начавшись как маленькие ручейки в годы "застоя" этнические миграционные потоки в последние два года существования СССР и через год после его распада превратились в полноводные реки. Этнодемографические процессы, связанные с вынужденной миграцией являются вторичными, производными от межна-

циональных противоречий "глубокого залегания" и политической обстановки в каждом отдельном регионе с многонациональным населением. Поэтому самостоятельного чисто демографического решения проблемы беженцев не имеют. Проблемы вынужденной миграции могут быть решены только в контексте политического решения межнациональных конфликтов.

Сфера действия межнациональных противоречий в этнодемографической структуре любого государства охватывает не только процессы динамики естественного прироста разных народов и межрегиональной миграции, но и разнообразные процессы этнической ассимиляции.

Происходящие в национальной структуре молодых государств перемены обусловлены как внутринациональными, так и межнациональными процессами. К внутринациональным процессам, имеющим консолидационный характер, принято относить процессы слияния нескольких родственных по культуре этнических групп. В ходе этих процессов за последние 70 лет стали более этнически однородными многие нации. Если в первые годы после революции поморы, кержаки, отдельные группы казаков и камчадалы иногда даже не считали себя представителями русского народа, так как отличались от основного его массива по диалекту, культуре и быту, то теперь их трудно выделить в качестве так называемых этнографических групп русского народа следует, правда, заметить, что в последние годы происходит рост этнического самосознания различных локальных групп казаков. Постепенно сливаются с эстонцами группа сету, с латышами - латгальцы, стираются различия между некоторыми этнографическими группами украинского, грузинского, узбекского и других народов. Например, пинчаки, полешуки сливаются с белорусами. Не заметны этнические различия между бойками, лемками и соседними группами украинского населения.

Своеобразно происходят этнодемографические процессы в зонах "этнической непрерывности" славянских народов. При полном сходстве и даже единстве этнической культуры и разговорного языка в этих зонах в последние годы отмечается на основе роста национального самосознания усиление нациодифференцирующих и консолидационных факторов. Так могилевские, витебские и гомельские белорусы стали четче идентифицировать себя с белорусами, отличать себя от близких им по этническим признакам русских Смоленской, Брянской и Псковской областей.

Вместе с тем, у многих народов процессы внутринациональной ассимиляции и консолидации происходят неровно и противоречиво. Например, у мордвы происходят два разнонаправленных процесса культурной ассимиляции русскими части мордовского народа (эрзя) и отатаривании ее второй части (мокша). Несмотря на наличие субъективных факторов, поощряющих консолидацию малых народов Севера, фактически эти процессы находятся в стадии стагнации, так как отсутствуют необходимые для этого объективные условия.

Противоречия между субъективным желанием "сколидировать" разрозненные этнические группы в общности, часто называемые в литературе народностями, и объективными условиями их осуществления порождают ряд проблем. Во-первых, искусственная подгонка различных этнических групп под термин "народность" приводит к серьезному искажению этнодемографической картины в Сибири и на Дальнем Востоке, и во-вторых, серьезно осложняет практическую работу по развитию культуры коренного населения. Так, по данным наших исследований, в большинстве автономных округов издаваемая на местных языках периодика, а также радиопередачи остаются мало понятны (или совсем не понятны) для большинства коренного населения. Причиной этого является явная искусствен-

ность так называемых национальных языков народов Севера. Дело в том, что например, у хантов существует 8 диалектов, которые сильно отличаются друг от друга (в частности, казымские ханты плохо понимают сургутских хантов и общаются между собой на русском языке). Литературе же издается на среднеобском диалекте, непонятном для 7-ми остальных диалектных групп хантыйского населения. Такая же картина наблюдается у эвенков, пенцев, манси, селькупов и других народов Севера.

Если смотреть на этнические процессы, происходящие в настоящее время у народов Севера, реально, то представляется маловероятной возможность национальной консолидации у большинства из них, так как несмотря на благие пожелания и попытки искусственно сформировать единое национальное самосознание, для него нет объективных условий. Во-первых, этнические группы коренного населения Севера малочисленны и дисперсно расселены на огромных пространствах. Во-вторых, они теснее привязаны экономически и социально к территориальным группам больших народов, в первую очередь - русского народа, чем связаны между собой. Например, эвенки, состоящие из нескольких сильно отличающихся друг от друга по языку и духовной культуре этнических групп и насчитывающие всего 40 тыс. человек, расселены на территории 9,5 млн. кв. км. (от Енисея до Амура). Енисейские эвенки, по данным социологических исследований, в своем большинстве не знают о существовании других эвенкийских этнических групп, так как эти группы территориально разделились несколько столетий назад и потеряли всякую связь друг с другом.

Таким образом, многие противоречия в культурном развитии народов Севера возникли в результате волюнтаристского формирования процессов консолидации, которые не имели под собой объективной основы. Разрешение этих противоречий видится на путях учета ре-

альных этнических образований, их культурных запросов. В этой связи представляется наиболее оптимальным создание сети автономных национальных районов, в которых местное население имело бы приоритетное право на землепользование, делопроизводство и радиовещание велись бы на местном языке (диалекте).

Возникновение многих кризисных ситуаций в жизнедеятельности этносов связаны также с ассимиляционными процессами, завершающимися в конечном счете сменой этнической принадлежности и представляющими собой как бы растворение отдельных групп или отдельных представителей одного народа в среде другого, обычно более многочисленного. При этом необходимо различать насильственную и естественную ассимиляцию. Негативный характер первой общепризнан: причем наличие или отсутствие насильственной ассимиляции целиком зависит от субъективного фактора; для цивилизованного общества чуждо само понятие насильственной ассимиляции. Тем не менее из ряда мест поступали жалобы от представителей отдельных национальностей на действия местных властей, поощряющих насильственную ассимиляцию. Так в Грузии в течение ряда десятилетий проводилась политика искусственной ассимиляции осетин, абхазцев и других национальных меньшинств. Имели место случаи искусственной записи таджиков, проживающих в Бухаре и Самарканде, узбеками; дунган, уйгуров - киргизами и т.д. Подобного рода ассимиляторская активность местных властей имела целью в некоторых местах "ликвидировать" национальные меньшинства с тем, чтобы снять с себя заботу о развитии их языка и культуры, скрыть их бедственное экономическое положение, ущемление их юридических и социальных прав.

Индикатором естественности ассимиляционных процессов могут выступать межнациональные браки, дети от которых обычно выбирают национальную принадлежность одного из родителей, прерывая тем самым

этнонациональную линию другого. Однако в такой практике национальной идентификации детей, родившихся от национально-смешанных браков, заложено противоречие. Дело в том, что согласно принятой в науке концепции национальная принадлежность определяется не биологическими факторами, а социальными, т.е. исходя из того, что нация является не расово-биологической, а социальной общностью людей. На практике же получается, что дети родителей, потерявших всякую связь с национальной средой, из которой вышли их предки, и по-прежнему формально принадлежавших к ней, должны выбирать себе национальность, не соответствующую их языковому и социокультурному статусу. Например, ребенок, родившийся у коренных москвичей (армянина и украинки по происхождению) обязательно должен быть или армянином, или украинцем, хотя он может совершенно не знать украинского и армянского языков и не разу не побывать ни на Украине, ни в Армении.

На наш взгляд, эту практику следует пересмотреть в случаях, когда возникают ситуации, подобно названной выше; необходимо давать возможность личности идентифицировать себя с той национальной средой, в которой он проживает независимо от происхождения родителей.

Наиболее наглядны этнодемографические процессы в сфере семейно-брачных отношений в Северном Казахстане, который по интенсивности экономических преобразований и миграций, по особенностям национальных процессов представляет собой своеобразную модель межнационального и межэтнического взаимодействия, репрезентативную и для многонациональных регионов России. Сложившиеся в результате, главным образом, миграций население этого региона характери-

зуется сложным национальным составом - по данным переписи 1989 г. более 100 национальностей¹.

Большинство населения региона составляли русские (46,7%), казахи (20,0%), украинцы (12,9%), немцы (10,5%), белорусы (3,1%), татары (2,24%), поляки (1,2%). Социальная структура населения Северного Казахстана характеризуется повышенным процентом рабочих (74%), значительную часть которых составляли работники совхозов. Наличие такого разнообразия различных по происхождению национальных групп порождает и своеобразные демографические проблемы.

В этой связи большой научный интерес вызывает исследование динамики смешанных браков между этносами, резко отличающихся друг от друга по языку, физическому типу и по всему комплексу культурно-бытового уклада. Значительное внимание прежде всего обращалось на браки между казахами и русскими, русскими и татарами, которые были проанализированы статистически. Согласно числовой величине коэффициентов экзогамности у данных групп, предпочтительность казахско-татарских с одной стороны и русско-украинских, с другой, совершенно очевидна. Больше всего национально-смешанных браков заключалось между русскими, украинцами и белорусами; другая тенденция выражалась в заключении браков представителей восточнославянских групп с поляками и немцами, а также казахов с татарами; большая, чем среди мужчин, частота межнациональных браков у женщин татарской, немецкой, русской и польской национальности. Наоборот, у казахов в смешанные браки чаще вступали мужчины.

Динамика смешанных браков за последние годы имеет тенденцию к обособлению восточнославянской и

¹ Анализ этнодемографической ситуации в Северном Казахстане сделан на основе социологических исследований, проводившихся автором в Кустонайской, Карагандинской, Целиноградской и Петропавловской областях в 1980-90 гг.

тюркской брачующихся групп, так как сократился удельный вес казахских мужчин, женатых на русских, а казахские женщины крайне редко выходят замуж за представителей других национальностей (у мусульман существует традиция выдавать своих дочерей только за мусульман; эта традиция сохраняется и в настоящее время у народов, исповедывавших ислам). В 40-50-е годы возникла тенденция у образованной части казахских мужчин жениться на русских, украинках и еврейках. Сейчас эта тенденция пошла на убыль - значительно возросла доля внутринациональных браков и среди казахской интеллигенции.

Таким образом, динамика национально-смешанных браков противоречива: при общем росте численности таких браков происходит их поляризация по культурно-историческим группировкам, что при определенных обстоятельствах может гальвинизировать этноцентристские представления и реанимировать деление людей по религиозному и расовому признакам. Любопытны данные по результатам анкетирования студенческой молодежи и их родителей по ценностным ориентациям на национально-смешанные браки. Если сама молодежь на первое место в браке ставит любовь, взаимное уважение; национальность избранника на одно из последних мест, то их родители (в основном 40-50-летние люди) национальные браки и традиции в брачных отношениях ставят на одно из первых мест. В их оценках имеет место и собственный опыт личной жизни. Если среди смешанных браков между русскими, украинцами и белорусами процент разводов равен проценту однонациональных браков этих национальных групп, то среди казахско-русских и татарско-русских браков этот процент резко возрастает и достигает в отдельных областях 50%. Главная причина распада этих браков заключается в том, что русские и украинские женщины, выйдя замуж за татарских и казахских мужчин, очень трудно приспособляются к семейной среде, где

положение молодой замужней женщины сильно регламентировано.

Вступление в межнациональный брак лиц, сильно отличающихся друг от друга по внешнему облику и расовому типу, также воспринимается некоторыми категориями людей отрицательно. Так, 20,2% опрошенных родителей русской, украинской, польской национальности выступили против вступления их детей в межрасовые браки (мотив: не хочу, чтобы мои внуки были монголами). Это обстоятельство говорит о наличии определенных расовых предрассудков у части населения.

Нам представляется (в связи с изложенным выше), что проблема национально-смешанных браков требует к себе более пристального внимания. Их количественный рост за последние десятилетия (см. материалы переписи 1959, 1970 и 1979 гг.) подчас располагал исследователей к благодушию и своеобразной теоретической эйфории, когда за общими показателями роста числа межнациональных браков не изучались причины их распада (с вытекающими из него негативными последствиями для подрастающего поколения), их региональных и расовых особенностей, причины уменьшения числа подобных браков в некоторых республиках и т.п. Несомненно, что и сама процедура регистрации межнациональных браков должна быть связана с высокой общей культурой официальных представителей, а дальнейшее функционирование межнациональной семьи должна быть "зоной повышенного внимания" со стороны общества.

Таким образом, в этнодемографической организации общества сложилась проблемная ситуация. В каждом регионе асимметрия этнодемографических процессов имеет свою специфику, выявляемую с помощью конкретного социологического и исторического анализа и корректируемую с помощью локальных экономических и политических мер. Шаблонный подход к изучению и практическому решению демографических проблем эт-

носов, находящихся в кризисном состоянии, не дает, как и не давал в прошлом позитивного эффекта. Ведь демографические процессы у народов различных регионов имеют разные векторы. Так у одних народов стоят проблемы ограничения расширенного воспроизводства в целях повышения качества жизни, в то же время другие, преимущественно малочисленные, этносы находятся на грани депопуляции. По-разному в различных регионах проходят и процессы ассимиляции и внутриэтнической консолидации. Опыт показывает, что искусственное управленческое вмешательство в естественные этнические процессы не дало положительных результатов. Искусственно нельзя сконсолидировать разрозненные этнические группы, также нельзя искусственно остановить естественные процессы этнической ассимиляции. Иное дело, когда ассимиляция национальных меньшинств ставится в ранг национальной политики того, или иного государства. В этом случае каждый, даже самый малочисленный этнос, должен иметь гарантированную защиту своих политических прав и возможностей выбора в сфере языка и культуры. Такие гарантии может дать только цивилизованное общество, базирующееся на общечеловеческих ценностях. И если все же правящие круги отдельных государств вопреки общепринятым международным нормам проводят насильственную ассимиляцию национальных меньшинств, то их действия должны стать предметом решительного осуждения мирового сообщества.

Глава пятая. Аккультурация и кризис традиционных этнических ценностей

Под аккультурацией в современном обществе мы понимаем такие социокультурные процессы, в результате которых представители того или иного народа, утратив свою традиционную этническую культуру и родной язык, так и не приобщаются к какой-либо другой национальной культуре, к ее ценностям. В процессе модернизации (перехода общественных структур от традиционного состояния к современному с углублением разделения труда и ускоренным развитием рыночных отношений) основным субъектом аккультурации становятся маргинальные слои, группы, страты и мигранты. Речь идет о том, что в процессе миграции населения со своей этнической территории, вызванного экстенсивным развитием экономики страны, образуется масса людей, которая, с одной стороны, теряет основополагающие черты своего этноса, а с другой - еще не приобрела устойчивых свойств вновь сложившихся сообществ. Именно эта группа, значительную часть которой составляют малоквалифицированные (в том числе и сезонные) работники преимущественно физического труда, создает питательную среду для возникновения национальной напряженности, обостряя проблему взаимодействия культур, двуязычия, контактов местного и приезжего населения.

Как показывают социологические исследования, мигранты не получают возможности для реализации своих этно-культурных запросов, особенно в сфере об-

разования, общения, народного творчества, а также для создания очагов национальной культуры, использования средств массовой информации, свободного выбора вероисповедания. Эти объективные обстоятельства способствуют разрушению этно-культурных традиций, обуславливают стрессовые ситуации в сознании мигрантов на индивидуальном и групповом уровнях. Эрозия этнических ценностей наблюдается не только у мигрантов, но и в среде различных маргинальных групп и сообществ, формирующихся в крупных городах и городских агломерациях, районах интенсивного освоения. Особую группу маргиналов составляют лица, рожденные и воспитанные в национально-смешанных семьях. Их положение становится тяжелым и даже трагичным в условиях межнациональных конфликтов, в которых противоборствующими сторонами выступают национальности, представляющие родителей маргиналов.

Противоречия между коренным и приезжим населением в сфере культуры имеют два аспекта. С одной стороны, возникает реакция неприятия у местного населения, если мигранты не обладают достаточной культурой межнационального общения, не уважают его обычаи и традиции, замыкаются в своих сообществах, не изучают языка коренной национальности, жалуется на дискриминацию. Кроме того, при конкретных исследованиях выявляется острая реакция местного населения на то, что немалую часть приезжих составляют люди, поведение которых близко к антисоциальному - "летуны", "бичи", "бомжи" и т.д. Нередко именно по ним коренное население судит о народах, с которыми оно прежде не имело непосредственных контактов. Положение усугубляется и тем, что в ряде мест все больше распространяются аномические тенденции, девальвируются социально-интегративные ценности, базирующиеся на взаимной доброжелательности, готовности прийти на помощь, терпимость и т.п. В результате, возрастание напряжения между объективным процессом унификации,

вызванной процессами модернизации, и, стремлением сохранить традиционные ценностные ориентации в межнациональных отношениях, Это напряжение ведет к распространению антиобщественных проявлений и националистических движений.

Что же собой представляют процессы этнической миграции и этнической маргинализации в обществе, которое многие социологи определяют как переходное от традиционного к современному типу? Миграция и маргинализация - взаимодополняющие, но в то же время не синонимичные понятия. Группы мигрантов, с социологической точки зрения, - это большие группы людей, формирование которых связано с перемещением в географическом и социальном пространствах, причем эти группы определенное время не имеют фиксированных позиций в социальной сети, а также не имеют фиксированных ролей. Миграция может стать связанной с процессами маргинализации, если в ходе миграции у мигрантов формируется особая маргинальная субкультура: система ценностей, установок, состояний, сознания, отражающие стремление членов этих групп воспринимать и осмысливать себя как специфическое транзитивное, промежуточное целое, которое есть только в настоящем (социальном и физическом) и не переходит в качестве транзитивной целостности в будущее. Это состояние выступает как феномен "застревания" в настоящем, что при динамике остальной социальной среды, развернутой к будущему, оборачивается для транзитивных групп и их членов консервацией субкультуры переходности, промежуточности, временности. Такое незавершенное существование, сохраняя долгое время свою целостность, претерпевает всеобъемлющее одновременное устаревание.

Если маргинальная субкультура не возникает, то и миграция остается простым пространственно-географическим перемещением, оказывающим, естественно, и определенное социальное влияние, В то же время - мар-

гиналы, маргинальные группы - это такие социальные группы, образование которых не обязательно связано с пространственным перемещением; их важнейшим группообразующим признаком является формирование особой культуры транзитивной целостности. Таким образом маргинализируются не только "пространственно-перемещающиеся" группы, но и "оседлые" группы, "оседлые" в смысле постоянного пребывания в географическом и социальном пространствах. Так можно говорить о маргинализации малочисленных народов за счет большого притока в регионы их расселения иноэтнического населения. В то же время следует отметить и процессы маргинализации национальных меньшинств за счет изменения их положения в социальной организации многонациональных сообществ и формирования сложной системы социальных ролей, предписывающих транзитивное поведение.

Маргинализация традиционных и вновь образующихся этнических и межэтнических сообществ, будучи господствующей тенденцией в кризисных общественных системах, протекает в виде процесса формирования субкультуры транзитивности, со специфическими интересами и ценностями, моделями поведения в различных сферах жизнедеятельности. Индикатором маргинальности является наличие теневого поведения, которое не вписывается в традиционные представления о стандартном поведении этнофоров того или иного народа. Обычай и этнические традиции для маргиналов уже не выступают регулятором их поведения. При этом разрушаются традиционные этнические ценности, внедряются новые поведенческие коды, не свойственные как этнической этике традиционных народов, так и позитивным ценностям современной цивилизации. Среди маргиналов начинают широко распространяться негативные стандарты поведения и пороки индустриального общества.

Важным моментом в изучении миграции этнических групп и отдельных этноферов а также связанные с ней процессы маргинализации, является выявление оснований миграции. В качестве фундаментальных оснований миграции могут быть рассмотрены добровольность, вынужденность, принудительность миграции, т.е. общественные процессы, которые характеризуют наличие или отсутствие суверенности в действиях личности относительно ее перемещения в географическом и социальном пространствах. Сложность здесь состоит в том, что в одной и той же сфере деятельности общества могут одновременно происходить миграционные процессы, имеющие все три перечисленные основания. Например, состояние рынка труда может приводить к добровольной миграции - решению покинуть прежний регион и поискать лучшей работы в другом регионе. Но в то же время элементы структурной безработицы могут вынуждать к миграции в поисках работы по специальности, а то и просто в поисках любой работы. В кризисном обществе, в условиях межнациональных конфликтов, резко возрастает принудительная миграция, когда сотни тысяч беженцев покидают родные места, опасаясь за свою жизнь и жизнь своих близких. Кризисное общество характеризуется "смазанностью" оснований этнической миграции. Миграция может идти не на реальном основании, а как бы "впрок" предвосхищая возможные будущие основания. Так вынужденная или принудительная миграция беженцев может стать добровольной, если мигранты в новом географическом или социальном пространствах находят более благоприятные условия, чем в предыдущем регионе проживания. Это относится, в первую очередь, к национальным меньшинствам, для которых "старый" и "новый" регионы проживания являются транзитивными.

Таким образом в условиях кризисного общества, каким является в настоящее время сообщество народов СНГ, наряду с мирным состоянием жизнедеятельности

этносов в ряде регионов возникли состояния, которые могут определяться как немирные и вызывающие усиленную межэтническую миграцию. К немирным формам состояния межэтнических отношений могут быть отнесены различные межэтнические и религиозные столкновения, общесистемные и локальные кризисы. Они протескают в виде асоциальных и антисоциальных по отношению к мирным состояниям действий и нередко создают длительную ситуацию "ни мира, ни войны". На состояние этнической миграции оказывает влияние и аномальное состояние экологической среды (экологические кризисы, катаклизмы, катастрофы и т.д.). Аномальное состояние окружающей среды может иметь как естественный, природный, так и антропогенный характер. Внутри этих состояний также сохраняются три перечисленные выше основания миграции. Например, межнациональные конфликты, трагедии Чернобыля или Спитакского землетрясения и землетрясения в Грузии породили сильные потоки мигрантов, базирующиеся на всех трех основаниях с выходом на проблемы не только внутренней, но и внешней миграции.

В зависимости от сферы жизнедеятельности и типа активности могут быть выделены различные типы этнической миграции и мигрантов. Например, для зон этнических конфликтов характерны такие группы мигрантов, как беженцы, репатрианты. Для регионов со стабильной системой межэтнических отношений характерны потоки мигрантов деловой активности (включая труд, образование, коммерческую деятельность и т.д.); потоки мигрантов компенсаторной активности (лица, стремящиеся компенсировать перекосы снабжения и распределения активностью перемещений в географическом и отчасти в социальном пространствах); мигранты криминогенной активности. Для мирного состояния межэтнических отношений, но в аномальной экологической среде, могут быть характерны, наряду с пе-

речисленными группами и такие группы этнических мигрантов, как экологические переселенцы (форма принудительной миграции), экологические релатрианты.

Процессы маргинализации и аккультурации кризисных этносов чрезвычайно разнообразны и обладают в каждом регионе своей спецификой. Ниже мы рассмотрим некоторые конкретные проблемы трансформации элементов и компонентов культуры народов, для которых процессы модернизации имеют негативные последствия. А теперь коснемся вопроса нивелировки культурных оснований модернизации этносов с различным уровнем индустриальной и аграрной технологий, различными жизненными укладами и культурными традициями. Эта нивелировка происходит по разным каналам, среди которых одно из важнейших мест занимает образование.

Следует различать систему образования как институт межпоколенной передачи знаний и всю совокупность форм и способов, которыми индивиды приобретают знания в обществе (например, в семье). В системе образования можно выделить отчетливо различающиеся сферы профессиональной подготовки, культуры (воспитания и образования) и собственно воспитания (социализации). При переходе от традиционного к модернизированному обществу роль социальных институтов меняется. В процессе модернизации нарастает диверсификация общества, его мобильность; системы технологий меняются неоднократно за период жизни одного поколения. Функция межпоколенной трансляции трудового опыта и навыков у всех народов частично переходит от семьи к системе формального образования, семья утрачивает контроль над социокультурными и экономическими возможностями индивида, более того, старшие поколения семьи у многих этносов в силу того, что они не могут адаптироваться к новым индустриальным технологиям, утрачивают свой социальный престиж в качестве притягательной референтной группы. А

это ведет к разрыву межпоколенных социокультурных связей, разрушению механизма трансляции из прошлого в настоящее этнических традиций и нормативных ценностей.

Система образования, будучи одним из нескольких социальных институтов и каналов приобретения знаний, в то же время способствует формированию особой молодежной субкультуры того или иного этноса или межэтнического сообщества. И поскольку сформировавшиеся в молодежной среде социальные и культурные стандарты сохраняются и в дальнейшем, то молодежная субкультура является значительным фактором модернизации всей культуры этноса. В то же время у многих народов в молодежной субкультуре наблюдаются стрессовые реакции на бурные изменения, происходящие в стране, болезненная реакция на плюрализм и утрату традиционных ориентиров. Появляется желание совершить "магический" поворот времени вспять к традиционным этническим ценностям. Такая противоречивость этнических молодежных субкультур прослеживается у всех традиционных этносов, но в наибольшей степени выражена у народов, подвергнувшихся негативному воздействию модернизации, которое сопровождается аккультурацией и стремительным натиском новых поведенческих и социокультурных эталонов. В этих условиях этнические молодежные субкультуры выступают не только как механизмы вторичной социализации молодежи, но и становятся средством решения молодежью своих коллективно переживаемых для этнокультурных проблем, связанных со структурными противоречиями общества. Понятно, что в условиях быстрого и стрессового социального изменения острота подобного рода проблем увеличивается. Межэтническая миграция населения, маргинализация малочисленных народов и национальных меньшинств, формирование различных транзитивных субкультур в условиях кризисного обще-

ства делают и процессы естественной ассимиляции весьма болезненными. Это касается в первую очередь культурно-языковых процессов, противоречия развития которых в последнее время резко обострились. Для того, чтобы понять сегодняшние проблемы культурно-языковых запросов народов, необходимо сделать небольшой экскурс в историю.

За годы Советской власти почти у всех этносов была ликвидирована массовая безграмотность, сформированы национальные кадры гуманитарной и творческой интеллигенции. У 32-х народов Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера, Поволжья и Северного Кавказа, не имевших до революции своей письменности, были созданы учебники родного языка для всеобщего обучения, а позднее на языках этих народов стали издаваться газеты, журналы, художественная литература. Вместе с тем уже в годы культурного строительства у малых народов СССР были укоренены те проблемы и недостатки, которые как бы "прорастают" в современность. Так, в процессе ликвидации неграмотности значительная часть учителей прошла ускоренную подготовку лишь на трех-шестимесячных и годичных курсах. Выпускники этих краткосрочных курсов в своем большинстве впоследствии получили заочное высшее образование. По подобному рода ускоренной схеме формировались национальные кадры и в других сферах культурной жизни малых народов. Зачастую не приобретая и малой доли необходимых знаний и навыков, люди становились учителями, работниками сферы управления, учреждений культуры, а их ученики выпускниками средних школ. Они резко снизили уровень вузовского преподавания. Этот уровень несколько повысился только в 60-70-е годы, но преодолеть общее отставание, очевидно, удастся не скоро.

В 30-е годы были заложены и другие социально-политические "мины", которые впоследствии привели к крупным просчетам в культурном строительстве. Так за

короткий срок, с 1929 по 1940 г. таджики, узбеки, татары, башкиры, и другие народы Кавказа и Средней Азии меняли свою письменность: перешли от арабского алфавита к латинскому, а потом к кириллице. Но перешли без всякой подготовки, в результате чего оказались полностью отрезанными от традиционной национальной художественной и научной литературы, литературного языка. Более того, в течение 15 лет уничтожались древние рукописи и дореволюционные литографированные издания, объявленные религиозными, а потому вредными. По тем же причинам было уничтожено много архитектурных памятников, представляющих историческую ценность.

Однако наибольший урон культурному строительству в стране нанесли эмиграция русской и национальной интеллигенции и репрессии по отношению к ней. Выходцам из среды дореволюционной интеллигенции с самого начала советской власти начинают чинить препятствия при поступлении в высшие учебные заведения. И это продолжалось вплоть до недавнего времени. Если в отношении русской интеллигенции высказывались опасения в том, что она своими "шаткими" идеологическими позициями нанесет вред революционному классу, то вся дореволюционная национальная интеллигенция огульно обвинялась в реакционности и национализме. Естественно, старая национальная интеллигенция не участвовала в культурной революции, лучшие ее представители были постепенно уничтожены. Утратой многих связей с вековыми культурными ценностями объясняется, в частности, и низкая в целом языковая культура последующих поколений советской интеллигенции.

Примитивизм и вульгарность все глубже проникают в образ мышления, снижают культуру устной и письменной речи, притупляют чувства языка, приводят к грубейшим нарушениям его закономерностей - в словообразовании и в словосочетании, в синтаксических конструкциях и т.д. Об этих общих для всех народов

СССР проблемах, имевших до революции национальную письменную культуру, пишут таджикские, узбекские, татарские, грузинские литературоведы.

Репрессии против интеллигенции, насаждение государственным руководством среди народов чуждых им идеологических и поведенческих стереотипов мешали их культурному развитию. Многие из них начали деградировать. Культурная жизнь народов была забюрократизирована и монополизирована государственными учреждениями. Регламентации посредством постановлений подлежали искусство, наука, религия. К моменту принятия Конституции 1936 г. по сути дела был завершен и еще один, негативный для национальных культур процесс - унификация их проявлений путем идеологизации. Этот процесс надолго задержал качественный рост каждой из национальных культур больших и малых народов страны.

Как показывает анализ развития культуры народов за более чем 70-й период, корни большинства наших сегодняшних проблем в сферах языка и культуры уходят к худшим временам Российской империи. Далее последовала цепь ошибок в ходе так называемого социалистического строительства с самого его начала и до конца 80-х годов. Она усугубила уже существовавшие проблемы, так как напряжения в сфере взаимодействия национальных культур и возникающие спонтанно конфликтные ситуации жестоко подавлялись. Все это вело к накоплению нерешенных, загнанных вглубь проблем.

В настоящее время развитие культурноязыковых процессов происходит неровно и противоречиво. Во всех странах СНГ и автономных республиках Российской Федерации оформилась национальная интеллигенция. При этом рост числа студентов в республиках сопровождается, как уже говорилось, существенными изменениями в его национальном составе. Так по статистическим данным в настоящее время представительство молодежи коренной национальности в большинстве республик

превышало ее долю в составе населения. В Якутском государственном университете, например, в 1986 г. на дневном отделении якуты составляли 79,5%, в то время как среди населения Якутской АССР на их долю приходилось 31,1%. В Алма-атинских вузах число студентов казахской национальности достигло 75-80%, в то время как казахи в республике составляли 42%. Подобного рода диспропорции вели к межнациональному напряжению, так как в этих республиках игнорировались культурные запросы и стремление к получению высшего образования представителями других национальностей. Так в художественной литературе и искусстве, исторических и других научных трудах усилился акцент на значимости национальной самобытности, оправдывались территориальные притязания, приукрашивалась история одних народов и приписывается роль другим. Сегодня такие идеи находят отклик в широких слоях населения различных этнических образований, становятся идеологической основой этноцентризма.

Интернационализация культурной жизни народов России сопровождалась ростом национального самосознания. В настоящее время эти две тенденции столкнулись. Деформация национальных культур под влиянием насильственных процессов "интернационализации", их унификация и упрощение вызывают болезненные реакции у представителей многих народов Российской Федерации. Там, где эти деформации наиболее очевидны, часть национальной интеллигенции принимает политику интернационализации настороженно, а часть рассматривает ее как угрозу утраты национальной самобытности, культуры, языка и т.д. Отсюда возрождение традиционализма, протесты против русского языка как средства межнационального общения, стремление замкнуться в рамках национальной культуры, ослабление взаимообогащающих связей национальных культур.

Реализация правительственной национальной политики - развитие национальных языков при одновре-

менном распространении русского языка как средства межнационального общения - также имела негативные социальные и культурные последствия. В 70-е годы наметилась тенденция увеличения удельного веса свободно владеющих русским языком среди лиц нерусской национальности. Вместе с тем обнаружилось, что, во-первых, каждый третий человек нерусской национальности не владеет им свободно, а во-вторых, распространение русского языка среди коренных национальностей автономных республик России, других этнических образований происходило неравномерно. Поэтому актуальной стала задача качественного пересмотра концепции двуязычия особенно в сельских районах. Скорее всего не должно быть какой-то единой мерки для всех автономий России, а соотношение функций русского и местного языков необходимо устанавливать с учетом конкретной этноязыковой ситуации в каждой республике. Совершенно очевидно, что это соотношение будет разным в Карелии, Татарстане и Дагестане.

Еще сложнее обстоят дела с изучением национальных языков русскоязычным населением и распространением национально/русского двуязычия и многоязычия. В идеальной модели двуязычия, предложенной учеными-лингвистами, основной акцент делался на овладении русскими и лицами других национальностей языками коренных жителей республик. В соответствии с подобного рода концепцией это улучшает межличностные отношения, способствует адаптации к иноэтнической среде.

Следует заметить, что реализация принципа двуязычия в ряде районов наталкивается на значительные трудности. В ряде российских республик (Башкирская, Марийская, Мордовская, Удмуртская и др.) применение национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни значительно ограничено. Как показывают конкретные социологические исследования, значительная часть наци-

опальной и интеллигенции не может свободно изъясняться и писать на родном языке. В то же время, как показывает опыт, национальный язык может иметь необходимый уровень развития только в том случае, если он полноценно функционирует в основных сферах общественной жизни - в образовании, в науке, искусстве, средствах массовой информации и, естественно, в бытовом общении. Если употребление родного языка ограничивается кругом семьи и средней школы, то, естественно, его значение в культурной жизни этноса падает.

Говоря о возрождении национальных языков народов Российской Федерации следует рассмотреть опыт других стран бывшего СССР. Так чтобы остановить процессы снижения функционального применения национальных языков в республиках Закавказья, а с 1988 г. и в республиках Прибалтики, в Конституцию была введена статья, согласно которой языки коренных национальностей были объявлены государственными. В 1991-92 гг. такое же решение приняли и остальные бывшие союзные республики распавшегося СССР.

В этом отношении нужно сказать следующее. Если нация имеет свою государственность, то она вправе на конституциональном уровне, законодательно осуществлять заботу о всемерном развитии национального языка как своей неотъемлемой социально-культурной ценности. Эту непреложную истину долгое время замалчивали отечественные теоретики и практики. Если провозглашение того или иного языка государственным не связано с его всеобщим принудительным внедрением и не означает искусственного создания приоритетов одному языку за счет сокращения сферы распространения других, это становится показателем зрелости цивилизованного государства. Так в Финляндии функционируют два государственных языка: финский и шведский, хотя шведы составляют только 7% населения страны.

Однако ни статус государственного языка, ни конкретные сферы его употребления не определены в кон-

ституциях большинства бывших союзных республик с достаточной четкостью, что служит источником столкновений в межнациональных отношениях. Понимая это, в Азербайджане, Грузии, Армении попытались гарантировать в одной и той же конституционной статье и развитие национального языка и свободу в употреблении языков всех других проживающих в республике национальностей. Но и это не сняло противоречий. Если нация, имеющая суверенитет, объявляет свой язык государственным, т.е. делает его официальным языком управления, это влечет за собой обязательное его использование в государственном аппарате. А как тогда быть остальным народам, имеющим иные формы национально-государственного устройства или вовсе не имеющих таковых?

Отсутствие в отдельных звеньях государственного аппарата Российской Федерации научно взвешенного, правового регулирования использования языков, стихийное решение в каждой автономной республике проблемы соотношения языка коренной национальности, русского и других языков в зависимости от субъективных факторов может вести к ущемлению языковых и национальных прав граждан. Практически остался нерешенным вопрос статуса языков национальных меньшинств во всех автономиях России: татарского языка в Башкирии, языков малочисленных народов Севера в республике Саха и т.д. Неудовлетворительно обстоят дела с решением языковых проблем в районах компактного проживания мордовского, марийского, чувашского, удмуртского населения в собственно "русских" областях и в автономиях, где эти этнические группы являются "нетитульными".

Исходя из опыта языковой политики последних лет, в условиях каждой республики соотношение между различными языками может быть свое. Задача состоит в том, чтобы нормативные, в том числе и конституционные акты, не допускали никаких привилегий одним и

никаких ограничений другим языкам. Это, в первую очередь, касается языков так называемых "нетитульных" этносов. Ведь за пределами своих национально-административных образований или не имеющих их в СНГ проживает свыше 55 млн. человек. И их культурно-языковые запросы должны быть также максимально учтены, если в современной культурной политике одной из важнейших задач становится снижение, а в перспективе снятие напряженности в отношениях между народами, возникшей в ряде регионов России. Развитие языков в многонациональном государстве возможно лишь при обеспечении возможностей для каждого народа овладеть как собственным, так и инонациональными языками.

Задачи нормализации языковых проблем в рамках современных национальных процессов, оптимизации двуязычия и многоязычия в каждой автономной республике России могут быть решены только путем выработки и практического осуществления реалистических принципов национально-языковой политики на основе равноправия всех этнических образований. Для этого необходимо разработать и принять научно обоснованную комплексную систему мер. Сегодня нежелательны ситуации, когда среднее, а порой даже и высшее образование части нерусского населения сочетается с незнанием или плохим знанием русского языка. Нужны также условия, когда русско-язычное население государств "ближнего зарубежья" и республик, входящих в Российскую Федерацию, имело больше возможностей улучшать свое знание языков коренных национальностей.

Естественное развитие различных типов двуязычия и многоязычия будет достигнуто только при полной свободе выбора языка обучения и общения, Административный нажим и силовое общественное давление здесь недопустимы. Нельзя искусственно сужать сферу применения национальных языков и закрывать школы

с преподаванием на этих языках, как это имело место недавно в Башкирии, Северной Осетии и других российских республиках. Но бывает и так, что некоторые школы с преподаванием на национальном языке закрываются просто потому, что родители перестали посылать туда детей. Подобные факты встречаются довольно часто во многих республиках. Вопросов здесь возникает немало: почему предпочли другие школы - может, неодинаковое качество обучения сыграло решающую роль? А может здесь другая причина - стремление пораньше приобщить детей к языку межнационального общения? Культурный плюрализм дает право человеку не только изучать тот или иной национальный язык, но и не изучать его. Распространение в обществе культурного плюрализма открывает возможность перенести в практическую плоскость культурной политики принципов свободного выбора языка обучения и общения, подлинного равноправия языков. Однако конкретные подходы к решению языковых проблем в различных национально-культурных регионах должны быть разные. Так, у народов Севера проблемы сохранения родного языка стоят совершенно в иной плоскости, чем у национальных меньшинств, проживающих в иноэтнической среде.

В то же время необходимы усилия по сохранению языков всех, даже самых малочисленных этносов. Здесь возникает противоречие между необходимостью сохранения языков малых народов и личными интересами отдельных представителей этих народов. Снятие этого противоречия возможно только в сочетании доброй воли и стремления самих этнофоров (представителей малых народов) сохранить свой язык с государственными культурно-политическими мероприятиями по поддержанию этого стремления.

В современных условиях культурно-языковые процессы у малых народов получили импульс для своего развития. Однако следует изжить административно-ко-

маандный и унитаристский подход в культурной и языковой политике. В этой связи необходимо существенно перестроить культурную политику центра России. Должно быть исключено всякое искусственное формирование интеграционно-ассимиляторских процессов, насаждение единых социокультурных эталонов, практики навязывания "сверху" стандартов поведения, суждений и критериев оценок, выработанных без ведома и участия малых народов. Уменьшение вероятности конфликтов при взаимодействии культур может быть достигнуто лишь в результате тщательно продуманной культурной политики, разработанной на основе конструктивного диалога между представителями национальных культур, учеными-экспертами и органами управления.

Следует уделить большее, чем прежде внимания культурному развитию каждого, в том числе самого малочисленного народа. Ведь степень развитости культуры того или иного этноса определяется включенность в современную жизнь его исторической памяти - чем больше объем этой памяти, тем выше культурный потенциал ныне живущих поколений. Поэтому забота о сохранении этнокультурной среды должна войти в повседневную жизнь всех народов, особенно малочисленных, чья культура подверглась наибольшим разрушениям. И если идущие в стране модернизационные процессы воспринимаются как нечто альтернативное сохранению этнического своеобразия культур, то неизбежно возникает конфликт между неосвоенным и освоенным. Осознание и пути разрешения этого конфликта - имманентная социальная задача творческой и гуманитарной интеллигенции, студенческой молодежи, субъектов культурной политики.

Говоря о процессах аккультурации, следует отметить, что в специальной литературе традиционная и современная культуры обычно противопоставляются как "старое и новое". При самой положительной оценке этнических традиций (по их органичности в системе че-

ловек-природа-общество) считается неизбежным активное, и часто разрушительное воздействие на них новаций. С этим трудно не согласиться, если ориентироваться на западные модели культуры (полинациональные, индивидуалистичные). Однако восточные модели, например, японская модель (национальная, коммуная) - показывают возможности сочетания традиций и новаций. При этом, если культуру понимать как средства деятельности, традиционная культура - средства деятельности, которые обеспечивают самобытность этнической общности - Этническую самобытность следует понимать не как внешнюю характеристику культуры народа (ее причудливостей, таинственностей), а как процесс гармоничного взаимодействия этнофора с природным окружением, общения людей посредством знаковой системы. Культурная специфика - это и особое мастерство в традиционных сферах жизнедеятельности, залог профессиональной гордости, личного и национального достоинства, основания "самобытия" человека.

В этой связи сделаем небольшое отступление и рассмотрим, что собой представляет в общих чертах совокупность элементов традиционной культуры малых этносов, сохранившихся в современных условиях. В самом общем виде жизнедеятельность человека может быть разделена на хозяйственную (взаимоотношение человек - природа) и социальную (взаимоотношение человек - общество) деятельность. Средствами хозяйственной деятельности являются экологическая и материальная культура, средствами социальной деятельности - нормативная и духовная культура. В отношении человек - природа, экологическая культура представляет собой знание природных условий деятельности, материальная - выработанные человеком вещественные средства этой деятельности. В отношении человек - общество нормативная культура - это сложившиеся устои общения, духовная - средства

самореализации личности. Разумеется, подобное "анатомирование" культуры по универсальному принципу субъект-объект условно (духовные ценности взаимосвязи с нормативными, в экологии немало социально значимых установок, предметы материальной культуры наполнены духовным содержанием и т.д. Деление видов культуры на субъектные (материальная, духовная) и объектные (экологическая, нормативная) необходимо лишь для упорядочения представлений об огромном фонде средств деятельности изучаемых народов. В действительности этих четырех "культур" нет; есть четыре отношения - человек - природа, природа - человек, человек - общество, общество - человек, в которых распространяется жизнедеятельность человека-носителя целостной этнической культуры.

Об этноэкологических кризисах и разрушении традиционной материальной культуры малочисленных народов мы уже говорили. Поэтому остановимся только на состоянии нормативной и духовной культуры традиционных этносов, соотношении этнических традиций и современной системы образования. Нормативная культура, представлявшая в прошлом разветвленную систему установок, регламентаций, ритуалов - брачнородственных, соседских, возрастных, межэтнических - в настоящее время существенно деформирована. Связано это с разрушением институтов самоуправления (родовых и локальных общин), структуры расселения, ликвидации слоя социокультурных лидеров, заменой традиционного воспитания детей школьными интернатами и рядом других причин. Одной из иллюстраций может служить состояние традиционных народных празднеств, выполнявших прежде важнейшие соционормативные функции. У селькупов, по данным анкетирования, проведенного новосибирскими социологами, наиболее распространенными поселковыми торжествами являются общесоветские праздники, проводы русской зимы, день оленевода, имеющий косвенное от-

понение к народным традициям. В трудовых коллективах, судя по большинству ответов, никаких торжеств не проводится. В семейном кругу празднуются, главным образом, дни рождения, в прошлом не отмечавшиеся. Лишь в среде родственников проводятся свадьбы, лишние, правда, традиционной обрядности и похороны - традиционные ритуалы; в качестве праздников родни в единственном случае названы действительно традиционные торжества - дни прилета и отлета птиц. У пенцев традиционные праздники "день прилета ворон" и "таералия"¹ - середина лета, также проводятся в основном в кругу родственников¹.

Таким образом, этнические нормативы сохраняются в определенной мере лишь в родственных отношениях. В сферах межэтнических, соседских связей коренные народы Севера теряют традиционные средства общения. Даже такие наиболее высоко ценимые северянами социальные качества, как гостеприимство и щедрость, не являются ныне общей нормой (в прежние времена отклонения от них считались болезнью). Попытки восстановить традиционные этнические нормативы, проводимые в различных районах, пока не дают результатов. Видимо, многие из нормативных атрибутов уже утрачены безвозвратно.

Серьезные трансформации произошли и в духовной культуре традиционных этносов, которую можно охарактеризовать как совокупность понятий символов, посредством которых реализуется, "выражается" этнофор. К этой совокупности относятся и собственно разговорный язык и язык исторических и природных образов, язык художественного самовоплощения предметов материальной культуры. В прошлом эти средства самореализации составляли мировоззренческую систему - представление человека о

¹См.: Молодежь, народностей Севера образование и воспитание. Информационный материал. Новосибирск, 1990. С.27.

самом себе и окружающем мире. Традиционное мировоззрение основывалось на идее единства человека и мира - мир воспринимался как непосредственное жизненное пространство; категории понимания вселенной были "человеческими" - духи соотносились с душами, время измерялось жизненными процессами, пространство - мерами человеческого тела и отрезков пути.

В последние десятилетия шла травля традиционных представлений малых народов с позиций шаблонного рационализма. Традиционные духовные представления и религиозные верования охаивались, подвергались осмеянию и искоренялись. Дала трещину межпоколенная связь внутри традиционных этносов. Молодежь перестала воспринимать нормативную и духовную культуру своих предков. В этом немалую отрицательную роль сыграли средства массовой информации, школа, приезжее население, пытавшееся навязать аборигенам свою систему ценностей, стереотипов, шаблонов поведения. Современному охотнику-любителю, например, кажется причудой обычай манси жертвовать еду духу - хозяину тайги, а самому отправляться на промысел без пищевых запасов. Между тем жертвоприношение вселяет в охотника уверенность, чувство сохозяина угодий (обязывает духа "отдариваться"), отсутствие запаса провизии стимулирует активность промысла. "Вера в духов" в данном случае - образная вера в себя. Как показывают наблюдения, мировоззренческая система в традиционных обществах - это лишь основа, язык духовной импровизации. В этом смысле духовная культура изменчива не в меньшей степени, чем материальная, и в той же мере отзывчива на изменение социально-экологической среды. Наши наблюдения в этнической среде обских угров и енисейских эвенков показывают, что традиционная мифология адаптировалась к нормативной идеологии советского общества, как и ранее она синтезировала некоторые христианские нравственные установления.

Это заметно также и в традиционной обрядности. Таким образом более устойчивыми, так сказать, опорными в процессе аккультурации выступают объективные стороны (части) культуры - экологическая и нормативная; изменчивыми, реактивными, субъектными - материальная и духовная. При этом непосредственное внешнее воздействие на объективные условия разрушает экологические и нормативные основы культуры, ее этническую форму. Внешнее влияние должно "фильтроваться" сквозь субъективные стороны культуры, как это было всегда в истории при ненасильственных этнических контактах.

Основным каналом этого культурного воздействия на субъект (этнофора), как отмечалось выше, является система образования как школьного, так и семейного. При этом в идеале школа должна давать то, чего не может обеспечить семья, но не подменять и тем более не отменять семейного образования. Но на деле все происходит иначе. По традициям воспитания, например, у народов Севера приобретение хозяйственно-бытовых навыков, нормативных установок происходило посредством имитации детьми действий взрослых, на первых порах - в виде игр. Так, игры ненецких, эвенкийских, мансийских девочек происходили чаще всего в чуме, где сосредоточивались занятия женщин, игры мальчиков - вне чума, где работали мужчины. Девочки учились шить, изготавливая кукол из лоскутов меха и ткани, играли в "прием гостей", "кормление детей" и т.д. Мальчики стреляли из лука, набрасывали аркан на головки нарт и друг на друга, запрягали в маленькие нарты собак. Этическое и эстетическое воспитание осуществлялось посредством рассказов, бесед, поучений. Большую роль при этом играли фольклорные сказания, притчи, загадки, в которых широко представлены исторические сюжеты, соционормативы, нравственные и экологические установки. Передача фольклорных знаний выступала одной из основных форм семейного воспитания и

образования. Процесс социализации представлял собой усвоение норм общения в довольно узкой и однородной по хозяйственно-бытовому и этнокультурному признакам среде, процесс индивидуализации выглядел как овладение навыками жизнеобеспечения в тундре, выработка эталонных, стереотипов умелого охотника и оленевода для мальчиков и рачительной хозяйки - для девочек. В 8-10-летнем возрасте дети в качестве помощников включались в хозяйственно-бытовую деятельность взрослых: мальчики помогали "окаракуливать" стадо, участвовали в промыслах, девочки ухаживали за младшими детьми, хлопотали у очага и т.д. В 14-15 лет девушки считались невестами, способными выполнить все функции "хозяйки чума"; статус социально-хозяйственной самостоятельности приобретали юноши: формировали свое стадо оленей, изготавливали собственный промысловый инвентарь, получали доступ на священные места, право исполнять в кругу взрослых древние сказания и т.п. Таким образом, по традиционной модели семейного образования к 14-15 годам аборигены Севера приобретали весь комплекс средств самостоятельной деятельности. В настоящее время процесс образования затягивается до 18-20-летнего возраста.

Современная система воспитания и обучения детей коренных народов Севера в школах-интернатах прерывает традиционный ход взросления на грани стадий имитации и соучастия в деятельности (в 7-8 лет). Условия среды воспитания резко меняются: диапазон общения расширяется, а его содержание с возникновением языкового барьера сужается, что нередко приводит на индивидуальном уровне к защитной реакции - замыканию; общение принимает во многом опосредованный вид, тогда как прежде подражание и соучастие предполагали непосредственный контакт, в результате чего восприимчивость детей к нововведениям, массовой информации невысока и нестабильна.

Стандартные школьные курсы ни в коей мере не ориентированы на традиционную культуру во всех ее четырех измерениях, деятельная связь с природной средой заменяется общими положениями биологии и географии; этносоциальная ориентация - проблемами всеобщей истории и обществоведческими абстракциями; трудовое обучение осуществляется так, что подавляющее большинство старшеклассников не намерено работать по профилю полученной специальности; традиционная духовная культура полностью замещается инокультурными образцами. Адаптация к школе имеет вид ломки традиционных поведенческих установок, влечет за собой соционормативную растерянность и к понижению самооценки. При этом процесс социализации направляется в новое русло, усвоение нормативов общения в широкой и разноликой среде происходит хаотично и фиксируется непрочно; вместе с тем достигается "эффект подчинения". Процесс индивидуализации прерывается, точнее переходит в латентную форму: традиционные эталонные стереотипы сохраняются, но реализуются вне интерната - среди родственников в ходе продолжительного каникулярного общения; редки случаи обретения новых личностных эталонов, предлагаемых школьной воспитательной системой. Раздвоение воспитания, с одной стороны, снижает эффективность обучения в школе-интернате, с другой - ослабляет влияние традиционной среды, что порождает состояние, "межкультурья". В результате по окончании школы реализуется далеко не блестящая альтернатива: или, большей частью, подростки, несмотря на льготные условия продолжения образования, возвращаются в традиционную среду, "отрицая" многое из усвоенного в школе; или остаются в поселках, занимаясь работой, как правило, вспомогательного, подсобного характера и имея пассивные деятельностные ориентиры.

Таким образом, процесс аккультурации традиционных этносов начинается с дошкольных учреждений и

школ-интернатов. На наш взгляд, причина противоречий между традициями и новациями в формировании первичных культурных эталонов этнофоров заключается в том, что советская образовательная система ставила задачу перед национальными школами, в первую очередь, овладения учащимися образовательной подготовкой, а затем уже усвоения элементов этнической культуры. Опыт многих восточноазиатских стран показывает, что избежать тяжелых последствий аккультурации удастся тогда, когда учащиеся через национальную культуру (этнически особенную знаковую систему) овладевают политехнической и гуманитарной грамотой. Таким образом происходит стыковка традиционной культуры с модернизацией. К сожалению, в условиях России у традиционных этносов такой стыковки не происходит. Проведение нами конкретные социологические исследования у нескольких народов Сибири свидетельствуют об усилении в последние годы негативных последствий аккультурации. В результате аккультурационных процессов происходит разрушение традиционных культурных ценностей аборигенов, связанных с уравнильно-общинным распределением и групповой взаимопомощью. Столкнувшись с жесткой системой социальных отношений современного общества, далеко не все аборигены могут к ней приспособиться. Вероятно, этим можно объяснить высокий уровень суицидности у народов Севера (7-9 случаев на 10 тыс. чел. населения, что в 4 раза превышает среднероссийские оценочные показатели), а среди молодежи этот показатель превышает общероссийский в 6 раз.

Результаты исследований показывают относительно низкий уровень запросов народов Севера. Большинство аборигенов в быту довольствуется только самым необходимым, не стремится ни к каким формам обогащения, которые стали открыто утверждаться в связи с пропагандой рыночной экономики в среде приезжего населения. Накопительство и приобретательство если и

не считаются презренным занятием, то и не приветствуются. Таким образом, ввиду неразвитости запросов у коренного населения слабо выражены материальные стимулы к интенсивному труду. По всей видимости, разрушением традиционных культурных форм и невключенностью коренного населения в новые реальности можно объяснить широкое распространение среди всех социальных и возрастных групп аборигенов пьянства и алкоголизма, ведущих к высокой смертности, детской олигофрении.

По данным социологических исследований более мобильны в социальном плане у народов Севера - женщины. Сейчас они составляют 76% представителей народов Севера со средним специальным и высшим образованием. Практически все они хотят жить по-новому, тогда как среди опрошенных мужчин 72% ориентируется на традиционный уклад жизни. Этот разрыв в уровне образования и ценностных ориентаций приводит к тому, что более 80% женщин коренной национальности, имеющих высшее и специальное среднее образование, в возрасте до 40 лет либо незамужем, либо состоят в национально-смешанных браках. Исследования показывают кризис семейной организации у народов Севера, что также связано с процессами аккультурации. В поселках растет число неполных семей - в основном матери-одиночки и вдовы с детьми. Значительная часть времени, проводимая мужчинами-промысловиками и оленеводами вне семей, живущих в поселках, не способствует упрочению брачных уз.

Содержание детей в интернатах разлучает их с родителями, разрушает у последних привычку заботиться о детях, заниматься их воспитанием, что также обостряет кризисные явления в семейно-бытовой сфере жизнедеятельности народов Севера.

Результаты исследований позволяют сделать вывод, что в настоящее время на Севере сформировались две

метаэтнические социокультурные группировки людей, ведущих различий образ жизни и имеющие различные запросы. В состав первой группировки входит все коренное население региона, ведущее традиционный образ жизни и разрабатывающее, главным образом, возобновляющиеся ресурсы. Вторая метаэтническая группировка включает в себя приезжее население и часть ассимилированных аборигенов, занятых, в основном, в добывающих невозобновляемые ресурсы отраслях промышленности. Взаимодействие этих группировок населения и порожденные этими взаимодействиями напряжения в каждом конкретном районе Севера имеют свои особенности, которые необходимо учитывать при построении культурной политики. Однако во всех районах есть общие социокультурные проблемы: все коренные народы находятся в неравном положении по сравнению с другими народами. Коренное население Севера далеко отстает по показателям уровня жизни от средних показателей уровня жизни областей, краев и республик, на территории которых оно проживает. Поэтому на уровне социальной и культурной политики встает задача оказания реальной помощи аборигенам, смягчения жесткого воздействия модернизации на различные сферы их жизнедеятельности.

В оказании помощи малочисленным народам Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, на наш взгляд, нужно определить две линии - стратегическую и тактическую. В стратегии помощи малочисленным народам в настоящее время преобладают две концепции. Сторонники одной - часть обществоведов и политики из центра считают, что методами управления необходимо сформировать у аборигенов социальную структуру и образ жизни, соответствующие общероссийским стандартам и эталонам. Сторонники другой - обществоведы с культурологическим уклоном, местная гуманитарная интеллигенция, новое поколение локальных политиков видят в таком подходе ликвидацию этнической специ-

фики и самобытности народов Севера и предлагают всеми способами сохранять их традиционный уклад и образ жизни. Нам представляется, что оба эти подхода отличаются односторонностью. Нельзя остановить хозяйственное освоение Севера, законсервировав традиционный культурнохозяйственный уклад. С другой стороны, насильственное разрушение этого уклада ведет к тяжелым для аборигенов последствиям. По всей видимости, в стратегическом плане нужно отказаться от чисто экономического подхода к управлению подобными регионами и перейти на научно обоснованную культурную политику, регулирующую отношения аборигенов с центром и приезжим населением. Это регулирование должно быть многовариантным: для каждого конкретного региона необходимо разработать программу мер, обеспечивающих соблюдение не только экономических, но и социально-культурных интересов коренного населения при разработке природных богатств. Осуществление культурной политики предполагает повышение роли аборигенов в решении стратегических задач общего развития Севера, свободу выбора пути развития, право самим решать, что для них лучше - традиционализм или индустриализация и урбанизация, государственные льготы или самостоятельность в социально-экономической и культурной сферах. Решение этих задач невозможно без повышения политической активности коренного населения, укрепления органов его самоуправления, расширения их прав и обязанностей.

К числу конкретных законодательных мер, которые бы сняли или ослабили противоречия и социальное напряжение, возникающие в процессе взаимоотношений аборигенов Севера с федеральными ведомствами, коммерческими структурами и приезжим населением следует отнести следующие: приписать часть прибылей от эксплуатации природных ресурсов на развитие социальной инфраструктуры народов Севера, особенно на жилищное строительство, обязать организации, нанесшие

ущерб охотничьим угодьям и ягельникам, провести их рекультивацию за счет этих организаций; в районах компактного проживания этнических групп аборигенов создать национальные районы (один из таких районов уже создан в Республике Саха - Эвено-Бытантайский), ввести в этих районах право приоритетного землепользования для коренного населения, дать реальные права местным органам управления; привести в надлежащий порядок хозяйства самих коренных жителей; поощрять самостоятельность хозяйств, пропагандировать и внедрять семейный подряд, особенно в оленеводстве, арендные договоры и различные формы кооперации в промысловом хозяйстве; установить более справедливые районные коэффициенты к заработной плате для коренных жителей и приезжих; перевести на хозрасчет промышленные и строительные организации с целью уменьшения притока рабочей силы; повсеместно на Севере внедрять в противовес "ведомственной" собственности, формы кооперативной и частной собственности коренных жителей, которые позволили бы им себя почувствовать полноправными хозяевами тайги и рек, тундровых пастбищ и промысловых угодий.

Итак, решение специфических проблем развития национальных культур неразрывно связано с изменением исходных принципов построения и реализации культурной политики. На общесоциальном уровне в системе национальных отношений основным должен стать принцип равноправия всех этнических образований. В то же время важно, чтобы в каждом регионе осуществлялась такая локальная культурная политика, при которой экономическое и социальное его развитие сопровождалось бы накоплением познавательных, эстетических ценностей с опорой на культурную самостоятельность народов. Только в этом случае в многонациональном обществе можно будет достичь динамического баланса центробежных и центростремительных социокультурных тенденций.

Глава шестая. Стрессовое состояние этнического сознания

Как было показано в предыдущих главах, процессы модернизации в аккультурации создают проблемные ситуации в жизнедеятельности малочисленных этносов. Модернизация и аккультурация детерминируют возрастающую степень динамизма, многообразия, новизны условий жизни представителей всех национальностей. В этой связи важен вопрос о том, как происходит освоение этнофорами усложняющегося окружения и каким образом такое освоение приобретает устойчивые, этнокультурные формы, становящиеся регуляторами изменений в образе жизни. Иными словами, как органично новое вписывается в традиционные формы жизнедеятельности народов, отражается на их материальной и духовной культуре. В советском обществоведении эти процессы оценивались преимущественно с точки зрения их позитивных последствий и возможностей на уровне общества в целом. В то же время обходился вопрос о том, каким образом и с каким результатом для себя люди используют различные элементы созданной макросистемы их жизненной среды. Множественность элементов жизненной среды, высокая степень их изменчивости, новизны и интенсивности воздействия на этнофоров представляет собой своего рода объективные структурные характеристики, задающие параметры динамики системы жизнедеятельности этноса. Находясь "внутри" этой системы, люди в своей повседневной жизни воспринимают ее в виде "некоторой богатой совокупности

определений и отношений", порой как "хаотическое представление"¹. В этой связи важно определить векторы психологических реакций этнофоров на происходящие изменения.

Глубокий общественный кризис затронул все формы национального и этнического сознания, обусловил его стрессовое состояние на уровне как личности, так и этноса в целом. Из результатов исследований психологов известно, что возможности человека адекватно реагировать на приращение сложности окружения не безграничны. В какой-то момент несоответствие реакций изменившимся условиям субъективно ощущается как потеря контроля над окружением, сопровождающееся чувством тревоги и беспокойства, побуждением к новому определению ситуации. В этих условиях люди отчасти приспособливают их к себе, отчасти создают изменения, не ведущие в конечном счете к адаптационным последствиям. Организация всех этих процессов во времени и социокультурном пространстве порождает те социально значимые черты образа жизни людей и его условий, из которых складываются устойчивые культурные образования - образцы, ценности, нормы, - регулирующие деятельность, поведение, взаимодействие людей в современной социокультурной ситуации².

Типы реакций людей в проблемных ситуациях тесно связаны со способом контроля над окружением. Как известно, на индивидуальном и групповом уровнях механизм такого контроля строится на присущей людям способности видеть мир то в целом, то в деталях, фиксировать свое внимание то на устойчивых, то на изменчивых его сторонах, переходить от состояний ипсирции к сериям непохожих друг на друга коротких пере-

¹ Орлова Э.А. Динамика городской культуры в условиях ускорения социально-экономического развития: Автореф. докт. дис. М., 1987. С.29.

² См.: Григорьян Б.Т. Человек: Его положение и призвание в современном мире. М., 1986. С.59-63.

живаний. На уровне этноса это выражается в постоянном сосуществовании двух параллельно текущих процессов, реализующихся в повседневной реальности. С одной стороны, рутинизация элементов образа жизни этноса удерживает и воспроизводит установившиеся нормы, привычные оценки, действия, поведение. С другой - постоянное их варьирование в связи со специфической жизненных ситуаций постоянно размывает границы психологических установок этнофоров на происходящие события. Это готовит почву для раздвоенного восприятия мира, неспособности быстро приспособиться к изменению социальной реальности. Стрессовые ситуации в этническом сознании обусловлены еще и тем, что скорость изменения той реальной социальной среды, в которой социализируется личность как носитель этнического сознания, значительно выше скорости приспособительных реакций, установившейся на предшествующих этапах этнического развития.

Поведение этнофоров в стрессовых ситуациях различно, но в принципе может быть сведено к одному из трех фундаментальных типов³. Первый тип - это попытка вырваться из ситуации, разрушить ее, активно воздействовать на внешние обстоятельства так, чтобы элиминировать их влияние, радикально сменить их. В определенных обстоятельствах такое поведение может быть успешным, если у человека есть "программа" для построения новых условий и действия в них. Однако, если в сложной среде деятельность направлена только на разрушение или полную трансформацию, результаты действий людей лишь умножают проблемы. Смена условий означает необходимость заново приспособляться к ситуации, а это проблема, решение которой требует новых затрат усилий. Разрушение условий добавляет в ситуацию неупорядочности, неопределенно-

³ См.: Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. С.368; Орлова Э.А. Указ. соч. С.30-33.

сти, а следовательно, увеличивает психическую напряженность ее участников.

Второй тип реагирования - это пассивное отстранение от решения проблем. Человек мирится с мыслью, что ситуация неразрешима, отказывается от каких бы то ни было действий, связанным с ее изменением. В подобных случаях люди склонны предаваться фантазиям, мистическим переживаниям, уходить в размышление о далеком прошлом и будущем и т.п. Такое поведение позволяет человеку занять выжидательную позицию - неблагоприятные обстоятельства могут со временем перестать действовать - и экономить силы - они могут потребоваться, если подвернется благоприятный случай. Но тем самым человек поддерживает проблемную ситуацию, ощущает ее хотя бы бессознательно, т.е. напряженность полностью не снимается. Кроме того, самоизоляция не спасает человека от воздействий внешнего мира, который продолжает развиваться "без него". А это означает, что в динамичных условиях элементы среды множатся и меняются, но человек не контролирует их место в ситуации и потому последняя постепенно теряет для него смысл.

Третий тип поведения свойствен людям, для которых ситуация оказывается субъективно напряженной, но переносимой, и они ориентированы не на разрушение или избегание, но на изучение и "диалог" с ней. Активизирующее в этом случае внимание и интерес к решению проблемы позволяет людям контролировать достаточно широкое поле своего окружения и в то же время отвлекаться от излишних сомнений и агрессивных побуждений. В отличие от первых двух типов представители этого типа личности не стараются "отделаться" от ситуации, но проявляют намерение попробовать жить в ней. Человек старается найти возможность "сконструировать" свои отношения с имеющимися элементами окружения, выделяя наиболее устойчивые из них как своего рода "правила игры", которые следует принимать

как исходные данные, а не пытаться их сразу разрушить или игнорировать. Ориентация на такое изменение ситуации проявляется в структурировании - шаг за шагом - последовательного решения проблемы. Этот тип поведения личности в стрессовой ситуации назван Э.А.Орловой "конструктивным". Именно этот тип личности склонен находить выход из стрессовых ситуаций.

Рост стрессовых ситуаций в сознании этнофоров характерен для всех народов. Он связан с постоянным увеличением социального и этнокультурного неравенства между этнофорами, дегуманистическими тенденциями, наиболее отчетливо проявившихся в последнее время. Если говорить о традиционных этносах, то одной из основных причин стрессового состояния этнического сознания выступают экологические кризисы. По сведениям органов здравоохранения Якутской (Саха) Республики и Тюменской области большинство коренного населения Сибири страдает от недомогания, нарушения сна, усталости, отверженности или тревожности, у большинства детей, находящихся в дошкольных учреждениях и школах-интернатах, наблюдаются симптомы эмоционального неблагополучия. Значительную роль играют стрессогенные факторы в распространении у народов Севера пьянства, алкоголизма, суицида.

Таким образом возникла необходимость широкого научного исследования концепции стресса в аспекте этнических особенностей его проявления у разных народов. Эти исследования можно рассматривать как часть всемирного движения по охране природы. Человек - представитель традиционного этноса рассматривается при этом как важнейший элемент биосферы, подлежащей защите. Важное место в исследовании стрессогенных факторов в сознании этнофоров занимает изучение психологических последствий аккультурации. Аккультурация вызывает стресс как на личностном, так и на групповом уровнях.

Прежде чем перейти к анализу проявления стрессовых ситуаций на уровне общественного сознания малочисленных этносов, рассмотрим механизмы действия стрессогенных факторов на уровне личностного сознания этнофора.

Основоположник теории стресса Г.Селье рассматривал не только чисто медикобиологические аспекты этого явления в живом организме но и его воздействия на все виды и формы поведения личности. В теоретических построениях Г.Селье присутствуют размышления относительно причинности и целесообразности стресса. По мнению Г.Селье, стресс может выражаться на самых разных уровнях: это локальные структуры в организме, при "местном адаптационном синдроме это весь организм, отвечающий "общим адаптационным синдромам", это та или иная совокупность людей при социально-психологических, массовых проявлениях эмоционального стресса⁴. Идея о существовании скрытых дополнительных свойств организма в какой-то мере находит воплощение в концепции стресса в виде дополненности специфических и неспецифических проявлений адаптации живых объектов к требованиям среды.

Окружающая среда (экологическая система, общественные, в том числе и межэтнические, отношения) ставят этнофора в экстремальные условия, которые вызывают у него стрессовые реакции. Экстремальные ситуации делят на кратковременные, когда актуализируются "психологические программы реагирования", которые в человеке всегда "наготове", и на длительные, которые требуют адаптационной перестройки функциональных систем человека⁵.

⁴См.: Селье Г. На уровне целого организма. М.,1966; Он же. Стресс без дистресса. М.,1979.

⁵См.: Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.,1983. С.12.

При кратковременных сильных экстремальных воздействиях на этнофора ярко проявляются разные симптомы стресса. У него может наступить состояние шока, когда человек уже не ориентируется в системах социальных и моральных ценностей, на какое-то время как бы дезориентируется, потеряв способность воспринимать этническое в его целостности. В таких ситуациях многое зависит от индивидуальных особенностей человека, его адаптационных возможностей. Поведение этнофоров в экстремальной обстановке в основном типологизируется в зависимости от принадлежности их к отмеченным выше психологическим типам личности. По нашим наблюдениям, у разных малочисленных народов различно соотношение представителей этих трех типов. У тех народов, где преобладают этнофоры второго типа (к ним относится большинство малых народов Севера), стремительнее разрушаются традиционные этнические ценности, размывается этническое самосознание на личностном уровне. Человек старается скрыть свое этническое происхождение, если возникает такая возможность. Ситуации сильного кратковременного стресса, переходящие в шоковое состояние, складываются преимущественно у этнофоров, покинувших по тем или иным причинам свою этническую среду (мигранты, маргиналы). Этнофоры первого типа в условиях кратковременного стресса редко находят "программу" для построения новых условий и действия в них. В основном их действия направлены на разрушение условий, что приводит их к психологическим срывам, антиобщественным поступкам и другим негативным последствиям.

Кратковременный стресс - это как бы всестороннее проявление начала длительного стресса. При действии стрессоров, вызывающих длительный стресс (а длительно можно выдерживать только сравнительно небольшие нагрузки), начало развития стресса бывает стертым, с ограниченным числом заметных проявлений

адаптационных процессов. Поэтому кратковременный стресс можно рассматривать как усиленную модель начала длительного стресса. И хотя по своим бросающимся в глаза проявлениям кратковременный и длительный стресс отличаются друг от друга, тем не менее в их основе лежат идентичные механизмы, но работающие в разных режимах (с разной интенсивностью). Длительный стресс у этнофоров может вызвать не только возникновение экстремальных ситуаций, обусловленных изменением социокультурного состояния человека, но и постоянным неблагоприятным воздействием на тот или иной этнос макросреды. При длительном этническом стрессе у этнофора возникает постоянное состояние тревоги, неосознанного страха, ожидание беды или несчастья. У человека может возникнуть ощущение своей неполноценности, которая осознанно или бессознательно связывается со своей принадлежностью к определенному этносу. Невозможность или затруднительность человека адаптироваться в макросреде только усугубляет его тяжелое психологическое состояние. Наиболее тяжело длительный стресс переносят этнофоры первого и второго типов.

Представители третьего (конструктивного) типа, а их, по нашим наблюдениям явное меньшинство, в условиях действия длительных неблагоприятных факторов для своего этноса стараются приспособиться к новой ситуации, попытаться "жить в ней". Однако тупиковое положение малых этносов в том или ином региональном межэтническом сообществе не дает оснований для какого-либо конструктивного решения проблем и этнофоры с первоначально оптимистическими установками начинают испытывать стрессовое состояние.

Стрессовые состояния в общественном сознании малочисленных народов обуславливается противоречиями их социокультурного развития, а также взаимодействием разных уровней этнического самосознания с осознанием своей принадлежности к макрообществам.

Многоступенчатость и иерархичность самосознания малочисленных народов усугубляет негативные психологические последствия кризисных явлений. Так малочисленные народы, как и все население, подвержено футуризму, вызванному тем, что в последнее время все изменения происходят с ускорением, и к ним не готовы ни все население, ни отдельные народы или люди. Крупные изменения порождают большой стресс. Главная психологическая опасность в условиях всеобщего кризиса - в огромном количестве неопределенностей, ведущих к стрессам у всех социальных и этнических групп. Законодательная вакханалия в государствах, входящих в СНГ, вызывает у людей непонимание какие законы действуют, какие - нет. Людям неясно, кто сейчас решает какие вопросы. Так, в России вводятся акты, которые противоречат не только прежним постановлениям, но и ожиданиям ее граждан. Велика неясность и в области стратегических задач. Лишенные патерналистской поддержки бывшего Союза национальностей в суверенных государствах испытывают (и не без основания) тревогу и беспокойство за свою судьбу, за будущность своих детей. Крушение этатического патернализма по отношению к малым народам имеет и такой психологический итог. В условиях распада унитарного централизованного государства нарушается нормальный баланс между свободой действий и ответственности за его результат. Возникающая свобода часто ассоциируется со свободой разрушения. А чувство ответственности снижается в связи с массовостью событий. Новые власти, отвергнув так называемую ленинскую национальную политику и идеи пролетарского интернационализма в существовавших ранее в стране формах государственного перераспределения между республиками и народами национального дохода, не осознали до конца того, что свобода построения новой системы межнациональных и межэтнических отношений в каждом своем шаге предполагает понимание ответственности за этот шаг.

Но пока новые власти по чисто психологическим причинам стремятся снизить уровень ответственности за судьбу малочисленных народов и национальных меньшинств даже в законодательных актах. Все это вызывает у их представителей чувства неопределенности, тревоги и страха, которые ввиду своего постоянства действия на общественное сознание, вызывают у этнофоров глубокий и длительный стресс.

Крушение унитарной сверхдержавы, какой был Советский Союз в течение ряда десятилетий, вызвало неоднозначную психологическую реакцию у различных социальных и этнических групп. Наряду с позитивными оценками процессов формирования на основе демократизации общества на развалинах бывшей империи суверенных государств у многих представителей национальных меньшинств, как показывают наши наблюдения, теряется представление о легитимности власти, складывающейся на основе национальной идеи, ибо в структуре этой власти для национальных меньшинств не находится места. Лишенные защиты и опеки центра, национальные и этнические группы в национальных суверенных государствах, отдающих приоритетное место во всех сферах жизнедеятельности лицам коренной национальности, испытывают чувства ущемленности, бесперспективности своего социокультурного развития.

Крушение великодержавной москвоцентристской интернационалистской идеологии вызвало в массовом сознании чувства неприятия всего недавнего исторического прошлого, общенационального нигилизма. Зарубежные наблюдатели с удивлением отмечают, что в средствах массовой информации и в настроениях людей царят безверие, общенациональное самоуничтожение, массовый психологический мазохизм. Этнофоры - представители крупных наций пытаются найти выход из психологического кризиса в национальной истории. В ряде мест, особенно там, где в прошлом существовала

национальная государственность, происходит бурный рост национального самосознания, который с недоверием и тревогой воспринимается проживающими там национальными меньшинствами.

Идея исключительности советского народа как новой исторической общности оказалась привлекательной не только для идеологизированной многонациональной господствующей на всех уровнях управления страной прослойки, но и для широких масс населения, в том числе и для многих представителей национальных меньшинств. Очень привлекательной оказалась эта идея и для мигрантов и маргиналов. Не найдя своей психологической и социокультурной ниши в каком-нибудь определенном этносе или национальной общности, испытывая синдром деэтнизации сознания, многие мигранты, маргиналы, а также дисперсно расселенные представители национальных меньшинств в концепции советского народа как новой исторической общности видели свой шанс найти достойное место в общественной жизни. Более того, насаждаемые сверху всеми средствами идеологического воздействия общесоветское этатическое самосознание; общесоветская гордость создавали для всех деэтнизированных слоев определенный психологический комфорт, ослабляя у некоторых представителей этих слоев чувства неприкаянности, национальной или этнической неполноценности. Осознание своей принадлежности к великой метаэтнической державе часто перерастало в психологии этих людей в синдром величия, персонификации исторических достижений государства. В реальной жизни эти синдромы и комплексы выражались в высокомерии и чванстве по отношению к иностранцам - особенно представителям малых и средних государств, а внутри страны резкое и активное неприятие всяких национальных идей. Подобного рода психологическим установкам способствовала конкретная идеологическая деятельность государственных институтов, подавляющих рост национального са-

мосознания посредством растворения его в общесоветском самосознании. Бурный рост национального самосознания у всех слоев населения, который особенно усилился после распада СССР и образования новых независимых государств резко негативно отразился на людях, у которых этническое и национальное самосознание отсутствует или слабо выражено. Они оказались как бы на обочине развития национальных процессов. Общесоветские, так называемые интернационалистские, классовые ценности рассыпались, а в системе чисто национальных ценностей, в национальной идее они (и не без основания) видят угрозу своему материальному благосостоянию, социальному статусу и перспективам культурного развития. В основной массе эти люди не группируются по этническому или национальному признакам, так как представляют собой разнородный конгломерат маргинальных слоев, и не находя психологической разрядки в конструктивной деятельности психологически "зациклены на себя". Их душевные усилия, ранее направленные на борьбу с чем-то обязательно внешним, сейчас не находят применения, поэтому их сознание подвержено более сильному, чем у "националов" стрессовому прессингу, ведь у последних возможность подменить внутреннюю душевную работу внешней политизированной мобильностью, дающей ощущения сиюминутной, хотя, в общем, мнимой разрядки, более реальна. Кроме того, новые идеологи национального сознания, часто из личной корысти или самосохранения, накаляя общественную ситуацию, переключают все формы социально-бытового и национального раздражения вовне - в инонациональную и иноэтническую среду. В то же время многие люди со сформированным общесоветским самосознанием не в силах принять всю полноту правды о так называемом социалистическом интернационализме о стране с ее прошлым и настоящим и ее ленинской национальной политике, о себе - социалистического типа личности, "патриоте-интернационали-

сте". "Социалистического" типа личность испытывает двойное разочарование: в непогрешимой верности общедержавного пути в "светлое будущее" и в том, как прожиты собственные годы. Но особенно тяжкий стресс вызывает ощущение отсутствия каких-либо перспектив в будущем, потери духовных ориентиров в жизни многонационального сообщества.

Растерянность разума, подавленного стремительностью перемен и переоценок, вызывает у людей состояние, которое психологи определяют как синдром блуждающего сознания. Человек искренне хочет пробиться из засилья всяческих мнимостей к чему-то действительно стоящему, из сознательного анабиоза к активной гражданской позиции. Но эти метания без ясно понятой цели (хорошо бы "стать во главе какого-нибудь небольшого национального или этнического, но не "националистического" движения") только подчеркивают растерянность перед открывшимся в полной практической мере неблагоприятным общенациональным судьбы.

В цепи разрушения мифологизированного общесоветского сознания важное место занимает крушение мифа об особом, так называемом некапиталистическом пути к коммунизму, проживающих в СССР традиционных этносов. В основание этого мифа была положена концепция В.И.Ленина, сформулированная им в известной речи на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., "с помощью пролетариата передовых стран отсталые народы могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития - к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития"⁶. Разумное в своей основе стремление подтянуть хозяйственный, культурный и бытовой уровень малочисленных народов к среднему общесоюзному стандарту, который олицетворял тогда рабочий класс и крестьянство центральных областей России, оказалось извращено с самого начала, когда уже

⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.41. С.246.

в середине 20-х годов была поставлена задача за 5-7 лет полностью изменить образ жизни "туземцев", сблизить их культурный уровень с культурным уровнем русских крестьян. Задача нерешаемая и заведомо невыполнимая. Но она была поставлена, и уже в середине 30-х годов прозвучали победные рапорты о ее успешном выполнении. Скачок от патриархально-родовой стадии к социалистической, который малочисленные народы, как утверждалось, проделали за полтора десятка лет, сопровождался мощной психологической ломкой сознания тысяч людей. Аборигенам усиленно вколачивались "пролетарские классовые" ценности, беспощадно искоренялась традиционная религиозная и духовная культура.

Следует заметить, что традиционная духовная культура и религиозные верования сибирских аборигенов уже с XVII в. подвергались гонениям со стороны государства и православной церкви. Этому способствовала и насильственная христианизация коренного населения, начавшаяся в начале XVIII в. Однако несмотря на довольно жесткие меры по принудительному обращению "инородцев" в "истинную веру" православие мало затронуло традиционное этническое сознание, их ценностные ориентации. Более или менее прочно христианство утвердилось только в контактных зонах проживания аборигенов совместно с русским православным населением (старообрядцы в религиозные контакты с иноверцами не вступали). Следует заметить, что религиозные представления у разных народов Севера содержали в себе ценности, которые возникли конвергентно, независимо от влияния христианства, но в то же время по своему нравственному потенциалу поднимались до вершин христианской этики. Многие моральные установки народов Севера совпадали с христианскими заповедями. Это касается, в первую очередь заповеди "не убий". В некоторых языках народов Севера нет даже глагола, означающего убить человека. Жизнь своего сородича, соплеменника и человека вообще считалась высшей ценно-

стью. Этносы, проживавшие вдали от конфликтных зон степных кочевых народов, между собой не воевали. Суровые условия, вызывавшие высокую смертность, заставляли ценить всякую человеческую жизнь, сохранившуюся в этих условиях. Шайки "лихих людей", для которых "ни заповедей нет, ни на жизнь запрета нет", до конца XIX в. в районы массового расселения аборигенов не попадали и оказать влияние на их массовое сознание не могли.

Размывание структуры традиционного этнического сознания аборигенов Сибири началось в связи с проникновением русского торгового капитала, начавшееся после отмены крепостного права и достигшего своего пика в первом десятилетии XX в. Этнографы того времени отмечают болезненные процессы в духовной жизни "туземцев", попавших в сферу влияния тех отношений, для которых главный принцип - "не обманешь, не продашь". Растлевающее воздействие этой морали, ее коллизии с традиционными нравственными ценностями стали причиной массового пьянства, полной потери интереса к жизни, труду и отсутствия желания содержать своих детей и т.д. Однако к счастью коренного населения вторжение русского торгового капитала было ограничено в пространстве и, поглотив пушной промысел, не коснулось других традиционных сфер жизнедеятельности аборигенов - оленеводства, охоты на мясного зверя и рыболовства. Следует при этом заметить, что стрессовые ситуации в сознании традиционных этносов того времени порождались объективными условиями жизни, а не массированным идеологическим и религиозным воздействием на само сознание. Но уже в то время этнографы отмечали резкое несоответствие общинно-уравнительного сознания аборигенов принципам рыночной экономики. Как мы уже отмечали выше, всякое стремление к наживе и обогащению было непонятно большинству коренного населения и всячески осуждалось.

Тотальное идеологическое воздействие на сознание традиционных этносов началось в 30-е годы в связи с так называемой советизацией, что уже тогда привело его в состояние длительного стресса. Ученые-этнографы 20-х годов предупреждали о возможных катастрофических последствиях для материальной и духовной культуры "братской помощи русского пролетариата в деле быстрого построения "социализма". Так Б.Э.Петри отмечал, что "эта своеобразная индустриализация наших туземцев - опыт крайне опасный. Он требует большой осторожности"⁷. Крупнейший русский этнограф С.М.Широкогоров, анализируя соотношение этнической культуры с этническим сознанием, подчеркнул, что скачок в будущее традиционного этноса неизбежно нарушит закон равновесия культуры, который заключается в том, что если нарушить связь между различными элементами этнических комплексов, то разрушается и вся культура. По мнению С.М.Широкогорова, духовная культура может изменяться лишь с сохранением равновесия "плавучести"⁸.

Этническое сознание аборигенов до начала советизации находилось в относительном равновесии, в котором его религиозно-мифологический уровень гармонично сочетался с комплексом обыденно-практических представлений. Традиционное мировоззрение основывалось на идее единства человека и мира - мир воспринимался как непосредственное жизненное пространство; категории понимания вселенной были "человечными", духи соотносились с душами, время измерялось жизненными процессами, пространство - мерами человеческого тела из отрезков пути. Религия сибирских аборигенов представляла собой основу и язык духовной импровизации. Социальные исследования этноистори-

⁷Петри Б.Э. Карагасский суглан. Иркутск, 1927. С.2.

⁸См.: Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.

ков показывают, что религия народов Севера всегда была отзывчива на любые серьезные изменения их социально-экологической среды, и тем самым являлась неотъемлемым компонентом их культуры.

Наступление на духовную культуру и традиционные ценности этносов Сибири началось с гонений на носителей религиозного сознания, а с открытием школ и идейной борьбой с религиозными представлениями. На Севере идейная борьба с религией оказалась наиболее груба и жестока. Согласно марксистско-ленинской концепции, религия - опиум для народа и обречена на вымирание как всякая "классовая" мифология вместе со своими посетителями. В связи с этой установкой шло члребление шаманов и других служителей культа, что вызывало у коренного населения состояние страха и возмущения. Ведь шаманы были наиболее уважаемые люди - посетители духовной культуры народа. Стрессовое состояние сознания аборигенов усугубляло и то, что они не понимали сущности происходящего. Ведь то новое сознание, которое вносилось советской властью, не соответствовало традиционным представлениям о мироздании. Если только бытие определяет сознание, как утверждает марксизм, если происхождение человека только натуралистично и эволюционно, если историческое движение детерминировано только производственными отношениями, полностью разгадываемо и, следовательно, научно конструируемо, то где здесь место для Пуппи-Нуми-Торыма - верховного духа, менков - добрых духов, населявших леса, озера, реки, болота и всегда в трудную для человека минуту готовых придти к нему на помощь. Если мораль относительна и имеет классовый характер по преимуществу, то где здесь место для осознания родовой солидарности через общеродового тотема? Нет места в этой системе воззрений и мысли о самоценности всякой человеческой жизни, убежденности, что ни при каких обстоятельствах нельзя убивать "себе подобного" (как отмечалось выше, в некоторых

языках народов Севера нет даже глагола "убить", а есть глагол в переводе на русский язык, обозначающий процесс охоты на зверя; в сочетании со словом "человек", он приобретает значение "охотиться на человека", что соответствует понятию "поедать человека", т.е. заниматься каннибализмом, чего у народов Севера в исторически обозримом прошлом, даже в экстремальных условиях не наблюдалось).

По силе давления на традиционное сознание аборигенов советизация не сравнима с попытками приобщить их к православию. Большевизм логично назвал свой атеизм "воинствующим": победившая утопия исключала традиционное этническое понимание бытия и энергично, и наступательно принялась его выкорчевывать. Приверженность этнофоров к своей духовной культуре рассматривалась как отставание их сознания от уже наступившего социалистического бытия. Естественное для народов Севера чувство родственной взаимопомощи организационно и идеологически преследовалось. Кровнородственные и тотемные группы под надуманными предложениями, и по абсурдным критериям стремились разделить на угнетателей и угнетенных, "кулаков и бедняков". "Комплекс Павлика Морозова", насаждавшийся в школах-интернатах, объективно способствовал разрыву межпоколенных связей аборигенов, разрушению механизмом межпоколенной трансляции духовной культуры, единого потока этнического сознания. Дроблению синкретического этнического сознания способствовали также не только нарушение межпоколенного менталитета, но и возникновение новых социально-профессиональных, маргинальных и метисных групп со всей совокупностью комплексов их "несчастливого сознания".

Апогей всестороннего прессинга на этническое сознание традиционных этносов приходится на 60-80-е годы. Связано это с тотальным наступлением на этнические культуры малочисленных народов массовое уничтожение селений, т.е. разрушение пространственной

структуры этноса, насильственный перевод кочевого населения на оседлость, отмена преподавания на родных языках, разрушение традиционной системы брачных отношений и семьи, введение интернатского воспитания, официальная установка на естественную ассимиляцию, аксиологический подход к духовной культуре с позиций классовой морали. По данным опроса экспертов, который проводился нами в нескольких регионах Сибири, стрессовое состояние этнического сознания в этот период проявлялось в постоянно усиливающемся ощущении ущербности своей этнической культуры в целом. Молодежь стала стыдиться своей этнической принадлежности. Несмотря на северные льготы молодые северяне (особенно те, которые родились в национально смешанных семьях) стремились хотя бы формально сменить свою национальность, на индивидуальном уровне снять этнострессовое состояние психологическим бегством из своей непристойной этнической среды.

В этот период целые пласты этнической духовной культуры были обречены на исчезновение. Ценными признавались лишь те формы культуры, которые официально культивировались верхами и соответствовали тогдашней идеологической парадигме (вновь созданная профессиональная литература, не имевшая этнических корней, танцевальное искусство, некоторые виды прикладного искусства). В этой связи в общественном сознании и в сознании отдельных этнофоров возникли пустоты, которые стали заполнять не позитивные ценности русской и мировой культуры, а все то худшее, что несет современная цивилизация. Если в сознании целого народа начинают преобладать темные тона, когда традиционно-мифологическое разрушено, то как отмечают социальные психологи, наступает период нового мифотворчества, или же полная психологическая протрация. У народов Севера возобладала вторая тенденция. Большая часть представителей этих народов смирилась с осознанием своей мнимой этнической непол-

ноценности, значительная часть их опустилась, предавшись полному безделью и пьянству. Возникшая за годы советской власти национальная интеллигенция в основном руссифицировалась, потеряв связь с культурой своего народа, забыв родной язык. Исключение составляли только представители творческой интеллигенции, которые в настоящее время и поднимают вопрос о катастрофическом положении малочисленных народов.

В дезинтегрированных этнических общностях, представители которых были рассеяны среди массивов крупных этнонациональных образований, стрессовое состояние сознания на групповом уровне не наблюдалось. Каждый этнофор в иноэтнической среде реагировал на неблагоприятные условия индивидуально. Однако и среди представителей этой группы этнофоров преобладают люди с пассивной реакцией на происходящие события: большинство из них, как показывают наблюдения, мирятся с мыслью, что их положение плохое и ситуация неразрешима, отказываются от каких бы то ни было действий, связанных с ее изменением. Наблюдатели отмечают, что одинокие этнофоры склонны предаваться фантазиям, мистическим переживаниям. Эти люди восприимчивы к новым мифологемам, охотно вступают в религиозные сообщества, если их туда принимают.

Как ни покажется парадоксальным, но с началом перестройки стрессовое состояние этнического сознания не только не ослабло, но, наоборот, усилилось. Этому способствовали в первую очередь объективные причины - ухудшилась и без того тяжелая экологическая ситуация, обесценились денежные дотации, поступающие по различным программам социального развития народов Севера. Однако главная особенность нынешнего стресса заключена в том, что он порожден в более значительной мере, чем прежде психологическими факторами. Благодаря работе средств массовой информации, выступлениям деятелей науки, культуры забившим тревогу отно-

сительно катастрофического положения малочисленных народов России, все внимание было сосредоточено на негативных сторонах жизни коренного населения, что только усиливало ощущения безысходности наступающего апокалипсиса, предчувствие людьми неизбежности гибели своего рода, свидетелями чего они являются. Вот как передает эти настроения хантыйский общественный деятель Еремей Айпин: "Кончилась земля предков и кончился наш род, заселявший все среднее течение реки Аган... Род кончился как теперь я помню от чувства безысходности, обреченности. В возрасте до 35-40 лет, преждевременно, по пьяному делу, погибли почти все мои двоюродные и троюродные братья.

Айпин Ефим - с катера упал в воду, утонул.

Айпин Галактион - возвращаясь из поселка, провалился в полынью, утонул.

Айпин Никита - с моторной лодки упал в воду, утонул.

Айпин Дмитрий - с моторной лодки упал в воду, утонул.

Айпин Айсыр - возвращался из поселка, замерз на зимнике. А его жена немного позже, на том же зимнике, на оленьей упряжке попала под машину и погибла.

Айпин Антон - с причала свалился в воду, утонул.

Айпин Максим - в возрасте 17 лет убит выстрелом в упор приехавшим в селение пьяным мужиком - лесорубом.

Лейков Галактион - выпал с лодки в воду, утонул.

Лейков Леонид - свалился со шлюпки в воду, утонул.

Дядя Айпин Василий Ефремович - в пьяном виде уснул и не проснулся.

Айпин Михаил - в пьяном виде уснул и не проснулся...

Ничего мне не нужно... Дайте мне только землю. Дайте землю, где бы я мог пасти оленей, промышлять зверя и птицу. Ловить рыбу. Дайте землю, где бы моих

олений не съедали бродячие собаки, где бы мои промысловые тропы не вытаптывали браконьеры и машины, где бы по рекам и озерам не разливался черный горячий жир земли - нефть. Нужна земля, где бы неприкосновенным оставались мой дом, святилище и место вечного покоя. Нужна земля, где бы меня не раздевали и не разували среди бела дня. Дайте мне не чью-нибудь, а мою землю"⁹.

Но не у всех этнических групп народов Севера стресс общественного сознания выражается в такой апокалипсической форме. Под влиянием национальных процессов, происходивших в России в последнее время, у некоторых народов усилились настроения традиционализма и в определенной степени этноцентризма. Носителем таких взглядов выступает новая этническая интеллигенция, которая пытается реанимировать традиционные духовные ценности в сознании молодежи, сформировать чувства национального достоинства. Активно пропагандируются, например, у народов Южной Сибири традиционные формы религии (создаются школы шаманизма, в которых ведется обучение традиционным обрядам камлания, обрядам жертвоприношения животных и т.д.). Появились призывы вернуться к родовому строю, изгнать пришельцев, возродить племенные образования. Разумеется, эти призывы отчаяния не находят поддержки у основной массы аборигенов, поскольку их утопичность заведомо видна и самим инициаторам этих призывов. Кроме того, этнический экстремизм никогда в прошлом не был характерен для малочисленных народов Севера. Большинство деятелей культуры малочисленных народов считает, что все их проблемы должны решаться в пределах единого Российского государства.

⁹Айпин Е. И уходит мой род// Народов малых не бывает. М., 1991. С.129-130.

В то же время разочарование в "патерналистской благотворительности" государства, которое в связи с переходом к рыночной экономике может прекратить дотирование автономных округов и районов, порождает у беднейших слоев, привыкшим к государственным подачкам и в значительной мере к социальному иждивенчеству, феномен отчужденности по отношению к новым демократическим властям. В целом перспектива жить в условиях рыночных отношений вызывает безрадостные настроения у основной массы аборигенов Севера. И эти опасения не напрасны. Традиционные этносы не готовы к рынку ни в социально-экономическом, ни в психологическом плане. Большинство этнических групп на Севере практически не имеют психологических установок на получение какой бы то ни было прибыли от своей деятельности. У них и в прошлом не было навыков и традиций существования в условиях торгово-экономических отношений, работы по найму, торгового предпринимательства. Всем этим занималось прошлое население. Аборигены были в основном объектом эксплуатации, грабежа и обмана. Поэтому у них сформировались устойчивые психологические стереотипы резкого неприятия предпринимательства. Причем особую тревогу внушают ожидаемые потери социального характера, которыми коренное население будет расплачиваться за включение в рыночную экономику. Это оказывает деморализующее действие на настроения людей, усугубляет ощущение безысходности, формирует чувство страха перед каким-либо изменениями в жизни вообще. Подобного рода настроения с ностальгией по традиционному укладу жизни находят свое отражение в призывах к хозяйственной самоизоляции аборигенов, к отказу от достижений техногенной цивилизации в целом, в утопических концепциях развития традиционных этносов в будущем. При этом подчеркиваются преимущества традиционного уклада: близость человека к природе, отсутствие эксплуатации человека человеком, взаимопомощь.

В сознании аборигенов утвердился стереотип о человеке-носителе техногенной цивилизации как об инвалиде непременно погибающем, оставшись один на один с природой.

Конечно, подобные представления наивны, однако следует отметить, что в основе их лежит неудовлетворенность той ролью, которую доминирующее общество отвело коренному населению. Интуитивный страх людей перед грядущими рыночными отношениями вполне оправдан. Ни в одной из развитых стран, как показывают зарубежные этносоциологические исследования, не удалось в полной мере гармонизировать рыночную экономику, техногенную цивилизацию с традиционной культурой малых народов. Коммерциализация традиционных видов жизнедеятельности коренного населения подсознательно воспринимается этнофорами как насилие над естественной сущностью человека и вызывает осознанный или бессознательный протест. В сознании большинства людей не укладывается, как это можно за деньги оказать помощь друг другу, стремиться что-то купить дешево, а затем этот товар сбыть дороже и т.д. Даже молодежь, как показывают социологические исследования, утратившая навыки традиционного жизнеобеспечения и традиционные черты образа жизни, не готова в основной своей массе жить в условиях рыночных отношений. Оказавшись в пограничной ситуации, молодые аборигены не находят в себе психологического потенциала и воли самоутвердиться в новых условиях. Формализация межличностных отношений, господство административно-командной системы и денежных отношений большинством молодежи интуитивно, так же как и их родителями, воспринимается как расчеловечение человеческих отношений. Психологическая реакция на все это крайне болезненная: небывалое ранее у народов Сибири ожесточение молодежи - резкий подъем преступности; среди преступлений преобладают противоправные действия против личности, растет среди мо-

лодежи и суицид. Переломить развитие такой ситуации, сформировать позитивные психологические установки на рыночные отношения пока не удается.

В последние годы наблюдается и некоторая политизация общественного сознания народов Сибири и Дальнего Востока. Связано это с возросшим вниманием общественности страны к бедственному положению малочисленных народов, выдвижением их представителей в российский парламент. Эти обстоятельства вызвали в структуре этнического сознания и самосознания рост этноцентристских настроений. В связи с этим в кругах этнической интеллигенции начались бесконечные тяжбы относительно того, который из коренных народов древнее. Эти бессмысленные прения с привлечением на свою сторону этнической мифологии вносят еще большее психологическое напряжение в жизнь аборигенов, сеют неприязнь между отдельными этническими группами, усугубляя и без того тяжелое стрессовое состояние этнического сознания малочисленных народов.

Есть ли какие-нибудь надежды на выздоровление больного или как его еще называют "несчастливого" сознания народов. Взоры сегодняшних людей обращены к религии, которые надеются в ней найти спасение от душевного смятения, всеобщего разочарования, уныния, ожесточения, насилия, ненависти. Один из религиозных проповедников-миссионеров, исповедавший синтез православия и местных религий, считает, что все беды человеческого духа северных народов заключаются в том, что люди вышли из-под материнского контроля и руководства Природы, ее Главного Духа, Отца жизни. Все люди независимо от их этнической принадлежности - сыны одного Верховного Бога (а не племенных божеств и тотемов) и должны исполнять Его волю. А Его воля есть Любовь - братская любовь всех людей. Эти мысли

перекликаются с учением Л.Н.Толстого, который не видел принципиальной разницы между христианством и другими религиями (например, буддизмом), которые проповедали Бога всеобщей любви, отрицание личного и узкогруппового (этнического) Бога. Однако эти идеи не находят пока отклика ни в сознании простого народа, ни в среде этнической интеллигенции. Последняя выступает даже с антиправославных позиций, отмечая, что православие ничего не дало аборигенам в развитии их духовной культуры и в то же время способствовало вытеснению традиционных форм религии. Отсутствие единства в тактике нравственного воспитания в деятельности различных конфессий отнюдь не способствует возникновению и укреплению братской любви людей разной этнической и религиозной принадлежности. Более того межконфессиональные раздоры ожесточают людей не в меньшей степени, чем межнациональные конфликты.

В современной публицистической литературе утвердилось мнение, что в массовой бездуховности народов, населяющих Россию, виноват только коммунизм, и кризис общественной жизни разразился в связи с перестройкой. А раз так, достаточно сменить политическое руководство и коммунистическую идеологию и общественное сознание начнет выздоровление. Об иллюзорности таких представлений говорит исторический опыт России. "Вся Россия стонет от ужаса вырвавшихся наружу, ничем не сдерживаемых зверских инстинктов, побуждающих людей совершать самые ужасные, бессмысленные убийства...

Положение России ужасно. Но ужаснее всего не материальное положение, не застой промышленности, не земельное неустройство, не пролетариат, не финансовое расстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революция. Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий. Ужасно то, что большинство русских людей живет без какого бы то ни

было нравственного или религиозного обязательного для всех и общего всем закона: одни, признавая религией отжившие, не имеющие уже никакого разумного смысла, ни главное, обязательного для поведения значения, старинные верования, руководятся в жизни только своими соображениями и вкусами; другие же, признавая ненужность каких-либо верований (религии), точно также руководятся только своими самыми разнообразными соображениями и желаниями. Так что большинство людей, действующих теперь в России, под предлогом самых разпоречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности руководствуется только своими эгоистическими, почти животными побуждениями"¹⁰.

В этом высказывании великого русского писателя дано емкое определение состояния общественного сознания народов России начала XX в., когда православие было государственной религией, а Закон Божий преподавался во всех учебных заведениях, начиная с церковно-приходской школы. И мы видим, что результаты воздействия на общественное сознание народов России двух государственных религий - православного "обрядоведения" и марксистско-ленинской идеологии одинаковы: массовое безверие и как выразился Л.Н.Толстой, сознательное непризнание духовных начал (нравственности, духовной природы). Как повернуть сознание людей к высокой духовности с тем, чтобы от авторитарной храмовой религии, подавляющей человека, перейти к такой религии, которая бы обеспечила человеку постоянную духовную работу, величайшее напряжение его совести, разума, нравственной воли, над чем уже тысячу лет "работает" христианская традиция в России. И несмотря на тяжесть этого труда у христиан всегда остается надежда, которая снимает стрессовое состояние души, приносит утешение.

¹⁰Толстой Л.Н. Круг чтения. М., 1953. Т.П. С.49.

А как быть тем малочисленным и обездоленным народам, у которых нет христианских традиций, и которых обстоятельства заставляют жить без всякой надежды на лучшее и без какого-либо расчета на свой успех. Печать безысходности, если она вселяется в атеистическое или языческое сознание, трагичнее и сильнее, чем у самой мрачной христианской апокалиптики с ее упованиями на нечто брезжущее впереди, после "светопреставления". Загробное воздаяние, бессмертие души, промысел всевышнего как залог ненанасности земных испытаний - всех этих утешений веры у неверующих нет. Так где же выход? Каким образом можно вывести сознание народа, считающего себя обреченным из состояния коллапса?

Альбер Камю отметил как-то, что древние греки "последней из ящика Пандоры, где кишели беды человечества, выпустили именно надежду как ужаснейшее из всех зол". "Я не знаю, - пишет далее он, - более впечатляющего символа. Ибо надежда, вопреки общему мнению, равносильно смирению. А жить означает не смиряться... Дела пойдут гораздо лучше, когда раз и навсегда покончено с надеждой... Ибо именно готовность к худшему призвана вернуть вкус к быстротекущей жизни"¹¹. И быть может именно потеря надежды "на светлое будущее" придаст малочисленным народам духовные силы и они с трагическим стоицизмом бросят свое дерзкое несогласие натиску обстоятельств и вопреки всем напастям сохранят свое имя, язык и духовную культуру.

¹¹См.: Великовский С. Грани "несчастливого сознания". Театр, проза, Философская эссеистика, эстетика Альбера Камю. М., 1973. С.77-99.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Типологизация малых народов.....	10
Глава вторая. Этноэкологические кризисы и проблемы этнического выживания малых народов	34
Глава третья. Модернизация и социальная структура	69
Глава четвертая. Этнодемографические процессы и проблемы этнической консолидации	106
Глава пятая. Аккультурация и кризис традиционных этнических ценностей	124
Глава шестая. Стрессовое состояние этнического сознания	154

Научное издание

БАБАКОВ Владимир Герасимович

КРИЗИСНЫЕ ЭТНОСЫ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник *В.К.Кузнецов*
Технический редактор *Н.С.Белыева*

Подписано к печати 29.07.93.
Формат 70x10⁰ 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 5.72. Уч.-издл. 7.93. Тираж 500 экз. Заказ № 045.

Компьютерный набор и верстка оригинала-макета осуществлены
в Институте философии РАН
Оператор *Т.В.Прохорова*
Программисты: *С.Л.Гурко, С.А.Павлов, Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
118942, Москва, Волхонка, 14

Институт философии РАН

до конца 1993 г. и в начале 1994 г. предполагает издание следующих книг:

Абрамов М.А. Догмы и их преодоление.

Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ.

Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения.

Бабаков В.Г. Кризисные этносы.

Лазарева А.Н. Духовный опыт Гоголя.

Самарская Е.А. Истоки и смысл раскола социал-демократии.

Гиренок Ф.И. Ускользящее бытие.

Фарман И.П. Воображение в структуре познания.

Худушина И.Ф. Царь, Бог и Россия (самосознание русского оппозиционного дворянства конца XVIII - первой трети XIX века).

Будем ли мы жить во "всемирной деревне"?

Научный прогресс: когнитивный и социокультурный аспекты.

Рациональность как предмет философского исследования.

Модернизация в России и конфликт ценностей.

Эстетика природы.

Теория и жизненный мир человека.

Глобальный эволюционизм.

Самоорганизация: становление постнеклассической науки.

Средневековая философия: переводы и исследования.

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского (слово II).

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского (слово V).

Тираж книг ограничен. По вопросам приобретения и предварительных заказов обращайтесь по адресу:

118942, г. Москва,
ул. Волхонка, 14.
Институт философии РАН
Издательский отдел